Составитель: Е.А. Диллендорф

Редактор: Ю.А. Здоровов
Корректор: Е.Н. Саблук
Художник: П.Н. Суханов

Г.А. Явлинский. Всё впереди

Издательская лицензия ИД № 01595,
выданная 19.04.2001 г. Комитетом РФ по печати.
Подписано в печать 19.08.2003 г.
Формат 84x108/32. Объем 12 п. л.
Печать офсетная. Тираж 7 000 экз.
Отпечатано в ППП «Типография «Наука»,
Москва, Шубинский пер. 6

Заказ № 8779

ISBN 5-89069-027-2

© ЭПИцентр, 2003
© Интеграл-Информ, 2003
Распространяется бесплатно

ОТ РЕДАКТОРА

Эта книга — продолжение вышедшего в 1999 году сборника экономической и политической публицистики Г. Явлинского «Десять лет». Нынешний сборник охватывает последние четыре года и содержит основные публицистические произведения известного политика.

Сравнивая две книги, видишь, что в главном Явлинский остался прежним — те же страстность и бескомпромиссность, та же последовательность в преследовании главной своей цели — построении в России современной рыночной экономики европейского типа и создании демократического общества равных прав и возможностей.

К сожалению, ситуация в России развивается не совсем так или даже совсем не так, как должно было бы быть «по Явлинскому». Возможно, самому Явлинскому и не реализовать все то, во что он верит. Но его смелый анализ, беспощадные оценки и трезвые прогнозы будут наверняка полезны и современникам, и будущим поколениям.

СОДЕРЖАНИЕ*

Три урока Балканского кризиса
Из выступления на «летнем Давосе» – экономическом форуме в Зальцбурге, Австрия, 2 июля 1999 года 13

Мир ждет от России не экономических программ, а того, кто сможет их реализовать
«Общая Газета», 8 июля 1999 года 17

О недопустимости широкомасштабной войны на Северном Кавказе
Заявление от 9 ноября 1999 года, Улан-Удэ, Бурятия 21

Шесть условий Масхадову
«Общая газета», № 45, 11 ноября 1999 года ... 25

«Вы ответите за кровь...»
О начинающейся войне в Чечне. Дебаты Явлинский – «Союз Правых Сил» в прямом эфире программы «Глас народа», НТВ, 26 ноября 1999 года 31

Люди чувствуют себя обманутыми
«Russian Journal», № 5, февраль 2000 года 49

*Использованы материалы архива ЭПИцентра и пресс-службы фракции «ЯБЛОКО».

Я обещаю
Выступление перед доверенными лицами при выдвижении кандидатом в президенты, Москва, Колонный зал Дома Союзов, 3 марта 2000 года 57

Кому-то выгодно, чтобы начальник охраны был слепой и глухой
«Новая газета», №10, 13 марта 2000 года 63

Экономическое лицо администрации Путина
«Время новостей», № 3, 20 марта 2000 года 75

Всё впереди
Лекция «О будущем России и ее экономики», прочитанная по приглашению Нобелевского комитета 30 мая 2000 года в Осло, Норвегия. Опубликована в «Общей газете», № 82, 28 декабря 2000 года 81

В защиту НТВ и других СМИ медиахолдинга МОСТ
Заявление от 20 сентября 2000 года 99

Власть как проблема
«Московские новости», № 39 (1057), 3–9 октября 2000 года 101

Бюджет – правительственный, решение – президентское
Выступление при рассмотрении бюджета-2001 Государственной Думой 6 октября 2000 года 111

Государственный гимн не должен никого оскорблять
Выступление, которое побоялась услышать Государственная Дума 8 декабря 2000 года 115

Притворная демократия
Выступление на Всероссийском Чрезвычайном съезде в защиту прав человека. Москва, 21 января 2001 года 119

Диалог. По-президентски. (Письмо из Москвы)
«Комсомольская правда», 31 января 2001 года 127

Время, назад!
«Общая газета», 14 февраля 2001 года 133

Куда идет Россия?
Из выступления перед студентами и преподавателями Российского государственного гуманитарного университета 21 февраля 2001 года 145

США ожидают экономические проблемы
Тезисы выступления на заседании Трехсторонней комиссии. Лондон, 11 марта 2001 года 157

За нами правда и свобода
Выступление на митинге в защиту НТВ и свободы слова 31 марта 2001. Москва, Пушкинская площадь 161

В России политика и правозащита — две педали одного велосипеда
Выступление на юбилейной конференции «25 лет Московской Хельсинкской группе». Москва, 12 мая 2001 года 163

В политике нравственные позиции — самые практичные
Выступление на собрании общественности, посвященном 80-летию А.Д. Сахарова. Москва, 20 мая 2001 года 173

Новый курс. Против чего и за что выступает «ЯБЛОКО»
«Московские Новости», 20 июня 2001 года ... 181

Либерализм для всех
«Общая газета», 28 июня 2001 года 191

Демократия для толстых
«Новая газета», № 59, 20 августа 2001 года .. 199

О вызове международного терроризма
Заявление от 12 сентября 2001 года 203

О позиции «ЯБЛОКА» по бюджету-2002
«Экономика и жизнь», 19 сентября 2001 года 205

Война с народом победной не бывает
«Новая газета», 1 октября 2001 года 209

Доступное начальное образование детям всей планеты
Выступление на международной конференции «Форум-2000». Прага, 16 октября 2001 года ... 213

Строить демократию не хотят, поэтому строят «потемкинскую деревню»
«Московский комсомолец», 18 октября 2001 года 219

Гражданское общество для показа Президенту построено!
«Общая газета», 22 ноября 2001 года 235

Дружба на время или союз навсегда? Россия и Запад после 11 сентября
«Общая газета», 24 января 2002 года 239

Телевидение «ДА-ДА-НЕТ-ДА»
«Новая газета», 18 февраля 2002 года 247

Два года работы нового Президента
Специально для сайта www.yavlinsky.ru 23 марта 2002 года 251

Дверь в Европу находится в Вашингтоне
«Общая газета», 16 мая 2002 года 253

Об итогах года после террористической атаки на США
«The Moscow Times», 11 сентября 2002 года 271

Si vis pacem, para bellum. К ситуации вокруг Ирака
Специально для сайта www.yavlinsky.ru 23 сентября 2002 года 273

Симметричная ошибка Грузии. О ситуации вокруг Панкисского ущелья
«The Moscow Times», 23 сентября 2002 года 277

Менеджеры РАО «ЕЭС» должны ответить по закону!
Выступление на заседании Государственной Думы по вопросу о реформе электроэнергетики 9 октября 2002 года 279

Чернобыль – призыв к покаянию
Специально для сайта www.yavlinsky.ru ... 283

Демодернизация
Москва, апрель–октябрь 2002 года 289

Ответственность лежит на каждом
О трагических событиях на Дубровке
«Новая газета», № 81, 31 октября 2002 года 323

Перспектива
Выступление на Международной конференции «За прекращение войны и установление мира в Чеченской Республике». Москва, 9 ноября 2002 года ... 327

Чечня: что впереди?
«Новая газета», 10 февраля 2003 года 333

Эффективней, чем война
«Известия», 10 февраля 2003 года 339

Европа и Америка вокруг Ирака
«Ведомости», 17 февраля 2003 года 349

О российской политике в целом, о предубеждениях европейцев, Ирак, Калининград, выборы, НТВ, овес, далее – везде
«Московские новости», 4 марта 2003 года 355

Правительство народного недоверия
Стенограмма выступления на заседании Государственной Думы по вопросу о выражении недоверия Правительству РФ, 18 июня 2003 года 365

Цель – ликвидация нищеты
Выступление лидера «ЯБЛОКА» на расширенном заседании Госсовета по вопросам развития экономики, преодоления бедности и модернизации армии. Москва, Кремль, 11 июля 2003 года 373

Демонтаж олигархической системы
«Файненшенл таймс», 2 сентября 2003 года 379

ТРИ УРОКА БАЛКАНСКОГО КРИЗИСА

Из выступления на «летнем Давосе» — экономическом форуме в Зальцбурге, Австрия, 2 июля 1999 года

Обсуждение в Зальцбурге должно быть посвящено не российским вопросам — их мы вполне можем обсудить в России. Обсуждение должно быть посвящено вопросам европейским. Я выступаю не от имени правительства. Честно говоря, я просто не знаю, что думает мое правительство по ключевым вопросам европейской безопасности. Я выступаю от имени моей партии и тех 10 миллионов избирателей, что отдали за нас свои голоса. И хочу начать с тех уроков, которые мы должны извлечь из Косовского кризиса.

ПЕРВЫЙ УРОК — и главный — для России. Россия очень похожа на Югославию: то же федеративное устройство, те же десятилетия жизни в условиях коммунистической системы. Поэтому урок для России: всякий национализм, всякая национальная идея, всякая попытка поставить одну нацию над другой ведет к полной и окончательной катастрофе. И преступная деятельность Милошевича для нас очень важный звонок, чего в России нельзя ни в коем случае делать. А желающие у нас, конечно, найдутся!

УРОК ВТОРОЙ, который еще должным образом не понят, — для Европы. Он заключается в том, что никто не знает, как долго будет продолжаться то, что происходит сегодня в Косово. Последствия окажутся исключительно тяжелыми и долгосрочными. Учиты-

вая опыт нашей страны, мы можем сказать: вы получите Еврочечню в самом центре Европы. Это значит, что вы столкнетесь с огромным количеством людей, не имеющих работы и источников существования, зато вооруженных и обозленных. Не забывайте, что вам понадобится теперь 30 млрд долларов на ближайшие 5 лет, чтобы хоть как-то восстановить там нормальную жизнь. Смысл этого урока для Европы я бы определил так: не стоит нажимать на гашетку пулемета, если можно снять телефонную трубку.

ТРЕТИЙ УРОК – для НАТО. Он еще впереди, но первая ласточка уже есть: европейцы начали потихоньку отодвигаться от Соединенных Штатов. Недавно я беседовал с господином Киссинджером, и он меня спросил: почему это происходит? Я ответил ему: потому, что европейцы – культурные люди, и им претит то, что натворили в Югославии, какова бы ни была официальная позиция их государств. Но больше всего меня смущают победные нотки со стороны НАТО. Я бы очень не советовал забывать вам, что радоваться абсолютно нечему.

Празднование победы неуместно, во-первых, потому что вы не сумели предотвратить все, что там случилось; во-вторых, потому что нельзя убивать одних невинных людей во имя спасения прав других невинных людей. Вы нарушили все международные нормы и собственный устав, вы использовали двойной стандарт, вы вели себя по принципу: цель оправдывает средства. Так невозможно установить мир, и мы это точно знаем!

То, что вы сделали, это огромный вклад в мировой кризис. Больше не существует Совета Безопасности как работоспособного органа, специально созданного после Второй мировой войны. Больше не имеет значения ООН. А если вы посмотрите по сторонам –

что происходит в Косово, в Израиле, в России, в Китае, – вы увидите, что постепенно назревает огромный кризис, охватывающий многие регионы мира. И все это на фоне заявления господина Клинтона, что мы наводим порядок там и так, как считаем нужным. Это прямой путь к распространению ядерного оружия, которым будут стремиться обзавестись даже маленькие страны, чтобы не позволять никому наводить в них свой порядок.

Балканский кризис – это и вина России. За два года развития конфликта на Балканах российский МИД не выработал никакого приемлемого плана, вплоть до последнего времени активно поддерживая Милошевича. И только под самый конец конфликта миролюбивая акция России спасла Европу от катастрофы. Я имею в виду миротворческую миссию Черномырдина, остановившую наземную войну. Но что теперь собирается делать там Россия – опять совершенно неясно.

Почему такая странная внешняя политика у России? Почему не идут в нашей стране реформы, которые получились у других стран Восточной Европы? Вот наш ответ: потому что 10 лет назад в этих странах произошли демократические революции, а в России произошел термидор. У власти остались те же самые люди, только они выучили новые слова – про демократию, рынок, свободу. А все осталось по-прежнему. Именно поэтому Россия в Кельне вела себя одновременно и как маленькая недоразвитая страна, милостиво упрашивающая простить ей долги, и как глобальная супердержава, поучающая всех, как строить мировую систему безопасности. Именно поэтому Россия так и не сказала до сегодняшнего дня, что в Косовском конфликте она должна быть не на стороне сербов или албанцев, а на стороне жертв агрессии.

Именно поэтому и не смогли ничего сделать наши молодые реформаторы, которые нанялись к тем, кто совершил термидор, и принесли им за 10 лет в клюве 80 млрд долларов. Ваших долларов, которые вы дали на наши реформы. А теперь нет ни реформ, ни молодых реформаторов, ни 80 млрд долларов. Зато остались те, кто совершил термидор. И они сидят и думают, как бы его продлить подольше.

А вообще-то после всех трагических косовских событий, наш народ стал чувствовать себя ближе к вашим народам. Потому что раньше мы знали, что в России есть две проблемы — дураки и дороги. Теперь мы знаем, что у вас тоже есть проблемы. Но дороги у вас — хорошие...

МИР ЖДЕТ ОТ РОССИИ НЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОГРАММ, А ТОГО, КТО СМОЖЕТ ИХ РЕАЛИЗОВАТЬ

«Общая Газета», 8 июля 1999 года

Одним из главных мировых событий минувшей недели стал Экономический форум стран Восточной и Центральной Европы в австрийском городе Зальцбурге. В нем приняла участие весьма представительная российская делегация в составе действующего премьера Сергея Степашина, двух бывших — Сергея Кириенко и Виктора Черномырдина, а также Бориса Березовского, Владимира Рыжкова, Константина Титова, Анатолия Чубайса, Григория Явлинского. После возвращения из Зальцбурга лидер «ЯБЛОКА» Григорий Явлинский побывал в нашей редакции и ответил на вопросы «ОГ».

— Григорий Алексеевич, какое место в мировой табели о рангах занимает Зальцбургский форум?

— Как вы знаете, есть Всемирный экономический форум, который вот уже много десятилетий ежегодно проводится в швейцарском Давосе. Там представлены крупнейшие международные компании, на долю которых приходится две трети оборота мирового бизнеса плюс вся политическая элита планеты. С некоторых пор Давос обрел свои региональные секции или подразделения. Одной из них, касающейся экономики Восточной и Центральной Европы, как раз и является Зальцбургский форум, проводимый уже в четвертый

раз. Состав участников там столь же представителен, как и в Давосе. С той лишь разницей, что собираются те, чьи экономические и политические интересы связаны именно с этой частью Европы. Мне довелось в нем участвовать в третий раз.

— Какова была тематика форума?

— Она включала два главных вопроса. Один традиционный: «Состояние экономики в Восточной Европе», второй — «Европейская безопасность», навеянный последними событиями в Югославии. Соответственно, первому вопросу было посвящено пленарное заседание, открывающее форум (в среду вечером, 30 июня), второму — последнее пленарное заседание, закрывающее форум (в пятницу вечером, 2 июля). Между этими двумя пленарными заседаниями уместились многочисленные секции.

— Насколько велик интерес к российской проблематике?

— Несколько секций было посвящено проблемам нашей страны: политическим сценариям развития событий в России, инвестициям, энергетике, экономическим программам... Наша делегация по традиции была едва ли не самой представительной, а премьер-министр Сергей Степашин выступал на пленарном заседании, открывающем форум. Очевидно, такое решение было принято в последний момент, поскольку в программе доклад Степашина не значился.

— Как мир реагирует на Россию сегодня?

— Весьма просто и определенно: долги вы нам не отдаете, а вместо этого рассказываете экономические программы. Не надо программ, лучше скажите, кто их, наконец, сможет реализовать и вернуть нам наши

денежки? И когда наш премьер говорил: приезжайте в Россию, посмотрите, как идут реформы в таком-то регионе или в таком-то, в зале то и дело возникало оживление. Международные инвесторы, которые там собрались, прекрасно знали, что названный регион задолжал им такую-то кругленькую сумму, а другой — еще большую...

— Если отвлечься от российской тематики, что было в центре внимания в Зальцбурге?

— Безусловно, ситуация в Косово и безопасность Европы. Этой проблеме было посвящено последнее заседание форума, которое я считаю очень важным. Его вел министр иностранных дел Австрии. Выступали там министр иностранных дел Польши, премьер-министр Македонии, генеральный секретарь НАТО Хавьер Солана и ваш покорный слуга. Между прочим, между Соланой и мной завязалась там довольно жаркая дискуссия. В зале присутствовало 750 человек — вся мировая пресса, и только российские журналисты блистательно отсутствовали.

— Мы готовы исправить упущение своих коллег. Расскажите, о чем вы говорили в своем выступлении?

— Давайте я лучше отдам вам тезисы своего доклада.

— Григорий Алексеевич, вас можно назвать ветераном мировых экономических форумов: 8 раз вы участвовали в Давосе, 3 раза — в Зальцбурге. Меняется ли отношение к вашим выступлениям с течением времени?

— Меняется, и особенно ясно я это почувствовал в этом году. Раньше многие считали, что Явлинский всем недоволен, только и делает, что критикует, при-

нижает роль экономических реформ в России. После 17 августа многое изменилось. Дело в том, что ровно год назад на Зальцбургском форуме в июле 1998 года я выступил с экономическим сценарием развития событий в нашей стране. Этот сценарий практически точно реализовался полтора месяца спустя — 17 августа. Мировые инвесторы, собравшиеся тогда в зале, потеряли на России 20—30 млрд долларов. Так что теперь они слушают меня более внимательно, чем раньше.

О НЕДОПУСТИМОСТИ ШИРОКОМАСШТАБНОЙ ВОЙНЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Заявление от 9 ноября 1999 года,
Улан-Удэ, Бурятия

Ситуация в России становится все более напряженной. Сотни тысяч беженцев на Северном Кавказе, угроза широкомасштабной зимней партизанской войны, нарастающие жертвы среди мирного населения, провоцирование конфликтов между военным и гражданским руководством страны в связи с абсолютной неясностью политической перспективы в Чечне — все это серьезная политическая дестабилизация.

Вооруженные силы России в августе—ноябре нынешнего года выполнили свою задачу на Северном Кавказе, создав впервые за последние пять лет убедительные предпосылки для ведения политического процесса.

В сложившихся условиях в целях обеспечения безопасности российских граждан и стратегических интересов государства мы считаем необходимым потребовать от политического руководства страны немедленных действий и предлагаем следующий план.

Введение чрезвычайного положения на части территории Ставропольского края, Республики Дагестан и других территорий, сопредельных с Чеченской Республикой.

С целью обеспечения минимально необходимой правовой базы для действий Вооруженных сил РФ — в соответствии с законодательством и воинскими ус-

тавными документами определить зоны ведения боевых действий, обнародовать приказы Верховного Главнокомандующего ВС РФ и решения высших органов государственной власти страны, в соответствии с которыми осуществляются боевые действия на Северном Кавказе.

Прекратить массированные бомбардировки территории Чеченской Республики и приостановить широкомасштабные сухопутные наступательные операции.

Начать переговоры с А. Масхадовым как с законно избранным Президентом Чеченской Республики. Условия переговоров:

- освобождение всех людей, взятых в заложники;
- создание минимальных основ гражданского правового государства, прекращение похищения людей и работорговли;
- выдача российским властям для предания суду террористов, объявленных в международный розыск либо депортация обвиняемых в терроризме за пределы Чечни и Российской Федерации;
- осуществление всеми имеющимися у официальных властей Чеченской Республики силами комплекса решительных мер по разоружению всех негосударственных вооруженных формирований;
- ликвидация всех военизированных репрессивных органов;
- отказ от приема на территории Чечни лиц, обвиненных в международном терроризме.

Российские власти готовы оказывать всемерную поддержку официальным властям Чеченской Республики в выполнении этих задач.

В случае отказа президента А. Масхадова от ведения переговоров в рамках изложенных условий — отводится 30 суток для того, чтобы беженцы могли покинуть Чеченскую Республику. Затем перечисленные задачи решаются федеральными силами самостоятельно.

Поскольку в районе ведения боевых действий места своего постоянного проживания уже покинули несколько сот тысяч человек и в ближайшее время их число может возрасти, — важнейшей государственной задачей является обустройство этих людей в безопасных для проживания местах с присвоением им соответствующего статуса.

В целях материального и медицинского обеспечения людей, покинувших места своего постоянного проживания, необходимо немедленное привлечение государственных ресурсов и резервов Российской Федерации, а также широкое и беспрепятственное предоставление международной помощи со стороны ООН, ОБСЕ, Международного Красного Креста, различных мировых гуманитарных организаций и правительств зарубежных государств.

Для повышения эффективности работы контрольно-пропускных пунктов на административной границе Республики Ингушетия и Чеченской Республики привлечь для выполнения контрольных функций Федеральную пограничную службу, заменив ею подразделения Министерства обороны РФ.

ШЕСТЬ УСЛОВИЙ МАСХАДОВУ

«Общая газета» № 45, 11 ноября 1999 года

Война до последнего чеченца...
Если цель России не в этом, то дело за политиками

Уже очевидно: в Чечне опять война. Не имеет значения, как ее называют официальные лица. То, что творилось там в 1994–1996 гг., тоже называли не войной, а операцией. А чем нынешняя операция отличается от предыдущей?

Разница — только в информационном имидже, в том, какими красками рисуют войну и как воспринимает эти зарисовки общество. Нынешняя «операция» выглядит намного привлекательнее. Генералы теперь талантливее и добрее, чеченцы коварнее, наши намерения честнее, победа ближе. Но, может, это только оптический обман, пропагандистская иллюзия?

Если эта война справедливее той, непонятно, почему она началась с того же самого — с обмана. В объявленных планах Москвы не было ведь ни форсирования Терека, ни блокады Грозного, ни зачистки территории; премьер-министр Путин уверял, что военные займутся строительством санитарного кордона, что сухопутной войсковой операции не будет. А если эта война — всего лишь попытка реванша за прошлое поражение, нужна ли она России?

Сегодня не принято задаваться подобными вопросами. Считается, что не время. Редакция «ОГ» име-

ет другую точку зрения: пока еще есть шанс избежать повторения пройденного, необходима серьезная дискуссия о том, что даст России и Чечне новая война, оправдает ли победа принесенные на ее алтарь жертвы. Мы начинаем это обсуждение статьей ***Григория Явлинского*** *и приглашаем читателей присоединяться к разговору.*

Нет сегодня ничего сложнее для России, чем Чечня. Прежде всего потому, что речь идет о смертельной угрозе сотням тысяч действительно несчастных, ни в чем не повинных женщин, стариков и детей, обычных российских граждан, чеченцев по национальности, которые просто хотят жить и работать на своей земле.

А еще потому, что в Чечне действительно созданы крупные группировки военизированного криминалитета, агрессивные, хорошо вооруженные, получающие, скорее всего, поддержку из-за рубежа. Более того, предоставляющие на мировой рынок новую «услугу» — войну против кого угодно, по заказу, за деньги. Чечня, Таджикистан, Киргизия — опасность для России реальная и на долгие годы.

То и другое объединилось во времени и в пространстве, что делает ситуацию очень сложной.

События в Дагестане перевели все эти процессы в острую, открытую фазу. Абсолютно обоснованно вступила в дело российская армия и справилась с поставленной задачей. Она вышла на рубежи северного берега Терека и тем самым получила позиции, необходимые для контроля за ситуацией. Главное — армия действительно смогла впервые за пять лет обеспечить условия для начала строительства настоящей границы, ввести контроль за административными рубежами Ставрополья, Ингушетии, Дагестана.

Поскольку главная цель России — безопасность российских граждан, то, выйдя на эти позиции, разгромив агрессора в Дагестане, получив поддержку местного населения, армия обеспечила политикам превосходные условия для ведения политического процесса в Чечне, в том числе и переговоров с позиции силы.

По всем правилам, в этот момент инициатива должна перейти к политическому руководству страны. Но... ни в Кремле, ни в Белом доме не оказалось политиков. И генералы, подождав немного, пошли дальше и грозно предупредили, чтобы им не мешали «идти до конца».

В такой позиции генералов безусловно есть своя, военная, логика, и они по-своему, по-военному, правы.

Но политика — это совсем другое. Президент США Трумэн не колеблясь уволил в отставку легендарного генерала Макартура, когда тот во время корейской войны предложил бомбить Китай для «закрепления успеха и создания условий для окончательной победы». Американские генералы долго уговаривали своего президента бомбить Кубу во время Карибского кризиса и были отстранены от должностей. Совсем недавно генерал Шварцкопф был уволен из вооруженных сил за то, что после «Бури в пустыне» настаивал на необходимости сухопутного наступления на Багдад. Генералы всегда предлагают такие решения. Это правильно. Это их логика. Но политика, еще раз повторю, совсем другое дело.

Не сомневаюсь, что руководством армии движут в первую очередь патриотические чувства, но цель, которую генералы называют — «окончательная победа в Чечне», — абсолютно иллюзорна и в силу этого губительна для страны.

Она ведет Россию не к укреплению государства и армии, а к нравственной и геополитической катастрофе — последней, возможно, непоправимой российской беде XX века.

Тотальными бомбардировками и издевательствами над беженцами мы увеличиваем количество людей, берущихся за оружие, чтобы воевать против нас. Неужели после войны 1994–1996 гг. не ясно, что в конце концов это поставит вопрос о геноциде одного из этносов Российской Федерации. Этого Россия не переживет, не сможет сделать, а потому потерпит свое окончательное поражение. Необходимо остановиться на этом самоубийственном пути.

Война и судьба России — это слишком серьезно, чтобы подчинять их сугубо военной логике, да еще и замешанной на личном недавнем позоре и стремлении к мести. Военное командование не может ставить политические задачи и принимать политические решения. Этого никогда не было в истории России. Но сейчас это, похоже, становится реальностью, и это самый худший итог десятилетия ельцинской власти.

Однако это не какой-то заговор, военный переворот. Дело обстоит хуже. Это результат полной дискредитации власти клептократов, объединившихся вокруг президентской команды, результат презрения армии и общества к этой власти, боли, испытываемой за положение страны.

Когда военные говорят о предательстве в высших эшелонах власти, о том, что армию обворовывают в прямом и политическом смысле, — они правы. Это, конечно, касается в России не только военных, но и почти всех остальных. Однако именно солдаты и офицеры платят прежде всех остальных за это своей жизнью.

Освобождение из тюрьмы Беслана Гантамирова, формирование во главе с ним какой-то новой чеченской власти свидетельствуют совершенно определенно, что у правительства России нет никакого разумного плана по действиям в Чечне. Просто нет. Теперь

понятно, почему правительство все время темнит, путается, врет, вводит цензуру, устраивает пропагандистские кампании и вообще ведет дело не как государственную политику, а как операцию спецслужбы, окончательно оболванивая общественное мнение. Любой политик, пытающийся разобраться в ситуации, не имеет достоверной информации ни из Чечни, ни из правительства.

После истории с Гантамировым от нашего правительства ничего разумного ожидать не приходится. Боюсь, что это правительство очередного Крупного провала. Поэтому, как и во времена Павла Грачева, необходимо самим предлагать, настаивать, пробивать план как военного, так и политического решения в Чечне.

Прежде всего следует начать с введения чрезвычайного положения на территориях, сопредельных с Чеченской республикой, в том числе и на части Ставропольского края. Определить зоны ведения боевых действий, обнародовать приказы Верховного Главнокомандующего и решения органов государственной власти страны, в соответствии с которыми осуществляются боевые действия на Северном Кавказе.

Прекратить массированные бомбардировки территории Чечни и приостановить сухопутную наступательную операцию.

Провести переговоры с Асланом Масхадовым как законно избранным президентом Чечни, выдвинув ему шесть условий:

— освобождение всех людей, взятых в заложники, прекращение новых похищений и работорговли;

— создание минимальных основ гражданского правового государства;

— выдача российским властям террористов, объявленных в международный розыск, либо депортация обвиняемых в терроризме за пределы Чечни;

— разоружение всех негосударственных вооруженных формирований на территории Чечни;

— ликвидация всех военизированных репрессивных органов;

— отказ от приема на территории Чечни лиц, обвиненных в международном терроризме.

В случае отказа Масхадова от ведения переговоров на изложенных условиях — отвести 30 суток для того, чтобы беженцы могли покинуть Чечню. Затем федеральные силы решают все вышеперечисленные задачи самостоятельно.

Федеральное правительство должно принять все необходимые меры для обеспечения безопасности, материального и медицинского обеспечения беженцев, беспрепятственной помощи им со стороны международных гуманитарных организаций.

Все это необходимо для того, чтобы дать возможность сохранить жизни людей и не попасть в необратимую ситуацию. Полгода назад Россия спасла от подобного тупика НАТО в Югославии. Почему не сделать этого для себя?

«ВЫ ОТВЕТИТЕ ЗА КРОВЬ...»

О развивающейся войне в Чечне.
Дебаты Явлинский — «Союз Правых Сил»
в прямом эфире программы «Глас народа», НТВ,
26 ноября 1999 года

***Евгений Киселев**. Добрый вечер, это программа «Глас народа». Сегодняшний выпуск мы решили посвятить дискуссии на самую жгучую, злободневную и самую болезненную тему в России — войне в Чечне. Для участия в нашей дискуссии мы пригласили двух политиков и государственных деятелей России — Григория Явлинского и Анатолия Чубайса*[1].

Выбор наш неслучаен. Некоторое время тому назад Григорий Явлинский выступил с инициативами по урегулированию чеченской проблемы, которые вызвали в обществе бурную дискуссию. Анатолий Чубайс тоже в студии неслучайно — он выступил с резкой критикой предложений Явлинского. Причем прозвучали слова «удар в спину российской армии» и «предательство». О ваших разногласиях мы сегодня и поговорим и вынесем их на суд телезрителей.

Григорий Явлинский. Мы настаиваем на каждом пункте сделанного заявления. Цель и смысл нашей работы — это жизнь, безопасность и здоровье каждого российского гражданина.

---

[1]Текст публикуется с существенными сокращениями. Полностью прочитать дискуссию можно по адресу http://www.yavlinsky.ru/said/interviews/index.phtml

Для этого сегодня необходимо, если говорить о Чечне, уничтожить или судить террористов или бандитов, которые там образовались в последние годы. Для этого необходимо проводить политику, которая будет понятна всем, живущим на Северном Кавказе и, в частности, живущим в Чечне, которая вызовет хоть какое-то доверие.

Войну можно выиграть силой, а мир силой установить нельзя. Когда господин Чубайс обвиняет нас в предательстве, он как всегда выступает очень нагло и бесчеловечно. Он платит чужими жизнями за политические очки, которые хочет на этом нажить перед думскими выборами. В этом стиле он проводил реформы в России. Они во многом не удались. А мы не хотим, чтобы Кавказ навсегда остался очагом терроризма. Поэтому мы должны искать там сторонников. Российская политика на Кавказе должна учитывать собственный опыт XIX века. Чем больше у нас сторонников на Кавказе среди обычных жителей Чечни, которые попали в плен к своим же бандитам, тем больше у нас шансов с минимальными жертвами закончить войну на Кавказе.

Анатолий Чубайс. Сближает меня с Григорием Алексеевичем, что моя позиция тоже не изменилась. В многочисленных шести условиях еще очень много интересного. Не буду все цитировать, но самое главное, что, видимо, просто забыл Григорий Алексеевич, для достоверности прочту: «...приостановить сухопутную наступательную операцию». Это вы сказали, Григорий Алексеевич. Сейчас вы почему-то об этом не упомянули. Я абсолютно убежден в том, что сегодня приостановить операцию в Чечне, предъявив шесть условий Масхадову, двенадцать, пятнадцать условий — означает кровь. Кровь российской армии. Потому что за этот месяц, о котором идет речь в вашем выступлении, при открытой границе с Грузией, при продолжающейся притекающей

поддержке к чеченским боевикам из-за рубежа любому нормальному человеку ясно, что произойдет дальше. Произойдет ровно та передышка, которая необходима сегодня Басаеву и его друзьям, произойдет очевидное усиление чеченских бандитов, которые с новых позиций набросятся потом на российскую армию. Я убежден в том, что это кровь. И за эту кровь отвечает Григорий Алексеевич Явлинский. Именно поэтому моя позиция не изменилась ни на йоту.

Е.К. *Позвольте мне задать несколько уточняющих вопросов. Что сейчас происходит в Чечне? Это война или это антитеррористическая операция, как говорит председатель правительства Владимир Путин?*

Г.Я. Когда войска выдвинулись на позиции над Тереком и начали реально создавать зону безопасности — это все было и остается важнейшей задачей. Военные создали положительные условия для решения проблем терроризма на Северном Кавказе.

Когда же они перешли Терек, и появилось заявление, в котором было сказано: остановить широкомасштабное — я подчеркиваю и настаиваю на этом слове, — широкомасштабное наступление. Сегодня развертывание там партизанской войны против нашей армии приведет к очень тяжелым потерям.

Тогда и было сказано, что необходимо провести операцию так, как они, опираясь в Дагестане на поддержку местного населения. Тогда разгромили бы бандитов еще в августе-сентябре...

Сегодня это кавказская война.

А.Ч. Я считаю, что это война. Я видел, что там происходит, и не считаю нужным сглаживать углы или оправдывать все, что там происходит. На войне много чего происходит, о чем говорить тяжело, а ви-

деть тем более. Но я убежден в том, что это война не с чеченским народом. Это война с чеченскими бандформированиями. И самое гуманное с точки зрения России — и не только с точки зрения России — это максимально быстро довести эту операцию до конца и уничтожить чеченский терроризм в рамках той самой войны, которая сегодня ведется чеченскими террористами[2].

Е.К. *Вы не боитесь того, что ваша позиция, которую каждый из вас занимает по войне в Чечне — может оттолкнуть от вас часть избирателей? Есть свежие данные ВЦИОМа, свидетельствующие о том, что свыше 60 процентов граждан России, взрослых избирателей, поддерживают боевые действия в Чечне. У вас, Григорий Алексеевич, есть уверенность, что среди ваших избирателей нет тех, кому нравится то, что делают правительство и вооруженные силы в Чечне? И, кстати, рейтинги ваши опускаются последнее время.*

Г.Я. Да, не всегда удается разъяснить свою позицию в полном объеме сразу и всем избирателям. Люди

[2]По данным Министерства обороны, боевые потери всех российских силовых ведомств в Чечне с 1 октября 1999 года по 23 декабря 2002 года составили 4 572 погибшими и 15 549 ранеными. Аналогичные сведения со ссылкой на штаб Объединенной группировки войск на Северном Кавказе были распространены 17 декабря 2002 года. Тогда было сказано, что с 1 октября 1999 года по 15 декабря 2002 года погибли 4 705 военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов, а ранены были 13 040.

В августе 2002 года Комитет солдатских матерей утверждал (и составил поименный список погибших), что во второй чеченской кампании погибли 11 тысяч военнослужащих.

По данным начальника 124-й Центральной лаборатории медико-криминалистических исследований Минобороны В.В. Щербакова, только через его лабораторию за вторую чеченскую войну прошли тела 2 798 солдат и офицеров. Между тем, в ростовской лаборатории идентифицируют тех, кого уже нельзя опознать.

не все сразу могут понять и сообразить. Они не могут заниматься политикой непрерывно. Но в политике есть важный принцип — сказать правду вовремя. В этом и есть наша задача и наша работа.

Мы убеждены, что те 40 процентов граждан, которые размышляют над происходящем в Чечне, для которых судьба каждого солдата там, судьба России небезразлична, — они поймут нас и поддержат раньше или позже. Не все в политике делается во имя рейтингов, в том числе и тогда, когда идет война.

Е.К. *Анатолий Борисович. Вы не боитесь, что вы, занимая такую жесткую позицию в поддержку силовых действий в отношении Чечни, можете потерять часть либерально-демократического электората в хорошем смысле этого слова? Сравните вашу позицию с позицией Елены Георгиевны Боннер, которая выступила с очень жестким заявлением против силовых действий по Чечне, назвав то, что там происходит, «геноцидом».*

А.Ч. Естественно, любая политическая сила прислушивается к тому, что говорит ее избиратель. Но и в этом у нас есть одно очень важное отличие от Григо-

Разумеется, что погибших на войне должно быть в несколько раз больше тех, кого потребовалось отправить в Ростов на идентификацию.

В отличие от официальных заявлений в данных Комитета солдатских матерей и начальника 124-й лаборатории не различаются боевые потери от небоевых. К последним относятся случаи гибели военнослужащих в результате неуставных отношений, разного рода несчастных случаев, дорожно-транспортных происшествий, непроизвольных взрывов, природных катаклизмов, алкогольных отравлений и т.п.

В 1994–1996 годах все силовые ведомства РФ в ходе военных действий на территории Чеченской Республики потеряли убитыми и умершими 5 042 человека.

рия Алексеевича. Он сказал только что: «Очень важно сказать вовремя». У нас другой принцип — очень важно сказать то, что ты на самом деле думаешь.

Я считаю, что сегодня приостановить сухопутную операцию в Чечне — это преступление.

Г.Я. Вы занимались финансовой политикой нашей страны начиная с 1992 года. Вы строили такие бюджеты и проводили такую финансовую политику, что наша армия оказалась в самом унизительном положении в мире. Самое большое количество самоубийств наших офицеров случилось именно от того, что вы — вы лично — перестали платить им зарплату. У нас перестали проводиться маневры. Налет нашей авиации — 10 часов, в Европе — 200 часов. Это плоды той финансовой политики, которую вы проводили.

Сегодня вы говорите, что армия возрождается, воюя в Чечне. И вновь правительство не платит той зарплаты, которую обещало. Скажите, пожалуйста, не считаете ли вы свою финансовую политику по отношению к армии за все эти годы предательством?

А.Ч. В 1997 году 31 декабря мы впервые — уж не знаю, к сожалению или к счастью, — реально выплатили до последнего рубля всю заработную плату бюджетникам в стране. Это впервые было сделано в декабре 1997 года, в том числе и военным, когда я работал. И, кстати, та самая армия, о которой вы сейчас говорили как о развалленной и разрушенной, сегодня побеждает в Чечне. И я действительно уверен, что в этой победе армии — залог нашего общего будущего.

Представьте, что то, что вы предложили и заявили, действительно начинает реализовываться. Армия остановлена, в течение месяца с Масхадовым идет бурная дискуссия о шести условиях и пяти предпосылках, после чего, как вы сами написали, армия продолжает исполнять свои обязанности... Вы действительно считаете, что с Масхадовым мы бы договорились и было бы остановлено кровопролитие?

Г.Я. Анатолий Борисович, я сегодня прошу прощения у всех зрителей. Вы все-таки уникальный лжец. Вы знаете, что в заявлении сказано было совсем подругому. Там сказано было, что должны быть прекращены широкомасштабные бомбардировки и широкомасштабное наступление.

Только что я приводил вам примеры, как военные, без ваших всхлипов и переживаний по ним, договорились и взяли Гудермес. Военные точно так же договорились и взяли Ачхой-Мартан. Военные сегодня в том же ключе говорят о возможном взятии Грозного. И я считаю, что переговоры с представителями Чечни необходимы. Со всеми, кто может с той стороны вести переговоры. А тем более с теми, кто контролирует более 30 процентов вооруженных людей и боевиков. С тем, чтобы хотя бы эти боевики соблюдали нейтралитет. Чтобы ответственные люди в Чечне обращались к жителям Чечни, чтобы они поддерживали вооруженные силы России в этой операции. Потому что большинство чеченцев сегодня — абсолютное большинство — желает освобождения от бандитов. Бандитов там может быть 30 тысяч. А жителей 300 тысяч. Вот кого мы имеем в виду и кто для нас тоже важен...

А.Ч. Давайте представим себе на секунду, что точно с такой же инициативой о том, чтобы обратиться для проведения мирных переговоров, остановить боевые действия — все-таки именно это написано в заявлении, которое вы потом на досуге прочтете, — обратились бы советские лидеры весной 1945 года к господину Гитлеру. Давайте остановим боевые действия, господин Гитлер, давайте обсудим шесть условий, которые мы предложили, ну а потом через месяц, может быть, мы и продолжим боевые действия. Вы

считаете, что таким способом действительно можно было действовать?

Г.Я. Хочу вас спросить: вы же были главой администрации президента, а потом первым заместителем председателя правительства, когда с этим самым Масхадовым, которого вы сейчас приравняли к Гитлеру, вы подписывали договор. Ельцин — ваш президент — подписывал договор, а вы его готовили. Ваша партия была у власти, когда поставлялось оружие Дудаеву. Вы, лично вы, в течение 1996, 1997, 1998 годов — до тех пор, пока вас не убрали из правительства — передавали деньги в Чечню якобы на экономическое восстановление, а на самом деле на вооружение боевиков. Вот что делали лично вы. Я не знаю, кто в советском правительстве был аналогичен вам. Может быть, Молотов, который подписал договор с Риббентропом. Оттуда пошла чеченская война.

А то, что мы получили сейчас, когда они перешли границу Дагестана — произошло как следствие войны 94–96-го годов, которую вы лично финансировали. Вот кто несет ответственность за эту войну...

А.Ч. Григорий Алексеевич, вы даже не представляете, как я вам завидую. Какая замечательная, прекрасная, блестящая, ничем не пробиваемая позиция! Я ни за что не отвечаю, я все эти годы стоял в стороне и смотрел, я все эти годы вот так указывал: это сделать, то сделать, это неправильно, тут все провалено... Блестящая позиция, о которой можно только мечтать. Знаете, такой образ чистой, честной, непорочной, неподкупной невесты. С одной проблемой — невесте шестой десяток.

Что я делал в это время? Если уж вас действительно, на самом деле это интересует, вам отвечу. Ровно тогда, когда Сергей Адамович Ковалев вернулся из Грозного, для меня — если вы действительно хотите знать об этом — был очень тяжелый и серьезный вопрос: продолжать работу в правительстве, беря на себя ответственность за все, и получить потом от вас все, что вы сегодня и еще лет двадцать будете высказывать? Делать свое дело при этом? Стремиться все-таки сделать максимум того, что можно сделать в экономике, или уйти из правительства? И я с этим вопросом тогда пришел не к вам. Ваше мнение в этом смысле меня никогда не интересовало, несмотря на ваше громогласное словоговорение. Меня интересовало мнение одного человека — Ковалева Сергея Адамовича, того, кого я уважал и уважаю, несмотря на разногласия с ним. Вот к этому человеку я пришел на следующий день после того, как он вернулся из Грозного. И спросил его: «Сергей Адамович, как вы считаете, с точки зрения морали и с точки зрения дела правильно или неправильно сейчас мне оставаться в правительстве, при абсолютно разрушенной экономике, при тяжелейших задачах, которые нужно решать во время войны с Чечней? Пытаться хотя бы немного оздоровить финансы или лучше уйти и хлопнуть дверью?» Знаете, что мне сказал Ковалев? «Вы обязаны остаться». И я так и сделал, Григорий Алексеевич.

Г.Я. Я делаю еще одно заявление — Чубайс лжет. Ковалев мне рассказывал про этот эпизод. Я бы его не стал рассказывать, но раз вы это делаете... Сергей Адамович рассказывал, что он сказал вам совсем другое. Он сказал вам: «Чубайс, это вопрос вашей совести. Сами решайте». И вы отправились назад в правительство финансировать первую чеченскую войну.

Е.К. *К сожалению, здесь нас мог бы рассудить только Сергей Адамович Ковалев. Но его в студии нет*[3].

[3]С.А. Ковалев находился в Перми. В ходе программы с ним связались и вывели по телефону в студию.

Анатолий Шабад. Григорий Алексеевич, что с вами случилось? Я понимаю, позиция Чубайса очень неприятная и тяжелая. Но она цельная. Если бы вы заняли цельную позицию, если бы вы сказали, что войну не надо было начинать или уж если начали, то заканчивать без всяких условий, я бы, вы меня знаете, первый вам аплодировал. Но что вы делаете?

Г.Я. Очень важный вопрос. У этой войны несколько этапов. Первый — чрезвычайно опасный этап для России, когда террористы, военизированный криминал, созданный в Чечне за последние годы, перешел границу Дагестана и попытался навязать ему другие конституционные нормы, другие условия жизни.

Это была прямая агрессия против Российской Федерации, против безопасности и свободы нашей страны. Ответ должен был быть жестким. Он таким и был. Ответ опирался на поддержку населения. Разгром, хотя и с очень тяжелыми потерями, состоялся. Россия получила огромный моральный капитал. Военные выполнили свою задачу. И двинулись для того, чтобы создать кордон или границу, занять высоты, чтобы контролировать ситуацию. Все это было совершенно необходимым. И военные сделали это.

Затем вдруг раздались новые призывы: «Мы идем дальше». Правительство в это время ничего не формулировало, никак не определяло свои цели и задачи, не говорило, что собирается делать в Чечне. Ситуация начала принимать саморазвертывающийся характер.

В этих условиях мы посчитали необходимым сказать политикам, а вовсе не военным, я не начальник Генерального штаба, что они обязаны делать: принять соответствующие законы, опубликовать указы Верховного главнокомандующего по ситуации в Чечне, ввести чрезвычайное положение, четко и ясно всему миру, России и Чечне объяснить цель своих действий на

территории Чечни. Я не раз это обсуждал с премьер-министром. Это было и остается совершенно необходимым.

В ноябре ситуация в Чечне отличалась от ситуации сентября-августа. Она меняется, меняется и политика, потому что во главе этой политики должны стоять интересы и жизни солдат и офицеров. И жителей Чечни. Там уже 200 тысяч беженцев. Уже 200 тысяч! Люди живут в тяжелейших условиях!

Дальше ситуация начинала развиваться совершенно бесконтрольно. Тогда мы сделали заявление о прекращении воны. Военные и сейчас, и тогда решали и решают задачи. Просто военные должны делать свою работу, а политики свою. Мое заявление было обращено к политикам, чтобы они начали решать политическими средствами проблему терроризма в Чечне.

Отто Лацис, обозреватель газеты «Новые Известия». Григорий Алексеевич, если войска остановятся, а горные тропы останутся, вы не боитесь, что следующий взорванный дом в следующем Волгодонске будет на вашей совести?

Г.Я. Отто Рудольфович, во-первых, войска раньше или позже остановятся. И вы это прекрасно понимаете. Занять тотально всю территорию Чечни они не смогут никогда. Это в принципе невозможно.

Во-вторых, вспомните мировые примеры. Например, Ближний Восток. Израиль побеждал и уничтожал своего противника — арабов — на всех территориях. Все завоевал, все забрал: все высоты, все дороги, все пункты. И сорок лет воюет с террористами! И начал переговоры с теми же самыми террористами, которые стреляли в израильтян и продолжают стрелять. Начал переговоры, потому что нет у него другого выхода. Потому что такие террористические партизанские войны не выигрываются.

А.Ч. Только сначала завоевал, а потом начал переговоры.

Г.Я. Это абсолютно примитивное представление, что армия может уничтожить всех террористов. Нельзя отдавать жизни солдат и офицеров так, как это предлагается «Союзом правых сил». Нельзя заливать там все кровью наших солдат. Нужно добиваться уничтожения террористов с минимальными потерями. А сделать это без переговоров никак невозможно.

Теперь что касается Волгодонска. А что, Холодова тоже взрывали чеченцы? А Старовойтову тоже убивали чеченцы? А у вас, что, есть доказательства, кто взорвал дом в Волгодонске? Вы понимаете ли в чем дело...

О.Л. Раз вы мне задаете вопрос, то позвольте ответить. Есть заявление террористов Радуева и Басаева, которые обещали эти взрывы. Конечно, поняв свою дикую ошибку с наступлением в Дагестане, которая перечеркнула Хасавюртовские отношения, басаевцы должны были замолчать и не брать на себя эти взрывы. Но по всему, что мы знали прежде, мы знаем, что это их тактика. А если уж вы ссылаетесь на Израиль, то порядок другой — сначала уничтожить базы. Дело не только в том, что Израиль пошел на переговоры — террористы пошли на переговоры после того, как у них не осталось другой возможности. Оставить чеченским террористам такую возможность... Мне кажется, вас предвыборный бес попутал.

Джульетто Кьеза, корреспондент итальянской газеты «Ла-Стампа». Поскольку ваша позиция, очевидно, заявлена для того, чтобы получить большую поддержку избирателей, у меня вопрос: почему вы так беспощадно и безжалостно выступаете против ваших друзей в Соединенных Штатах, которые долго вас считали реформатором, демократом? А вдруг оказывается, что господин Чубайс — с самыми ярыми национал-патриотами! Это очень странно. Как вы думаете?

А.Ч. Я думаю, что мои друзья, где бы они ни были, если они мои друзья, очень хорошо знают, что моя позиция никогда в жизни не была продиктована ни предвыборными интересами, ни какими бы то ни было дружескими отношениями. Я думаю, что и вы как человек достаточно опытный, как человек, много лет писавший восторженные статьи про Горбачева, призывавшие весь народ поддержать его, — ну, правда, время от времени делая это с итальянских берегов, — достаточно хорошо это знаете.

Д.К. И горжусь этим.

А.Ч. И продолжайте гордиться. Это ваше право. Единственное, о чем напомню: право говорить это в России, и даже право говорить, как вы в одной недавней статье заявили, что русские должны свергнуть свою власть, даже это право вам дала Россия и президент России Ельцин Борис Николаевич. Вы воспользовались этим правом очень хорошо и в полном объеме.

Д.К. Я не сказал «свергнуть», я сказал «менять». Это было очень дружественное предложение.

А.Ч. Если вас интересует мое мнение, я его выскажу — простой и ясный ответ на все ваши предложения на счет «заменить» или «свергнуть», насчет прислушаться или не прислушаться — позвольте, мы в России сами разберемся со своими проблемами. У вас право высказываться, а у нас право делать то, что Россия считает правильным.

Д.К. Господин Чубайс, видите ли, я тоже, как вы, человек мира. Я очень обеспокоен вашими действиями. И поэтому вы разбирайтесь, но поскольку наша судьба едина, то я обеспокоен. Вы уже достаточно сделали против России, чтобы я как европеец был очень обеспокоен.

Е.К. *Мы установили связь по телефону с Сергеем Адамовичем Ковалевым. Сергей Адамович, доброй ночи, извините, что побеспокоили вас.*

С.К. Доброй ночи.

Е.К. *Сергей Адамович, мы хотим, чтобы вы рассудили участников сегодняшней дискуссии, которые сошлись в споре вот по какому вопросу: какой в самом деле у вас состоялся разговор по поводу участия Чубайса в правительстве в начале зимы 1995 года.*

С.К. Видите ли, я виноват, я не помню совсем точно этого разговора. Я помню, что он был. Я помню, что Анатолий Борисович сказал буквально следующие слова, начал буквально следующим образом: «По совести мне нужно было бы уйти в отставку в знак протеста против развязанной безумной кампании. Я этого не сделал и хочу объяснить почему». Вот так я это вспоминаю. И Анатолий Борисович довольно подробно говорил мне о ситуации в правительстве и о том, как мало удается сделать — но все-таки удается — важных вещей. Важных в смысле продолжения экономической реформы. Я отчетливо не помню сейчас своих слов. Вряд ли я сказал: «Ну тогда оставайтесь». Но я точно помню, что я не осудил такое решение. Я и сейчас считаю, что тогда для решения остаться в правительстве нужно было серьезное мужество. Может быть, это и было ошибкой. Я точно знаю, что я вряд ли сделал бы так сам. Но это не надо доказывать. Я просто достаточно вскоре подал заявление о своей отставке со всех моих тогдашних постов. Но я понимаю, что мужество было необходимо. Я думаю, что Чубайс переоценил свои возможности в тогдашнем правительстве. Я даже точно знаю эпизод, где он ошибался: он говорил, что удалось заставить принять решение о ликвидации таможенных льгот на

водку, сигареты для спортсменов и бог знает кого. Вот эти какие-то чудовищные льготы, совершенно ничем не объяснимые. Он был уверен, что это удалось. На самом деле оказалось, что не удалось. Но я думаю, что действительно нужно было мужество.

Понимаете, вообще надо сказать, что насколько я успел слышать сейчас по телефону, меня очень огорчает вся эта дискуссия. Я вообще на стороне точки зрения Явлинского, должен прямо сказать. Я не разделяю высказывания Анатолия Борисовича. Более того, я считаю, что назвать предателем своего оппонента очень нехорошо. Это заставляет вспомнить совсем другие времена. Мне-то они хорошо памятны. Тем не менее меня глубоко огорчает тон дискуссии и то, что естественные союзники превращаются в жесточайших врагов. Естественные союзники с точки зрения ответственности перед страной. Понимаете, нельзя позволить себе роскошь выяснять отношения, когда страна находится в тяжелейшей ситуации. Я полагаю совершенно неслучайным то обстоятельство, что все три наши последние премьер-министра — Примаков, Степашин и Путин — родом из КГБ. Вот проблема, прямо связанная, между прочим, и с нынешними чеченскими событиями. Вот проблема для нас. Куда мы идем? Где мы остановимся? Посмотрите: уже имеется традиционный внешний враг. И уже имеется традиционный внутренний враг. Традиционный внешний враг — естественно Запад. По сравнению с прошлыми временами только не говорится «империалистический Запад». А традиционный внутренний враг — диссиденты, которых теперь называют правозащитниками. Вот, пожалуйста, эта ситуация, которую мы блестяще разыгрываем теперь и в которой чудовищная опасность...

Г.Я. Никак не могу взять в толк — что же за му-

жество нужно было, чтобы оставаться в правительстве, которое начало войну на уничтожение, которая привела к тому, что теперь этих террористов там море? Потому что негде работать, негде жить. Через три года мы получили новую войну. Какое же нужно было мужество? В связи с этим у меня вопрос. Мне все время говорят о какой-то ответственности. Анатолий Борисович, за все те ошибки и недостатки, о которых вы говорили, связанные с 17 августа, когда наша страна стала абсолютным банкротом в результате той политики, которую вы проводили, за 168 миллиардов долга, за все за это – какую вы или ваши соратники понесли ответственность? Какую вы лично несете ответственность? Или все еще впереди?

А.Ч. Спасибо за вопрос, Григорий Алексеевич. Попробую ответить по существу. Прежде всего напомню, если уж вы хотите конкретного ответа по конкретным фактам: 168 миллиардов долга, упомянутые вами, из которых 125 – долг советского правительства. Что касается 17 августа, ну так, на всякий случай, для справки напомню, что я к тому времени уже месяцев пять в правительстве не работал.

В российской экономике наблюдается рост. Моя повседневная работа называется «производство электроэнергии»: сделать так, чтобы здесь был свет, чтобы наши телезрители слушали сегодня умные выступления, чтобы были в тепле, при свете и чтобы, кстати, был телевизор включен. Так вот я вам докладываю, что в нашей компании рост спроса на электроэнергию, о котором вы как профессиональный экономист знаете, является одним из главных показателей экономического роста и достиг уже 7, 5 процентов. Это факт. Джентльмены не спорят о фактах..Они могут об оценках спорить, а о фактах спорить не стоит. А экономический рост, который есть

сегодня в России, – это тоже относится к числу результатов.

Г.Я. Насчет ответственности я вас спросил... А экономический рост произошел в результате девальвации. Девальвация случилась несмотря на все ваши усилия. Рост произошел из-за того, что произошел кризис 17 августа, и рост этот болезненный, искусственный, он скоро выдохнется. Он произошел вопреки вашим усилиям и всей вашей стратегии. В результате девальвации страна снова на 30 процентов обнищала. И вы теперь хвалитесь...

Анатолий Приставкин. Вы знаете, мне это напоминает немножко чеченскую войну, только внутри московского круга. В данном случае я поддерживаю, и в печати поддержал, позицию Явлинского. И сейчас поддерживаю, как любое выступление против войны.

Анатолий Борисович, я был на всех наших съездах, я голосовал за правую партию. Я вчера отказал Алле Гербер, которая от вас выдвигается, только потому, что вы выступили за войну. Я здесь, наверное, самый старый человек, который пережил чеченскую войну. Я был в Чечне, когда Сталин выселял. Я был в той войне, другой, которая была недавно и о которой сейчас Ковалев сказал. И мне было немножечко, сидя здесь, стыдно, что разговор идет о чем угодно, но не о страданиях людей.

Господи! Гибнут наши ребята там. Да, они, наверное, выбивают там боевиков и террористов. Но сколько же женщин погибло, сколько детей! Только в последней вчерашней газете: 24 жителя одного селения погибло, из них 8 детишек. Ну почему же вы молчите-то все? Разве это тоже не преступление? Разве можно после этого говорить «нам нужна война»? Да любыми способами, но нельзя страдания людей позволять!

Хорошо здесь, приятно сидеть в этой тихой, благополучной аудитории. Но ведь где-то сейчас кто-то умирает. Наши ребята умирают. По телевидению очень мало стали показывать, на прошлой войне больше. А сколько там погибает чеченских детей и женщин, никто не показывает. Давайте же тогда принадлежать к той партии, которая за страдающих, а не за правых или левых! Не надо войны! Не надо любыми способами. И если Явлинский хоть каким-то способом — подставляясь, сейчас за него меньше проголосуют — выступил против войны... Не все там рационально. Жесткие условия чеченцам нельзя предъявлять. Там есть какие-то невероятно... Но там есть желание помочь миру.

Не надо генералов останавливать. Они не останавливаются. Понимаете, войну начинают одни генералы, заканчивают другие. Вы знаете сами. Но если есть голос за то, чтобы прекратить страдания людей вот этих палаточных городков, вот этих вот под снарядами, рыночных, которые от ракет гибнут, то надо за это проголосовать. Пожалуйста!

ЛЮДИ ЧУВСТВУЮТ СЕБЯ ОБМАНУТЫМИ

«Russian Journal», № 5, февраль 2000 года

Андрей Пионтковский, директор московского Центра стратегических исследований и автор *«Russian Journal»*, беседовал с лидером «ЯБЛОКА» и кандидатом в президенты Григорием Явлинским на Всемирном экономическом форуме в Давосе, Швейцария.

А.П. *Я был на собрании инициативной группы по выдвижению вас кандидатом в президенты. Там было множество достойных людей, которые говорили о вас как о единственном российском политике, последовательно поддерживающем либеральные и демократические ценности. Но меня поразила атмосфера грустной преданности, как если бы все собирались в обреченный заранее крестовый поход. Как вы видите собственное участие в борьбе? Возможно ли преодолеть авторитарные тенденции, господствующие сегодня в общественном мнении, особенно когда партия власти получила в свое распоряжение такие административные и информационные ресурсы?*

Г.Я. За время с сентября по декабрь 1999 года в России произошли несколько важнейших событий. Разумеется, эти события отразились на обществе: взрыв жилых домов, обман в Чечне, где вместо антитеррористической операции мы получили полномасштабную войну, военная лихорадка, подогреваемая СМИ, — все эти неожиданные события очень сильно

повлияли на людей. Естественно, это отразилось на их отношении к Владимиру Путину и всему, что происходит в стране.

Но в конце прошлого года уже было ясно, что во всем происходящем нет ничего неизбежного. Уже тогда 30 процентов населения выступало против войны и предлагало искать другие пути выхода. Я горжусь тем, что завоевал голоса 5 миллионов человек, потребовав остановить войну как раз в то время, когда военная истерия достигла пика. Во многих других странах в такой момент я не получил бы вообще никакой поддержки, но мы ее получили, и это дает мне веру и надежду на будущее.

Люди чувствуют себя глубоко обманутыми и разочарованными тем, что случилось в 1991, когда коммунистическая номенклатура быстро сменила одежды и присоединилась к хору, воспевавшему «реформы», «демократию» и «рынок», вводя в заблуждение общественное мнение в России и во всем мире. Теперь людям трудно поверить, что все может быть по-другому.

Я приведу новое поколение политиков, которые понимают, что в последние 10 лет мы имели не реформы, а квазиреформы. Я надеюсь, что во время предвыборной кампании мои действия напрямую повлияют на людей. Это уже происходит.

Все больше и больше людей смотрит на все по-другому, размышляет о том, что происходит, и не может согласиться с тактикой сильной руки, используемой Кремлем во внутренней политике.

А.П. *И все же похоже, что общество, включая либералов, заболело путиноманией. Люди из кожи вон лезут, чтобы заявить о своей лояльности Путину и поклясться ему в верности. Путиномания принимает разные формы. Марк Захаров, например, просто и цинично объясняет, что ему надо думать о своем театре, и, когда ему позвонили из Кремля и пригласили сказать что-нибудь положительное о Путине, он согласился. Другие же, с большими политическими амбициями и считающие себя более рафинированными интеллектуалами, выработали теорию борьбы за «хорошего» Путина. А сам Путин — что-то вроде чистой доски. Например, мы, молодые реформаторы, будем бороться за либерального Путина, за русского Пиночета, который железной рукой приведет Россию в эпоху либеральных реформ. Присоединитесь ли вы к борьбе за «хорошего» Путина во время вашей избирательной кампании?*

Г.Я. Те, кто говорят о добром Пиночете в России, борются не за «хорошего» Путина, а за собственное политическое выживание. Они понимают, что им нужен непрофессионал в экономике, и тогда они смогут замутить ему взгляд, как Ельцину, сделать много денег и продолжать развивать систему коррумпированного номенклатурно-криминального капитализма в России. Все российское общество уже полностью проиграло борьбу за «хорошего» Ельцина. Наступать на те же грабли становится русским национальным спортом — мы только что прошли через то же самое с Ельциным.

Только недавно те, кто сейчас борется за «хорошего» Путина, а до того 10 лет боролись за «хорошего» Ельцина, говорили мне, что при Путине мы пожалеем о Ельцине. Я хотел бы сказать тем, кто боится того же Путина, за которого они собираются биться, что человек, заболевший СПИДом, вряд ли вспомнит ночь, когда он заразился. Ельцинское наследство может стать чем-то подобным. Вы не можете судить о человеке, не оценив то, что он оставил в наследство России.

Я не намерен бороться за «хорошего» Путина. Я намерен бороться с Путиным за пост президента России. Я буду бороться против человека, в полгода правления которого произошла самая грязная и отвратительная избирательная кампания в истории России. Именно при Путине антитеррористическая операция переросла в тотальную войну с огромным количеством жертв. Именно при Путине сформировался открытый союз Кремля, коммунистов и националистов. Именно при Путине началось наступление на свободу прессы.

А.П. *Вы встречались с Путиным, и когда он был премьер-министром, и когда он стал и.о. президента. Несомненно, вы обсуждали с ним экономические вопросы, например, когда предлагали ему альтернативный бюджет. Каковы ваши впечатления о его экономических взглядах и предпочтениях?*

Г.Я. У нас не было настоящей дискуссии по экономике, ни серьезной, ни несерьезной. После взрывов домов и начала войны в Чечне экономика перестала быть предметом первоочередной важности. Невозможно говорить об экономических взглядах Путина, поскольку их у него нет. Именно поэтому вокруг него крутится столько людей, которые хотят его использовать в собственных интересах под предлогом «экономических программ».

Особенностью всех наших экономических реформ является то, что люди, преследовавшие собственные интересы, называли это «программой реформ» и искали поддержки высших руководителей, далеких от экономики, чья помощь, подписи и авторитет могли быть использованы для проталкивания этих «программ». Не в упрек Путину, но я могу сказать, что он непричастен к этим экономическим программам, взглядам и подходам.

А.П. *Возвращаясь к российскому национальному спорту наступания на грабли и к борьбе за «хорошего» Путина, вам не кажется странным, что не только московская либеральная интеллигенция, но и западный истеблишмент, особенно в США, ввязался в эту борьбу? Встречаясь здесь, в Давосе, с западными бизнесменами и политиками, я еще раз убедился, что они видят нашу демократию как второсортную. Они говорят, что, конечно, демократия — это хорошо, но не для России и не сейчас. Они считают, что в настоящий момент России больше всего подойдет авторитарный режим, который восстановит порядок и установит хорошие и предсказуемые правила для иностранных инвесторов. Это лучший выбор для сегодняшний России, и Путин его олицетворяет. Как вы объясняете присутствие таких взглядов в истеблишменте США?*

Г.Я. Я считаю, что дело обстоит даже хуже, чем вам представляется. США предстоят в этом году выборы, и им опасно признавать, что ельцинское наследие в чем-то оказалось плохим. Это единственная значительная оценка ельцинской эпохи. Не называть Путина реформатором сегодня означает перечеркнуть всю политику президента Клинтона за последние 8 лет. А что же выборы? Что же будет с Гором? Вот почему они, как и раньше, как и многие другие страны, решили называть Путина реформатором. По крайней мере до тех пор, пока Гор не выиграет выборы. А потом посмотрим. То, как США оценивают происходящее в России, пока что диктуется их внутренними политическими интересами.

Что же до желания видеть в России авторитарный режим, который мог бы найти поддержку в США и среди бизнеса, то здесь нет ничего удивительного. Так всегда и было. Очень многие бизнесмены предпочли

бы иметь дело с одним высокопоставленным чиновником, которому можно давать взятки и договариваться. Тогда бы у них были абсолютные гарантии того, что они могут делать в России.

Однажды я выступал в одной международной организации и говорил о наших олигархах, наших банкирах, о том, что российские банки полностью отличаются от западных. На Западе банки берут деньги вкладчиков и инвестируют их в индустрию. В России банки существуют, чтобы брать бюджетные деньги и отправлять их на Мальту или еще куда-то. После выступления один известный американский политолог подошел ко мне и спокойно сказал: «Вы думаете, нашим банкирам не понравилось бы делать то же самое? Им бы хотелось, но система не позволяет».

Здесь, в Давосе, люди говорили мне, что Россия — второстепенная страна и незачем говорить о правах человека. Приватизация обманывает людей? Это ничего, это так и должно быть. Что же до войны в Чечне, тоже так должно быть: русские не умеют делать по-другому. Мне пришлось сказать этим людям: «Вы живете в богатых странах, где сегодняшнее богатство появилось от того, что людьми двигали моральные ценности, но часто создается впечатление, что вы ненавидите те ценности, которые сделали возможным ваше процветание».

Вот почему они все аплодировали Сергею Кириенко, почему немцы захотели отпраздновать день рождения Примакова и почему сегодня Путин зовется реформатором.

А.П. *10 лет посткоммунистических преобразований привели Россию в ловушку так называемого воровского капитализма. Вы можете называть его*

по-разному, но суть системы ясна многим наблюдателям. Может эта система превратиться в социально ориентированную рыночную экономику? Как вы, будучи президентом, стали бы ее преобразовывать?

Г.Я. Мне часто говорили, особенно до 1998 года, что я зря так волновался по поводу олигархов. Мне говорили, что в США тоже были олигархи, что они построили Чикаго, проложили железные дороги, освоили дикий Запад. Но между российскими и американскими олигархами есть большая разница. Американские олигархи воровали в Америке и инвестировали в Америке. Российские олигархи воруют в России и отправляют свои деньги в Америку или еще куда-то. Поэтому я не представляю, как нынешняя система может преобразовываться.

Как президент я буду иметь на своей стороне большинство народа. Впервые за последние десятилетия я стану работать в интересах 90 процентов населения, а не в интересах узких групп, которые сами не знают, чего хотят: грозить миру ядерным оружием или же раздеть страну и вывезти все в офшорные зоны.

Я убежден, что если мы будем работать в интересах общества, то за полгода-год руководители страны завоюют широкую поддержку. И это позволит нам покончить с деструктивным воровским капитализмом, который не что иное, как продолжение коммунистической номенклатурной системы.

А.П. *Как бы ни была важна экономика для России, но первым делом придется искать решение чеченского кризиса. Какие долгосрочные решения вы видите для России и Чечни?*

Г.Я. Решение было у нас в руках в прошлом сентябре: наша безопасность в обмен на ваш суверенитет. День за днем, шаг за шагом, слово за словом нам

надо работать на установление какого-то равновесия. Мы еще не можем говорить детально о будущем статусе Чечни, но базовая идея уже ясна: мы даем Чечне больше самостоятельности, а Чечня гарантирует безопасность российских граждан. Россия сохранит за собой право подтвердить эти гарантии всем необходимым, вплоть до военно-полицейских операций. Но первым делом нам надо прекратить широкомасштабную военную операцию и начать политические переговоры.

А.П. *«Russian Journal» не имеет права вмешиваться в российскую политику и поддерживать того или иного кандидата на президентских выборах, но мы можем и должны пожелать победы тем демократическим и либеральным ценностям, которые вы защищаете.*

Я ОБЕЩАЮ

Выступление перед доверенными лицами при выдвижении кандидатом в президенты. Москва, Колонный зал Дома Союзов, 3 марта 2000 года

Дорогие друзья! Уважаемые коллеги!

Благодарю вас за то, что вы стали моими коллегами. Это большая честь для меня.

На всех нас, принявших решение участвовать в этих выборах, лежит огромная ответственность. От того, как мы проведем эту кампанию, во многом зависит судьба нашей страны. Я принял решение бороться за пост главы государства потому, что убежден: людям нужна ясная демократическая перспектива. Нам нужна мирная, спокойная страна, которая обеспечит всем ее гражданам стабильность и достаток. Человек — главное и единственное из оставшихся у нас реальных богатств России. Только человекосберегающая политика, которой никогда не было в нашей стране, может вывести Россию из политического тупика.

За последние восемь месяцев Владимир Путин и его союзники из КПРФ показали, что они не способны проводить такую политику. Нашей стране нужны политические решения, согласовывающие интересы всех участников политического процесса. В России невозможно более насилие, недопустимы советские методы, при которых цель оправдывает средства. Советский стиль ведения политики, который сегодня так очевиден в действиях Владимира Путина и его окружения, не сможет вывести нашу страну из того положения, в котором она находится.

Сегодня, после десяти лет реформ, самым важным является защита прав собственности, конкуренция, создание рабочих мест, обеспечение условий для экономического подъема, а не защита интересов олигархии и монополий, которые на наших глазах продолжают укрепляться.

В последние годы высшие эшелоны власти формировались по принципу личного знакомства, людьми из «компетентных органов». Стране же нужно, чтобы власть формировали сами граждане — открыто, руководствуясь не корыстными, а общественными интересами. За десять лет в российской политике мне удалось создать серьезную, профессиональную команду. И это, пожалуй, самое большое мое достижение. Удалось собрать целое сообщество профессионалов от экономики, управления, государственной политики, военного дела, которые лично честны и профессионально подготовлены к тому, чтобы решать сложнейшие проблемы современной России. Опираясь на этот коллективный разум, с уверенностью могу сказать: я знаю, что нужно делать, чтобы вывести Россию из исторического тупика.

У России есть все виды ресурсов для того, чтобы сделать решительный рывок и удивить мир новым экономическим чудом. У нас в стране есть знания, таланты, огромные пространства плодородных земель, неисчерпаемые запасы богатств. Многие страны, например Япония, не имея даже доли таких богатств, смогли в свое время совершить подобный прорыв. У нас все для этого есть. Мы можем и обязаны ввести Россию в число наиболее развитых государств мира. Нужно только точно выверить каждый шаг. Нужно четко выстроить последовательность решений. Каждая ошибка, каждое неверное действие будут стоить России долгих лет задержки в развитии. Сегодня как никогда важно, чтобы власть имела четко выверенную программу действий. И у меня есть такая программа. Я знаю, что нужно делать для того, чтобы мобилизовать ресурсы страны для решительного рывка. Если наш с вами избиратель спросит у вас о нашей программе, то вы можете предъявить ее и сказать: мы знаем, что нужно делать, Явлинский знает рецепт экономического чуда.

Но прежде чем предъявить этот рецепт, необходимо навести элементарный порядок в государстве. Придя к власти, я намерен немедленно приступить к отладке государственного механизма. Началом станет отделение предпринимателей, олигархов и бизнеса от государственной власти, СМИ — от предпринимателей, бизнесменов и олигархов, находящихся во власти. Отделяя СМИ от власти, власть — от предпринимателей, мы добьемся того, чтобы паразитический бизнес не управлял Россией.

Вместе с Федеральным Собранием Российской Федерации я поставлю в рамки закона губернаторов и мэров, которые обязательно должны избираться и работать только в едином правовом и экономическом пространстве России. Мы вместе с правительством будем наносить один за другим серьезные удары по коррупции и организованной преступности. Для этого немедленно приступим к созданию в России системы предупреждения и современного пресечения терроризма. Для этого прекратим растаскивание природных ресурсов России и наведем порядок в офшорном бизнесе. Мы знаем, как пресечь контрабанду наркотиков и оружия через наши почти неохраняемые границы. При нашей власти таможенные границы России будут закрыты надежно. В нескольких словах все это называется сильным государством.

Сегодня только ленивый не говорит о необходимости сильного государства. Но никто не отвечает — для

чего оно нужно. Я отвечаю — сильное государство необходимо гражданам для обеспечения их свободы и безопасности, благополучия, высоких доходов. Не граждане для государства, а государство для граждан. Таков главный тезис моей политики.

Что получит страна от моего президентства? Я обязуюсь обеспечить защиту экономической свободы в любой точке России. Я обещаю снять налоговую удавку со всех российских предпринимателей. Я дам гарантии частной собственности. Я прекращу бегство капиталов и добьюсь притока инвестиций в российскую экономику. Тот руководитель, который говорит сегодня, что в бюджете нет денег, что казна российского государства пуста, говорит неправду. Он говорит о том, что именно он и его правительство не может наполнить эту казну. Он говорит о том, что он и его правительство не может сделать такой бюджет, который нужен сегодня нашей стране. Я обязуюсь в итоге ближайших четырех лет обеспечить существенный рост рабочих мест, повышение заработной платы, увеличение пенсий, увеличение стипендий и социальных льгот. Я говорю о льготах в первую очередь для участников боевых действий, для пожилых людей, для тех, кто уже не может сегодня стоять в строю.

Когда избиратель спросит у вас, откуда на эти намерения взять деньги, покажите наши расчеты и выкладки. Осенью прошлого года мы внесли в Государственную Думу проект бюджета, который был реальной альтернативой сегодняшней экономической политике. С математической точностью мы доказали, как при сниженных налогах мы можем обеспечить те цели, о которых я сегодня говорил. При этом я гарантирую, что инфляция не съест эти деньги. В дальнейшем на основе роста экономики Россия сможет сначала в полной мере вернуть утраченный уровень жизни, а затем постоянно его повышать.

Каждый из вас, пользуясь нашими экономическими программами, сможет в деталях понять нашу экономическую жизнь. Но нашим людям за последнее десятилетие столько раз объясняли мудреные экономические рецепты, что сегодня нужно сказать: да, Явлинский обещает решить эти проблемы — с вашей помощью, с вашей инициативой. Он один не может это сделать, но он ни разу за десять лет не обманул вас.

Легализация большей части теневой экономики, рост объемов финансирования социальной сферы, обеспечение стабильности на Северном Кавказе, возвращение нашей стране престижа на международной арене, создание предпосылок для возникновения в России мощного, современного среднего класса — таковы будут итоги нашей политики.

Наконец, может быть, самое главное. Я гарантирую, что все эти результаты будут достигнуты без отказа от демократических принципов, без ущемления прав и свобод граждан. Одной из важнейших целей своего пребывания у власти я считаю достижение необратимости демократического развития России. Все мы прекрасно знаем о соблазне тоталитарных методов руководства, который сегодня чувствуется в нашей политической атмосфере. Мы все являемся свидетелями попыток милитаризации общества, возвращения политической функции спецслужб. Мы видим истерическое шельмование инакомыслящих в СМИ. И это становится таким же обыденным делом, как и приторное подхалимство по отношению к высшим должностным лицам государства.

Важнейшей нашей задачей является отстранение криминально-олигархического клана от власти в России. Именно сегодня этот клан оказался способным беспрепятственно захватывать наиболее крупные куски собственности. Именно сегодня он готовит решающий

бросок к абсолютной власти, к окончательному господству над Россией. Эта ситуация чревата большими бедами для нашей страны. Еще четырех лет олигархического правления Россия может не выдержать.

Я призываю всех граждан России, которым дороги идеалы свободы, всех, кто действительно хочет положить конец разложению страны, — сплотиться и победить на этих выборах тех, кто грозит ввергнуть Россию в новый мучительный этап беззакония и нищеты. Мы — за Россию без диктаторов и олигархов! С нами — вся небандитская и некоммунистическая Россия! Сплотим наши силы, и мы победим!

КОМУ-ТО ВЫГОДНО, ЧТОБЫ НАЧАЛЬНИК ОХРАНЫ БЫЛ СЛЕПОЙ И ГЛУХОЙ

«Новая газета», № 10, 13 марта 2000 года

— Вы идете на президентские выборы самостоятельно. Пока все разговоры о поддержке вас разными партиями, другими кандидатами остаются только слухами.

— У меня уже есть очень сильный союзник, сильнее невозможно придумать — это администрация Владимира Владимировича Путина. Там, как ни стараются, работают против него. Кроме того, ситуация по сравнению с декабрьскими выборами изменилась в мою пользу. В декабре «ЯБЛОКО» получило 6 процентов, а теперь «А упало, Б пропало»... Ведь СПС и ОВР вышли из борьбы за президентство на демократическом фланге. И «Единство», вступив в союз с коммунистами, — тоже. Никто не ожидал, что они с коммунистами будут делить Думу. И люди подумали: мы за ними, как за свежей силой, пошли, а они...

— Но это было объявлено как тактический союз на время.

— На время? Ничего подобного. Это стратегический союз. «Единство» на четыре года 9 комитетов отдало коммунистам, у них никогда столько не было, международную политику — националистам, Жириновскому, и всю Думу — Селезневу.

— Вы считаете, что все эти обстоятельства могут существенно увеличить ваш электорат?

— Да ведь люди видят, что происходит! Сложите голоса тех, кто на выборах в Думу голосовал за СПС, ОВР, часть избирателей «Единства» и вообще всех, кто разделяет наше убеждение, что Россия должна быть не только не коммунистической, но и не бандитской, — получится очень большая цифра.

— А вы не думаете, что и эту часть избирателей Путин легко сможет завоевать?

— Не думаю. Мой избиратель — самостоятельный, умный, хорошо образованный. Его просто так не завоюешь. И не запугаешь. Хотя может быть предложен набор мероприятий. «Обмен» журналистов, например.

— История с Бабицким может подействовать как-то на избирателя?

— Она действует опосредованно. Когда помощник президента говорит, что президент взял на себя ответственность за судьбу журналиста, что он находится в руках правоохранительных органов, а на следующий день тот же помощник говорит, что его (гражданина РФ!) обменяли на пленных военных и мы не несем никакой ответственности, — вот что настораживает. Так что проблема не только в том, что случилось с Андреем Бабицким, а в том, за что берет президент ответственность и как он позволяет себе действовать.

Люди очень внимательно следят за каждым жестом и поступком Путина. Это к Ельцину все успели привыкнуть, а здесь всякое слово ловится. Теперь история с Бабицким — не только факт его биографии, это факт биографии возможного будущего президента страны.

— Возможного. Вот и недавние заявления Клинтона и Блэра говорят о том, что в мировой тусовке считают, что в России президентом будет Путин.

— Они по-разному считают. Они считали Горбачева и получили Ельцина. Они считали Ельцина, а потом уже не знали, что со своими подсчетами и делать. То же самое и теперь. Сказать, что Путин не годится, значит признать, что Ельцин был неправильно вычислен. А раз так, то куда они смотрели 10 лет? Ведь Путин — это наследие. Значит, надо назвать Путина реформатором. Хотя бы пока Гора не выберут. А русские переживут. Ельцина пережили и Путина переживут. До нас американским политикам особого дела нет.

— Накануне прошлых президентских выборов вы обнародовали письмо, в котором по пунктам было изложено, что должна сделать идущая на выборы власть, чтобы Явлинский ее поддержал. Может, снова стоит попробовать?

— Тогда диалог был осмысленным.

— А сейчас?

— Сейчас некому ставить условия. Это лицемерие говорить, что мы ничего не знаем про Путина. Вся политика как на ладони. Стиль ведения дел, приоритеты, цена, которую он готов платить, очевидны. Посмотрите, что происходит в Чечне. Посмотрите, что происходит в Думе. Что было с Бабицким. Что с продажей госдолга. Цирк с повышением цен на водку. Что еще? Особисты в армии. Начальная военная подготовка... в детском саду. Есть еще сомнения?

— Тем не менее Путина поддерживают некоторые из тех, кто раньше считался либеральным демократом.

— За всем этим — содержательная сторона дела. Чем меньше глава исполнительной власти — президент — знает об экономике, тем легче им манипулировать. Подсунуть что-нибудь с названием «программа» и на этом еще раз, как при Ельцине, сделать очень большие деньги. Мы же это видели с ваучерами, ГКО, с залоговыми аукционами и т.д. и т.п. Вот почему люди типа «молодых реформаторов» всегда заинтересованы, чтобы «начальник охраны склада» был глухим и слепым. Вновь сформируются еще более мощные финансовые кланы, которые удавят тех, кто будет идти поперек.

— Люди всегда думают и будут думать, что бояре — плохие, а царь хороший, что его можно научить, подсказать...

— Конечно, почти все, что сейчас происходит, делают те, кто к нему все время «заходит». Почему я должен исходить из того, что он пока еще многого не знает, но его научат, ему расскажут. Представьте себе театр. В партере сидит 160 миллионов людей. На сцену выходит главный герой. Сначала бурные и продолжительные аплодисменты. Потом пауза — он должен что-то сказать. И тут начинается самое главное: дело не в том, что он роли не знает, он даже не понимает, в каком спектакле участвует. Он ждет суфлерской подсказки. Но суфлерская будка на сцене не одна. И из каждой кричат разное. В некоторых будках сидят по двое-трое и сражаются между собой за то, какой текст надо произносить. Главный герой все смешивает и выдает дикую абракадабру.

У зрителя глаза — на лоб. Но тут интеллектуалы начинают искать смысл в его монологах. Они сообщают, что на самом деле он думает совсем другое. Что на самом деле он совсем не такой, а гораздо лучше. Что потом все будет хорошо, что мораль укрепится, что возродится армия...

— А ваши суфлеры что вам советуют?

— У меня есть команда соратников, а не суфлеров. И мы знаем, что делать. Моими первыми шагами на посту президента будут: стабилизация обстановки на Северном Кавказе, резкое снижение налогового бремени, массированный удар по коррупции, ужесточение бюджетной дисциплины.

— Вы резко отозвались о результатах переговоров с Лондонским клубом, между тем в Кремле и правительстве их считают большой победой.

— Сейчас это отошло на второй план, но последствия этой «победы» аукнутся очень скоро. После августа 1998 года наши советские долги стоили 6% от стоимости. То есть около 2 миллиардов долларов. С тех пор цена долговых обязательств, которые были на руках у наших кредиторов, постепенно росла — до 11% в середине прошлого года. Перед самыми переговорами во Франкфурте долг стоил уже 20%. Но Касьянов умудрился его так переоформить, что рыночная стоимость возросла на 20 миллиардов. Значит, кто-то эти доллары заработал. На нас.

— Может быть, у правительства не было другого выхода?

— Всегда есть выход. Могу привести пример. В Латинской Америке люди сами выкупают собственные долги. Сначала их гонят на понижение, а потом перекупают. И Россия часть долга могла бы выкупить. На фоне того, что страна вообще не платит, разговор о том, что выкуп части обесценившегося долга является неэтичным, просто неуместен.

Но факт остается фактом: условия, достигнутые Касьяновым, непосильны для нашей экономики. И в этом смысле нас не интересует, как долго шли переговоры. Пусть бы они шли еще два года, но с положительным результатом.

Почему я об этом говорю? Потому что еще прошлой осенью депутаты «ЯБЛОКА» в комитете по бюджету пытались внести поправку о том, что в случае продажи долга условия должны утверждаться Думой. Так Касьянов сам пришел в Думу на заседание комитетов и не мытьем, так катаньем добился отклонения этой поправки. Уже тогда мы заподозрили что-то неладное.

— За счет народа все делается.

— Да, можно давить бесконечно, потому что нет никакого сопротивления. Вот вам, для умной «Новой газеты», закон российской политической жизни: наступать и даже прыгать на грабли власть может сколько угодно, потому что по лбу получает не она, а народ. А народ, считает власть, привык.

В другой стране орать начали бы, на вилы подняли. А у нас можно давить, грабить, делать что хочешь. У нас правительство в этом смысле находится в идеальном положении. Путин работает в условиях неограниченного ресурса. С одним только «но»: в условиях неограниченного ресурса задачи-то не решаются: так сделано, не так сделано — какая разница? Сейчас по всем экономическим данным должна быть инфляция: кредитов нет, их берут из Центрального банка. А инфляции нет. Почему? А зачем инфляция, если можно не платить зарплату. В какой стране это еще пройдет? А у нас не платят 10 миллионам — не будут платить 20. Ну и что? Ну выступит Явлинский, ну скажет — так он всегда критикует...

— Отрыв у Путина большой, как же побеждать?

— Побеждает не тот, кто кажется самым сильным, а тот, кто идет до конца. Не я, так следующий, не сейчас, так позже. Жаль, что мало времени. Но такая работа.

— При Борисе Николаевиче было больше демократии?

— Я его защищал как человека и ругал как политика — это правда. И буду его защищать, если ему понадобится моя помощь. А политически я его оппонент — и по тому, что он сделал на Северном Кавказе, и по тому, что он устроил в стране, и потому, что он провалил все реформы, и потому, что он всех обманул. Политика оценивают не по тому, что было при нем, а по тому, что было после него. Представьте себе банк, в нем сидит банкир. Если после того, как он умер, остался банк, то он был банкиром. А если после того, как он умер, остались только долги и все разорено, то он был мот. Так и политик. Если в России будет устроено военно-полицейское государство, в результате чего Россия развалится на куски, то это и будет итогом правления Ельцина.

— Почему реформы в Польше, Венгрии, других странах Центральной Европы удались, а у нас нет?

— Потому что в 1991 году там произошла демократическая революция. Там никого не расстреляли, но одна группа политиков ушла, а другая пришла. А в России произошел номенклатурный переворот. Старая номенклатура заменила портреты, цвета флага, переоделась и вместо слов «Ленин, социализм, пятилетний план» стала говорить «Ельцин, демократия, рынок». За десять лет номенклатура и ее выдвиженцы срослись с криминалом. Это произошло потому,

что либерализация 1992 года не освободила общество и экономику от советских монополий, а освободила советские монополии от всякого контроля общества.

— Эту систему вырастил Ельцин. Как же он допустил, чтобы она его смела?

— Система оказалась настолько сильной, что когда наступил удобный момент, чтобы продлить себя, она переломила даже амбиции Ельцина и привела Путина. Он полностью сформирован этой системой. Если продолжать ее укреплять, то она в силу своего непроизводительного и хищнического начала развалит и уничтожит страну. Путин будет на каждом углу говорить о необходимости укрепления государства, большого госзаказа военным, а все будет идти к развалу. Вот поэтому он и опасен, как, кстати, и Зюганов. Между ними вообще мало разницы. Их идеи, взгляды, подходы во многом сходны. Как и у очень многих людей, которые работали в той системе, в которой работал Владимир Владимирович. Она консервативна. Это не упрек, это просто факт.

— Осенью вы сделали заявление, в котором призывали остановить войну и начать решать чеченскую проблему политическим путем. Это заявление вызвало неоднозначную реакцию. Вы что же всерьез думали, что с бандитами можно было договориться?

— В октябре–ноябре была реальная возможность вернуть Чечню как субъект Федерации. Бандиты так сильно надавили на население, что 70–80% было готово к тому, чтобы видеть в наших солдатах освободителей. Тогда сдавали города, помните? Они сами ужаснулись походу в Дагестан и вообще этой жизни под бандитами.

Я считал нужным, чтобы российская официальная власть обратилась к избранной самими чеченцами власти. Так можно было привлечь на нашу сторону гражданское население Чечни и... возможно, треть, которую контролировал Масхадов, — самых хорошо обученных и подготовленных боевиков. Чтобы меньше наших убили.

Тогда нужно было обратиться к Масхадову и спросить его перед всеми телевизионными камерами мира: «Господин Масхадов, вы будете бороться со своими головорезами и бандитами, которые занимаются работорговлей, устраивают террористические акты, вы будете нам содействовать или нет?» И любой ответ меня устраивал.

— А если бы он согласился?

— Если говорит «да» — хорошо. Вот камера — обращайтесь к своему народу, призывайте своих боевиков прекратить сопротивляться федеральным войскам. Говорите все это.

А вот если бы он сказал «нет», тогда другой разговор. Тогда мы говорим: «Ваш Масхадов не хочет вам мира. Решайте, что вам теперь делать. А мы не будем мириться с тем, что у вас тут происходит». И федеральные войска выполняют свою задачу. Чтобы ставить эти условия, нужно было прекратить бомбардировки — на один день. А вместо этого началось совсем другое. За полгода ситуация кардинально изменилась. И сегодня — новая политическая реальность.

— Да смысл-то в чем, чего вы добивались?

— Другого настроения, другого отношения к Чечне в России, в мире. Абсолютно беспроигрышная вещь. Представьте: Масхадов не идет на переговоры или он говорит «нет». (А он бы вертелся!) Но юлить нельзя —

прямая трансляция: «Ты с бандитами или нет?» Вот какой должен был быть разговор. Вот это — политика. А 150 боевых вылетов в день — нет.

— Но Масхадов же обманывал бы!

— Конечно, обманывал бы. Но этот раунд был бы полностью выигран федеральным центром. После такого разговора в течение пяти часов в Пятигорске или Моздоке наступила бы новая политическая реальность, позволяющая переосмыслить всю ситуацию в целом.

— Вы предлагаете политические ходы, которые постепенно должны приводить к каким-то решениям. А власть предпочитает действовать проще.

— Поэтому ей теперь приходится врать каждый раз. Врали, что Грозный окружен? Врали. Врали, что никто из него не уйдет? Врали. Врали, что мы используем современную технику, самолеты-разведчики. Врали, нет их. Врали, что штурма не будет, — устроили. Все время врут. Сколько же можно? Сегодня нужно действовать по-другому. И лучшие головы, не только «яблочники», такой план разработали. Путину я его отправил.

Я человек прагматичный. Осенью я говорил, что нужно делать, чтобы избежать той огромной цены кровью, которую мы заплатили за сегодняшнюю ситуацию в Чечне. Не сделали. Сегодня я иду на выборы, чтобы проблемы не решались такой ценой. Иначе жить здесь нормальным людям будет нельзя. Что, опять Днепрогэс и Беломорско-Балтийский канал на костях? Я буду строить Днепрогэс, но другой ценой. Я знаю как.

— А если не победите, сколько мы с вами еще будем на политической сцене встречаться, как вы прогнозируете? Не считаете ли, что существует опасность падения в грубую тоталитарную действительность?

— На время — возможно, хотя нам хватит. Для нашей страны в том состоянии, в котором она находится, такая попытка может оказаться трагической, потому что она может повернуть ход событий. Это не соревнование программ, кто на сколько снизит налоги — на 7 или 15%. Это вопрос, будет такая страна — Россия — или нет. Перед нами серьезные опасности: ваххабиты, террористы в Таджикистане, Киргизии, Чечне. У нас самые протяженные границы с самыми нестабильными регионами мира. У нас сосредоточено 60% экономически целесообразных ресурсов мира. У нас плотность населения — три человека на квадратный километр за Уралом. А за Амуром — 170. На наших границах живут три четверти беднейшего населения планеты. Пока мы живем на силе инерции прежнего времени. Но дело идет к непреодолимому отставанию. Никто не будет мириться с такой диспропорцией. А система, которая у нас сложилась, нежизнеспособна, она хищная и корыстная.

Вот почему борьба с этой системой — не вопрос вкуса или политических взглядов, это вопрос жизни. Мой отец в 41-м году ушел воевать. А у меня своя война, другая.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЛИЦО АДМИНИСТРАЦИИ ПУТИНА

«Время новостей», № 3, 20 марта 2000 года

Многочисленные высказывания и определенные действия (или бездействие) администрации и.о. президента уже сейчас позволяют составить достаточно полное представление о характере мышления и, соответственно, будущем образе действий администрации Владимира Путина в экономической области.

Во-первых, в отношении прав собственности никаких действий в направлении пересмотра решений, шагов и оценок, сделанных при прежнем президенте, как неоднократно подтверждали и сам Путин, и члены его команды, производиться не будет. Ни итоги приватизации, ни утрата государством прав собственности в результате тех или иных правительственных решений (невозврат кредитов, полученных правительством в ходе залоговых аукционов; дополнительные эмиссии акций и т.д.) не будут подвергаться сомнению.

Это, естественно, не означает, что не будет так называемого передела собственности в результате изменений в политическом влиянии отдельных персон и групп. Собственно говоря, этот передел уже происходит – достаточно привести в качестве примера покупку «Сибнефтью» алюминиевого бизнеса братьев Черных или экспансию дочерних структур РАО «ЕЭС» в металлургию. Однако передел сфер влияния будет формально маскироваться рыночными формами перехода собственности из рук в руки, то есть не будет

ставиться под сомнение легитимность прав прежних собственников.

Во-вторых, федеральное правительство и президентская администрация, по-видимому, намерены сохранить за собой активную роль в разрешении имущественных споров, будь то роль неформального арбитра или заинтересованного игрока. В то же время публично и.о. президента или представляющие его точку зрения официальные лица избегают и, по-видимому, в дальнейшем будут избегать прямых оценок действий конфликтующих сторон. Характерным примером стиля новой администрации является сочетание публичных выражений неудовольствия в адрес Рема Вяхирева и Анатолия Чубайса с комплиментарными высказываниями в их же адрес и надеждами на их «правильное» поведение в будущем.

С другой стороны, в отношении громких, но незначительных с точки зрения финансовых масштабов конфликтов по поводу собственности (например, ряд недавних скандалов в Красноярском крае, Ленинградской и Кемеровской областях) премьер и правительство стараются не формулировать свою позицию, оставляя решение проблем реализации «права сильного».

В-третьих, основные правила игры останутся без изменений. Вице-премьер Михаил Касьянов неоднократно заявлял, что в планы правительства не входят ни радикальная реформа налогового законодательства, ни реформа системы исполнения судебных решений, ни реформа бюджетной сферы, ни другие назревшие реформы.

Так, задачи власти в сфере фискально-бюджетных отношений определены очень и очень традиционно. Это индивидуальная работа с крупнейшими налогоплательщиками и заключение с ними соглашений, повышение уровня налоговых поступлений, минимизация использования всякого рода зачетных схем,

контроль за бюджетными расходами через введение лимитов на закупку услуг и товаров бюджетными организациями, реструктуризация и постепенное снижение всех видов государственной задолженности.

Нет и движения в подходах к законодательной базе налоговой и бюджетной систем. Свою задачу правительство определяет как «устранение противоречий между отдельными положениями» в рамках существующего законодательства и продолжение работы над налоговым и бюджетным кодексами в ранее определенном направлении.

Столь же традиционно формулируются и рецепты борьбы с неплатежами: реструктуризация и фактически частичное списание недоимок предприятий по платежам в бюджет и внебюджетные фонды при условии исполнения ими текущих платежей; требования к естественным монополиям повысить долю денежных выплат в их расчетах с потребителями и бюджетом.

Наконец, сохраняется на 100% и ельцинский подход к проблеме государственного долга. В отношении внешних кредиторов используется схема: выборочный отказ платить по обязательствам (технический дефолт); реструктуризация обязательств, по которым допущен технический дефолт; после небольшой передышки — выпуск новых бумаг, которые тоже становятся кандидатами на технический дефолт. В отношении же внутренних кредиторов безо всяких церемоний и оглядки на правовую сторону вопроса используется принудительная реструктуризация долгов.

Реструктуризация внешних долгов (а достигнутое в феврале соглашение с Лондонским клубом кредиторов преподносится как достижение экономической политики правительства и чуть ли не как высокая оценка достоинств российского руководства западными заимодавцами) не сопровождается созданием га-

рантий недопущения подобной ситуации в будущем. Виновные в безответственной политике заимствований не только не наказаны, но даже не названы. Система контроля за использованием заемных средств так и не создана, а все решения по-прежнему принимаются коллегиально, что фактически поощряет хищения и растраты. Более того, высказанное Михаилом Касьяновым намерение уже в 2001 году вернуться к размещению на мировых финансовых рынках новых долговых обязательств России вызывает опасения, что старые долги официальным образом реструктурируются лишь для того, чтобы можно было делать новые.

В-четвертых, сохраняется тенденция самоотстранения правительства от активных действий в экономической политике и, следовательно, от ответственности за состояние дел в экономике страны. Правительство имитирует озабоченность экономическими проблемами и создает иллюзию их решения при практически полном невмешательстве в стихийно происходящие процессы. Единственная экономическая задача, от которой власти не будут самоустраняться, — это регулирование и использование крупных финансовых потоков в своих интересах.

В-пятых, сохраняется сложившийся в последние полтора года специфический курс во взаимоотношениях с внешним миром, в первую очередь с Западом. Специфика состоит в желании сбалансировать обусловленную внутриполитическими соображениями, антизападную и антиисламскую риторику с попытками обеспечить благосклонное отношение Запада к экономическим интересам российской элиты. Очевидное противоречие между элементами этого двойственного курса не ослабевает и после провозглашения Владимира Путина официальным преемником бывшего президента. Это укрепляет представление о российском

политическом классе как о непредсказуемом и недоговороспособном.

Тем самым может быть нанесен серьезный уйерб наиболее интернационализированной части российского делового мира, которая за последние полтора года и так понесла серьезный урон в результате активного освещения в западной прессе случаев нарушения в России экономических и гражданских прав, в том числе прав иностранных инвесторов, а также многочисленных коррупционных скандалов.

В целом же с высокой степенью вероятности можно утверждать, что избрание Владимира Путина на пост президента будет означать продолжение «реформаторского курса» ельцинской администрации на закрепление в стране особого типа экономических отношений, в основе которых лежат:

1) глубокий разрыв между реальными отношениями и их внешней юридической оболочкой;

2) господство властно-административных и криминальных рычагов в отношениях между частными хозяйствующими субъектами;

3) ключевая роль частного (но не общественного) контроля над ресурсами и финансовыми потоками;

4) крайне низкая степень делового доверия, а также отсутствие серьезного стремления к созданию такового;

5) нацеленность всех субъектов хозяйственной деятельности, включая вовлеченные в эту деятельность государственные ведомства, на решение исключительно краткосрочных задач.

С этой точки зрения поддержка Владимира Путина, пусть и вынужденная, российской экономической элитой будет означать ее желание и готовность и далее следовать «без Ельцина по ельцинскому пути», сохраняя все системообразующие характеристики нынешнего устройства общественной и экономической жизни.

ВСЁ ВПЕРЕДИ

Лекция «О будущем России и ее экономики», прочитанная по приглашению Нобелевского комитета 30 мая 2000 года в Осло, Норвегия. Опубликована в «Общей газете», № 82, 28 декабря 2003 года

Размышлять о будущем России непросто. Однако не проще и рассуждать о том, что происходит в России сегодня, и даже о том, что уже произошло. Мне представляется очень близкой к истине шутка о том, что Россия является страной с непредсказуемым прошлым...

Осветить все основные проблемы и процессы, происходящие в России, в одном выступлении исключительно трудно. Поэтому все сказанное ниже представляет собой лишь тезисы — каждый из которых заслуживает очень подробного обсуждения.

Мне хотелось бы высказаться по нескольким важным темам: о десятилетии российских реформ после Горбачева; о современном состоянии экономики России и о том, что должно быть сделано для ее улучшения; о безопасности; о позиции других стран в отношении России и Восточной Европы в течение последнего десятилетия, о европейских политиках; наконец, о будущем России.

Снова реформы сверху?

Понять, что произошло в России за последнее десятилетие, мы сможем, если ответим на ключевой воп-

рос, почему реформы в Польше, Чехии, Венгрии, многих других странах Восточной Европы оказались удачными, а в России — нет?

Мой ответ таков: в 1989—1991 годах в этих странах произошла демократическая революция с полной сменой не только системы власти, но и правящей элиты. В России же все произошло совсем по-другому: в нашей стране случился номенклатурный термидор — к власти пришли люди из числа тех, кто раньше заседал в Центральном Комитете и Политбюро ЦК КПСС и работал в спецслужбах. Они только сменили свои костюмы — и вместо прежних слов о Ленине, коммунизме и социализме стали говорить о реформах, демократии и рынке...

Понятно, что мировое сообщество, которое надеялось на демократические преобразования в России, это должно было встревожить. И тогда для того чтобы замаскировать эту картину, номенклатура наняла на работу большую группу молодых и талантливых специалистов, которые в глазах западной политической элиты и западной общественности имели репутацию демократов и реформаторов. Выставив перед Западом эту декорацию, российская «старо-новая» номенклатура смогла получить от него за минувшие десять лет в качестве займов и кредитов около 50 млрд долларов.

Что же мы получили за эти десять лет? Мы получили то, что на фоне внедрения лишь отдельных элементов рыночной экономики российская номенклатура превратилась в криминальную олигархию.

Был создан совершенно «непрозрачный» режим, позволяющий узкой группе лиц при помощи имеющейся власти распределять собственность методами протекционизма и нечестной конкуренции, а при помощи обретенной таким путем собственности получать еще большую власть. Это напоминает мне Карла Маркса с его формулой «деньги — товар — большие деньги». Только в России формула была другая: «власть — собственность — большая власть». Это то, что мы получили в России в конце правления президента Ельцина.

Случившиеся за эти десять лет в России перемены дали всему миру урок необычайной важности. Этот урок таков: капитализм, не ограниченный законом, независимым судом, деятельностью политических партий и профсоюзов, структурами гражданского общества, традициями страны и просто социальной активностью граждан, становится диким зверем. В своей книге «Открытое общество и его враги» Карл Поппер называет двух врагов открытого общества: фашизм и коммунизм. Российский опыт показывает, что есть еще один враг: отсутствие гражданского общества, закона и веры (известно, что Россия — маловерующая страна).

То, что произошло в нашей стране за последние годы, — это не революция, а реконструкция предыдущего режима, это «перестройка», как говорил Михаил Горбачев. Изменив правила игры, прежние люди восстановили прежние порядки, а корень зла остался на прежнем месте. Это произошло не потому, что эти люди, стоящие у власти, хотели оставить все как есть. Причина лежит гораздо глубже: и Горбачев, и Ельцин с его молодыми реформаторами были искренни, пытаясь улучшить положение вещей в нашей стране. Но весь их жизненный опыт, способ мышления и видения жизни заимствованы из советского прошлого. Вот почему каждую задачу, которая встречалась им на пути, они решали неправильным путем, причем день за днем, год за годом эти ошибки накапливались...

Почему так получилось? Приведу такую аналогию: реформы Петра I, направленные на то, чтобы сделать

Россию европейской страной, по-настоящему начались только в 1861 году, по прошествии полутора столетий. Так произошло потому, что это были реформы сверху. Что-то похожее произошло и с перестройкой Горбачева, и с преобразованиями Ельцина — они тоже были типичными «реформами сверху». Я понимаю, что все реформы в России всегда проводились только так. Но это значит, что и итог будет такой как всегда: нас ждет долгая и болезненная трансформация.

Почему выборы президента России прошли так, как они прошли, и почему был избран Владимир Путин? Потому что за 10 лет у нас были две войны, один расстрел парламента, два дефолта (один сокрушительный) и одна гиперинфляция в 1992 году в 2,5 тысячи процентов. И все это происходило от имени демократической власти и демократически избранного президента. Надо ли удивляться, что к людям практически невозможно стало обращаться с демократическими идеями и лозунгами? Нельзя требовать от людей, чтобы они глубоко анализировали события и понимали, что в стране за это время сменилось восемь премьеров, каждый из которых был либо высокопоставленным коммунистическим функционером, либо представителем КГБ (исключение было только одно, когда премьер был бывшим комсомольским лидером). Люди не хотят об этом думать, но после таких десяти лет они чувствуют себя крайне униженными. И очень трудно объяснить им, что виноваты в этом не США, НАТО или мировой сионизм, а наша политическая элита.

Пять особенностей российской экономики

Сегодня мы наблюдаем экономический рост, но он очень просто объясним. Показатели немного лучше (точнее, не настолько хуже, чем можно было ожидать) не

потому, что стали лучше работать. Причина — высокие цены на нефть, сочетающиеся с четырехкратной девальвацией национальной валюты после дефолта и расширением импортозамещения на внутренних рынках. Такой экономический рост не может быть длительным и постоянным. И это связано не только с тем, что ценам на нефть свойственно временами резко и неожиданно падать, но прежде всего — с фундаментальными особенностями российской экономики, которые утвердились за последние пять лет.

Каковы эти особенности?

Первая: огромный разрыв между существующим законодательством и экономической реальностью. Кстати, разрыв этот настолько велик, что никто даже не пытается свести две реальности вместе.

Вторая: правительство, региональные и местные власти и бизнес самым широким образом используют криминальные инструменты в отношениях между собой. Таким образом, наглая сила, часто в форме правоохранительной «дубины, бьющей по голове», администрирование или даже чисто криминальное давление используются для решения экономических проблем гораздо более широко, чем закон и конкуренция.

Третья: основные финансовые и ресурсные потоки страны контролирует не общество, а небольшие группы с собственными интересами, известные как олигархические.

Четвертая: минимальное доверие в бизнесе (если не тотальное недоверие).

И пятая: отсутствие стратегического планирования — люди предпочитают не загадывать на будущее, даже на год вперед.

Ну а самые главные проблемы российской экономики — это, конечно, теневая экономика и коррупция.

Приведу только одну цифру — по официальным данным, теневая экономика в стране составляет 40 процентов. Учитывая, что те, кто представляют эти цифры, сами являются частью теневой экономики, можно предположить, что реальные цифры гораздо значительнее. И это полностью лишает смысла все разговоры о росте ВВП и промышленного производства, уровне инфляции и так далее: если почти половина экономики находится в тени, то что можно знать о такой экономике? Кстати, когда за границей меня спрашивают о коррупции, мне приходится отвечать, что российские олигархи не держат свои деньги в Северной Корее, Ираке или на Кубе. Они держат их в Нью-Йорке, Париже, Швейцарии и так далее, и все знают о наличии этих счетов. Так что давайте, предлагаю я представителям Запада, расследовать это дело с двух сторон...

Подводя некоторую черту, хочу сказать, что есть два типа стран. Есть страны, которые ориентированы на человеческие ресурсы и на этой основе строят свое развитие, как, например, Южная Корея, многие европейские страны. А есть страны, как Россия, экономика которых всецело опирается на практически неисчерпаемые природные ресурсы. У них должна быть разная стратегия экономической трансформации.

У стран первого типа задачей номер один является жесткая финансовая политика и макроэкономическая стабилизация: такая политика создает сильные побудительные мотивы для людей и сравнительно быстро показывает очень хорошие результаты.

У стран же второго типа, которые имеют почти безграничные ресурсы, самым главным должны быть институциональные реформы. Почему? Да потому, что именно в таких странах существуют исключительно благоприятные условия для коррупции. В таких странах может появиться правительство, которое не заинтересовано ни в каких преобразованиях — зачем, если можно черпать средства буквально из-под земли? Неисчерпаемый сырьевой ресурс делает правительство ленивым: оно получает деньги буквально из ничего, из воздуха, и отвыкнуть от этого сильнодействующего наркотика чрезвычайно трудно. В России все обстоит именно так: вместо того чтобы строить нашу экономику на использовании и развитии человеческого потенциала, на свободах и правах людей, на науке и знаниях (чего настоятельно требует новое тысячелетие), — мы строим экономику на примитивной торговле нефтью и газом.

С этой точки зрения должен быть кардинально изменен подход к экономической политике. Потому что главное для России — глубокие, необратимые институциональные реформы, создание мелкого и среднего частного предпринимательства, реальной защищенной частной собственности, честной конкуренции. А денежная и фискальная политика должна быть такой, чтобы всемерно стимулировать эти преобразования, а не наоборот. О чем можно говорить, пока действует такая денежная или фискальная политика, при которой 25% населения не платят зарплату? Естественно, при такой политике инфляция будет очень маленькой — если нет зарплаты, то нет и инфляции. При такой ситуации невозможно проводить земельную реформу или какую-либо другую. А главная ошибка российских правительств заключалась в том, что вместо того чтобы приезжать в МВФ с собственной программой действий в нашей стране, они все время спрашивали МВФ, что надо делать, чтобы получить немножко денег в кредит? И получали в ответ от чиновников МВФ обычный список того, что надо делать, рассчитанный на страны третьего мира...

Рыночная экономика и права человека

То, что будет сказано ниже, не часто используется в экономическом анализе. Но это тот опыт, который накоплен в России и который Россия должна передать миру: чтобы рыночная экономика нормально работала, одним из первых институциональных преобразований должно быть строительство гражданского общества.

Успешная рыночная экономика не может существовать в государстве, в котором политика не основана на принципах защиты прав человека. Просто рыночная — может, а успешная — нет. Доказательство тому: множество стран существует на основе рыночной экономики, но только некоторые из них являются процветающими. Потому что право частной собственности, которое является краеугольным камнем всех экономических реформ и основополагающим принципом для рыночной экономики, — это одно из ключевых прав человека.

Я не имею здесь в виду право частной собственности нескольких конкретных людей, которых в России давно называют олигархами, — речь идет о равном подходе ко всем людям, которые живут в России. Право на частную собственность, на социальную защиту, на образование — все это права человека, которые должны быть доступны для всех.

Эффективная рыночная экономика нуждается в том, чтобы общество направляло ее, подавало ей важнейшие сигналы обратной связи, оказывало гражданское сопротивление, если что не так, шло на определенные жертвы, если сознательно готово на это. Должен идти непрерывный диалог, взаимодействие между гражданами, правительством и бизнесом — иначе экономика работает за счет материальных интересов людей, ухудшения их жизни. Например, можно сокращать заработную плату, можно вообще ее не платить, можно не платить пенсии... В таких условиях создать мало-мальски эффективную рыночную экономику невозможно, поскольку один из главных ее факторов — человеческий ресурс — не используется как экономический фактор. Можно сказать иначе: отсутствие реальных прав у населения, отсутствие возможности для общества выразить себя означает и отсутствие возможности построить эффективную рыночную экономику.

Что делать?

Что можно предложить для того, чтобы в среднесрочной перспективе существенно улучшить экономическое положение в России?

Прежде всего — это налоговая политика, которая должна быть изменена самым решительным образом. Какая сегодня главная задача налоговой реформы? Гражданская сделка между властью и теневой экономикой: с одной стороны — низкие налоги, с другой стороны — легализация доходов. Речь не просто о снижении налогов: многие из тех, кто не платит высокие налоги сегодня, не будут платить и низкие налоги завтра. Однако есть схемы, в результате которых теневая экономика выйдет, если так можно выразиться, на свет. И у «ЯБЛОКА» есть немало конкретных предложений по этому поводу, направленных и Думе, и президенту.

Второе предложение — защита права частной собственности, особенно в отношении акционеров. Люди должны почувствовать защиту плодов своего труда и то, что никто не отберет заработанное.

Третье — изменение в банковской системе. То, что мы сегодня называем банками, — вовсе ими не является. На Западе банк — это учреждение, которое берет у граждан деньги и вкладывает их в производ-

ство. В России банк — это учреждение, которое берет деньги из бюджета и отправляет их на Кипр.

Четвертое — земельная реформа: без земли как элемента гражданского оборота мы не продвинемся вперед ни на сантиметр. Ведь никто сегодня, совершая сделки с недвижимостью, не может быть уверенным, что это всерьез и надолго. Без приватизации земли — бессмысленна вся прочая приватизация.

Пятое — внедрение процедуры банкротств — это единственный путь не только реструктуризации промышленности, но и улучшения результатов ваучерной приватизации. Мы не можем использовать административные методы для пересмотра итогов приватизации, которая прошла просто контрпродуктивно, мы не можем проводить национализацию, но можем использовать экономические механизмы. Я просил бы моих читателей задуматься над таким феноменом: за десять лет промышленный спад составил 60%, а спад ВВП примерно 50% — и не произошло ни одного банкротства!

Шестое — нам срочно необходима работающая и независимая система судопроизводства.

И седьмое — страна остро нуждается в проведении реальной политики по защите прав инвесторов, по внедрению системы социальной защиты граждан, по предотвращению оттока капиталов за границу.

А теперь самое главное. Что нужно делать в нашей стране — не секрет. Чуть ли не каждый ребенок у нас знает, что нужно делать. Проблема в другом — кто может и хочет делать то, что необходимо, у кого есть политическая воля затрагивать интересы самых влиятельных групп? Нет больше интеллектуальной или профессиональной задачи — что делать; есть политическая задача — как и кто собирается это все выполнять?

О безопасности России

Этот вопрос наряду с экономикой является ключевым как для сегодняшнего дня, так и для будущего России. Дело в том, что Россия — это страна, имеющая самые протяженные в мире границы с самыми нестабильными регионами мира, с самыми крупными из стран с беднейшим населением. Лишь одна из российских границ — западная — является безопасной, а южная и юго-восточная являются крайне нестабильными.

В чем опасность? Ответ прост: терроризм. И здесь я не могу не коснуться крайне болезненной темы — войны в Чечне, один из аспектов которой касается не только России, но и всего мира. В 1996—1999 гг. в Чечне были созданы вооруженные отряды, которые я бы назвал милитаризованными криминальными группировками. Эти войска были специально подготовлены для ведения войны по заказу, и они фактически создали новое, так сказать, «предложение» на мировом рынке соответствующих услуг. А если учесть политическую и экономическую ситуацию в Центральной Азии, Таджикистане, Киргизстане, Узбекистане — где сочетаются друг с другом бедность, отсутствие перспектив, большое количество оружия и наличие сил, которые подогревают и направляют экстремистские настроения, — становится ясно, что на указанный «товар» есть реальный спрос. В этих регионах существует реальная угроза распространения экстремизма в его самых диких формах. А Россия, которая граничит со всеми этими странами, как раз и примет на себя первый удар.

Другой стороной чеченской проблемы являются те методы, с помощью которых наше правительство старается устранить угрозу терроризма. Я был против начала полномасштабной войны в Чеченской Республике, критиковал и буду критиковать эту войну, я продол-

жаю считать, что политика, которую проводит федеральная власть в Чечне, — тупиковая и преступная, я продолжаю настаивать на том, что мы должны были использовать для решения чеченской проблемы совершенно другие подходы. Я говорил это во время избирательной кампании 1999 года — и это крайне негативно сказалось на результатах выборов для «ЯБЛОКА» в той обстановке военной истерии, которая имела место осенью прошлого года. Теперь, правда, многие признают, что мы были правы, и разделяют нашу точку зрения...

Эти две стороны чеченской проблемы еще долго будут сопровождать нас. Разрешение этого противоречия — отдельная тема. Важно все-таки, чтобы и в Европе понимали, что борьба с терроризмом — общая головная боль. А также и то, что у России нет опыта в этом непростом деле. Однако, несмотря на все обоснованные претензии к нам, о предложениях помощи со стороны европейских стран, например, в борьбе с терроризмом, в российском обществе никто не знает.

Еще один аспект проблемы безопасности — то, что сегодня становится особенно актуальным разговор о пересмотре Договора о противоракетной обороне между СССР и США 1972 года.

Есть несколько подходов к решению проблемы о возможном пересмотре Договора по ПРО. Да, Соединенные Штаты действительно должны строить своего рода «зонтик» для обеспечения своей безопасности от запуска ракет террористов. Однако ровно в таком же положении находится и Россия. Мое предложение, которое я обсуждал и с президентом Ельциным, и с президентом Путиным, и с госсекретарем США мадам Олбрайт, другое: давайте сделаем два «зонтика».

Да, пока нет такой системы, которая могла бы остановить «ядерный дождь». Но можно создать систему, которая обезопасит страну от нескольких десятков ракет, которые могут быть запущены террористами. В этом нуждаются и Европа, и Россия — так давайте сделаем две системы ПРО: для Америки и для Европы с Россией. При этом вторая система ПРО будет основана на российских военных технологиях. Специалисты знают, что российские комплексы С-300, С-400 совершеннее американских комплексов «Пэтриот». Кстати, это признают и американцы. Тогда у нас была бы настоящая кооперация усилий и взаимная помощь, а не просто разговоры.

Такой проект действительно интегрирует Россию в общемировую систему безопасности. И если мы начнем осуществлять проекты такого масштаба, говорить о будущем России станет гораздо проще. Если же мы опять ограничимся в вопросе безопасности очередным пожиманием рук, когда очередной президент США посещает Россию или наоборот, — это не прибавит нам оптимизма. Все это не просто слова — пять лет специалисты российского Генштаба и американцы работали над решением этого вопроса. Теперь нужно заручиться поддержкой общественного мнения как в Европе, так и в России и в США. Несмотря на важность вопроса, все, однако, происходит как всегда: обсуждаешь такой подход к Договору по ПРО с высокопоставленными чиновниками, все заявляют, что это великолепно. Но на этом все и заканчивается...

Как Западу помочь России?

Самый простой ответ на этот вопрос — Запад должен привести в порядок свою собственную политику не только по отношению к России, но и в целом. Потому что мы постоянно видим, что на Западе ко всему и всегда есть два подхода — один, основанный на необходимости соблюдения прав человека, а второй —

так называемая «real politics», прагматический подход. И эти два подхода существуют параллельно.

Скажем, есть голосование ПАСЕ по вопросу нарушения прав человека в Чечне — и противоположное ему голосование по этому же вопросу Комитета министров Европейского Союза. Другой пример — бомбардировки Косова в прошлом году, когда ради защиты прав одних людей были убиты другие и вместо беженцев-албанцев мы получили беженцев-сербов. Между тем существовало другое решение, и оно было известно: вместо того чтобы устраивать известное телевизионное шоу в Рамбуйе, лидерам Запада нужно было приехать в Москву (что было сделано только в мае 1999 года) и заставить российское правительство прекратить поддержку Милошевича. В том случае бомбардировки просто бы не понадобились. А так — случился грубый дипломатический провал. Когда в НАТО сообразили, что подошли к краю пропасти, они все-таки приехали в Москву и уговорили Ельцина послать Черномырдина — направить процесс в правильное русло. Но лишь потому, что испугались, между тем все то же самое можно было сделать сразу.

Наконец, такой пример: россиянам стало очень трудно получить визу на въезд в Европу. Надо, например, сначала собрать три справки: что человек заплатил налоги, что заплатила налоги компания, в которой работает этот человек, и что этот человек находится в отпуске. И перед этим еще надо отстоять три дня в очереди...

Я не знаю, как мафиози получают визы, но я точно могу сказать, что ни один из них не стоит ни в каких очередях. А вот когда какой-нибудь гражданин, которому сказали, что Россия может быть частью Европы, захочет поехать на два-три дня в Европу, чтобы посмотреть, как там живут люди, у него

будет примерно такая перспектива. Если он, скажем, из Новосибирска — он будет ехать три-четыре дня на поезде, затем стоять три дня в очереди, затем он потратит несколько дней на то, чтобы получить от своей компании факс о том, что она заплатила налоги. После всего этого окажется, что его отпуск закончился, и очень трудно будет объяснить этому человеку, что именно так он и должен жить в будущем...

Нам в России больше не нужно миражей — мы должны понимать, к какому именно будущему мы стремимся. И если нас пригласили в Европу (а нас приглашают уже пятьдесят лет) на ужин, то хозяевам очень важно не забыть открыть дверь, чтобы гости могли войти. Между тем на практике все происходит с точностью до наоборот.

Еще одна проблема — это телевидение. Сегодня европейские новости можно увидеть на всех языках даже в неевропейских странах, но их нельзя увидеть и услышать на русском языке. Это нонсенс — ведь аудитория для таких русскоязычных новостей составляет 300 миллионов человек, потому что все бывшие республики СССР русскоговорящие. Я понимаю, что не всех людей в России и странах СНГ интересует абсолютно все, что происходит в Европе. Но я точно знаю, что эти люди должны иметь возможность получать необходимую им информацию о том, как живет Европа. Они должны видеть разницу между российским и европейским телевидением, видеть, что существуют разные способы показывать происходящие события и «делать новости», — и тогда они смогут сами отличать правду от неправды. США и Европа «образовывали» друг друга в течение всего столетия — а Россия была в изоляции, и в этом смысле она до сих пор в изоляции. А чуть ли не единственное, что приходит к нам с Запада, — это американские фильмы про Джеймса Бонда...

И теперь — самая важная часть западной политики. Политическая элита Запада относится к русским как к людям, которые не понимают и не принимают демократию, рыночную экономику, верховенство закона, и потому им нужен сильный хозяин Кремля. Западные лидеры будут с ним дружить, ходить с ним в сауну, встречаться без галстуков и без пиджаков, переходить с ним на ты, говорить, что у него крепкое рукопожатие, иногда давать немножко денег — и за это он будет держать в «сильной руке» свое безумное и непредсказуемое население.

Недавно опубликованная статья в газете «Вашингтон пост» прямо так и говорит: мы не должны вмешиваться, единственное, что нас должно интересовать, это есть ли у нас друзья в Кремле и нацелены ли на нас ракеты или нет. Это — абсолютно ошибочный подход: если западная политическая элита рассматривает русских как людей второго сорта, если для нее самое важное — сохранить друзей в руководстве России и обезопасить себя от имеющегося у России ядерного оружия, — это приведет к большим проблемам и тупикам, и мы это очень хорошо чувствуем.

Мы знаем, что отношение к России со стороны западной элиты не имеет ничего общего с отношением обычных граждан этих стран, которые искренне хотят помочь России. Однако западные политики не понимают того, что происходит в России, и стараются делать что-то попроще, чтобы не брать на себя ответственность. Одновременно они усиленно демонстрируют активность и озабоченность. Все то же самое было и в период правления Ельцина — Запад разговаривал только с ним, и политика в отношении России была сосредоточена на нем.

У России и Европы, России и США — разная история. Но все мы — одна цивилизация. Между тем

следующий век будет веком цивилизаций, а не историй. Одна цивилизация — это значит, что наши интересы в самом ближайшем будущем совпадут. Да, в России у власти осталась коммунистическая номенклатура, но ведь и многие политики Запада, игравшие не последнюю роль в холодной войне, остались на руководящих постах. И в результате — политика все еще строится более или менее в прежнем стиле...

Куда пойдет Россия?

Многие пытаются угадать, по какому пути пойдет Россия, станет ли она либеральной, социал-демократической, консервативной страной? На этот вопрос пока нет ответа.

Есть известная былина о витязе, который после долгого пути увидел на дороге камень, а на камне было написано: «Направо пойдешь — коня потеряешь, налево пойдешь — голову потеряешь, прямо пойдешь — ...». Мы пытаемся угадать: какое же направление выберет Россия? Но витязь по имени Россия, который оказался перед этим камнем, не может двигаться ни направо, ни налево, он вообще не может двигаться после восьмидесяти лет паралича.

Моя задача — не учить и не давать предписания.

Моя задача — помочь моему народу обрести голос, чтобы он мог говорить громко и отчетливо, выражая свою волю, то есть обрести свободную прессу.

Моя задача — помочь моему народу обрести способность своими руками свободно созидать будущее, чтобы он мог делать то, что захочет и сможет, то есть обрести частную собственность и эффективную экономику.

Моя задача — помочь моей стране обрести устойчивость, чтобы она могла твердо стоять на ногах, то

есть обрести верховенство закона и чувство, что законы могут работать.

Моя задача — помочь моей стране обрести голову, то есть обрести понимание того, что каждый человек — совершенно исключителен, ведь главная задача всех российских политиков — это защита жизни каждого гражданина.

Если мое поколение сможет дать все это нашему народу, Россия сама сможет решить, куда ей двигаться, и обретет достойное будущее.

Я хочу надеяться, что моя страна выберет правильное направление.

Все впереди.

В ЗАЩИТУ НТВ И ДРУГИХ СМИ МЕДИАХОЛДИНГА МОСТ

Заявление от 20 сентября 2000 года

Крайне мало в нашей стране людей, которые в последние десять лет не разрушали, а создавали. Почти нет таких, кто стал состоятельным человеком не на том, что украл, а на создании чего-то принципиально нового и общественно полезного, чем страна может гордиться.

Владимир Гусинский, Игорь Малашенко и Евгений Киселев создали общественно значимую современную информационную систему мирового класса и в первую очередь, телекомпанию НТВ и НТВ-плюс, во многом опережающие аналогичные европейские структуры. В дни пожара на телебашне это стало абсолютно очевидно на фоне полной беспомощности так называемых государственных каналов.

Вот почему все средства массовой информации вынуждены считаться с тем стандартом и стилем, которые создал Владимир Гусинский и НТВ. Все это было сделано в самых непростых условиях, в том числе и грубого давления, как в 1994, 1999 и 2000 годах.

СМИ этого холдинга всегда отличались плюрализмом, свободой мнений. Любые мало-мальски значимые политические партии всегда были представлены там.

Можно с уверенностью утверждать — никогда и ничего антигосударственного или нигилистического не звучало в эфирах НТВ, «Эхо Москвы», не было в газетах и журналах медиахолдинга МОСТ.

Нынешняя власть не может сосуществовать со СМИ, которые показывают то, что власть хочет вычеркнуть из своей кремлевской жизни. Высокопоставленные чиновники полагают, что то, «чего нет в прессе и на телевидении, того нет и в жизни». В этом отношении, как, впрочем, и в других, нынешняя власть ничем не отличается от абсолютного большинства советских руководителей. Именно это и ведет нашу власть в тупик — тупик иллюзий и лжи. Но время пропагандистских иллюзий скоротечно, и они раньше или позже приведут страну к обрыву. Независимые СМИ и в первую очередь НТВ пытаются этому противостоять. И в этом мы с ними солидарны.

ВЛАСТЬ КАК ПРОБЛЕМА

«Московские новости», № 39 (1057), 3–9 октября 2000 года

Вот уже два года как российская экономика, пережив финансовый кризис августа 1998 г., находится в фазе подъема. В третий раз за последние десять лет в экономике появились положительные предпосылки. Можно ли от временного конъюнктурного восстановительного оживления перейти к долгосрочному самоподдерживающемуся экономическому росту? Обычно говорят о налоговой и таможенной системе, земельной реформе, финансовой стабилизации, бездефицитном бюджете и т.п. Все это важно, но оставляет в стороне ключевую проблему, с которой сталкивается любой человек, ведущий бизнес в нашей стране, — проблему власти. Главную проблему, без удовлетворительного решения которой все остальные усилия по большому счету пойдут насмарку.

Любое, даже самое идеальное законодательство не будет определять настроения делового сообщества, если законы в стране не исполняются или исполняются избирательно. Более того, даже если допустить, что власть в стране всерьез намерена жить по закону, никто не застрахован от того, что эти законы будут произвольно меняться самой властью без учета мнения и интересов тех, кого эти законы серьезно затрагивают.

Почему капитал бежит на Запад, где законы в экономической сфере в целом строже и неудобней российских, а правительства меняются подчас не реже,

чем у нас? Прежде всего потому, что есть уверенность: там любое правительство, власть в целом не могут не уважать коллективное мнение тех, в чьих руках находится собственность и в связи с этим ответственность за поддержание жизнеспособности и благосостояния общества. При любых изменениях в законах и правилах они не выйдут за рамки некоего взаимопонимания между официальными властными структурами и классом легитимных собственников, позволяющего последним планировать свои действия на длительную перспективу.

У нас ситуация иная, и откровенное признание этого факта должно быть исходным пунктом экономической стратегии любого российского правительства — правого, центристского, левого. Новый класс собственников (те, кто сегодня реально распоряжается основными экономическими ресурсами, и в первую очередь производственными активами) откровенно не верит официальной власти и считает ее способной на любые, даже самые безрассудные шаги. Администрация, в свою очередь, не верит (и во многом не без основания) в социальную ответственность бизнеса и неявно исходит из посыла: при отсутствии всевидящего ока государства предприниматели будут вести себя как мародеры на оккупированной территории.

Глубокое взаимное недоверие власти и бизнеса не может не влиять и на взаимоотношения между экономическими субъектами вообще: банки не верят клиентам, клиенты — банкам, предприятия — своим кредиторам и партнерам, а население вообще никому не верит и считает, что если сегодня его кто-то не обманул, то это только потому, что обманул вчера или собирается крупно обмануть завтра. Никого не удивляет и даже не возмущает, что законы в нашей стране исполняются лишь в той степени, в которой они выгодны тем, для кого закон не помеха (или, в крайнем случае, постольку-поскольку они никому не мешают). Наиболее активная часть населения уже привыкла, что мы живем не в правовой, а в «договорной» экономике, где действовать надо сообразно не формальным законам или подзаконным актам, а договоренности с теми, кто может на эти действия серьезно влиять — в негативном или позитивном плане. Причем сказанное относится не только к тем, кто рассчитывает побольше заработать и поскорее свалить из этой страны, но и к тем, кто видит себя ответственным, законопослушным и патриотически настроенным гражданином своей страны. Как это ни парадоксально, разговоры о грядущей диктатуре закона вызывают обеспокоенность именно этих, социально ответственных и склонных к законопослушности, экономически наиболее активных граждан.

Проблема в том, что экономическое законодательство новой России таково, что любая попытка добиться его точного соблюдения неминуемо приведет к параличу большей части экономической деятельности, осуществляемой сегодня на ее территории.

Эти законы, может быть, и соответствуют неким западным стандартам, но Россия по этим стандартам никогда не жила и в обозримом будущем жить не будет. Да и писались новые законы в начале 90-х годов вовсе не для того, чтобы страна по ним жила, а для того, чтобы получить под них западные деньги — что называется, «нам бы день простоять да ночь продержаться» во власти, а там, дескать, разберемся. (Кстати, хотя в определенных кругах и принято говорить об этом периоде как об эпохе «демократического романтизма», крушение иллюзий у большинства «романтиков во власти» по странной закономерности почти всегда сопровождалось приобретением ими вполне

реальных состояний.) Страна же в это время, руководствуясь, главным образом, инстинктом выживания, вырабатывала для себя определенные правила: как надо жить, кому и сколько платить, кого и насколько бояться. В результате к концу ельцинского периода начало складываться пока еще зыбкое, но все более определенное взаимопонимание, позволявшее видеть и планировать экономическую деятельность если не на десять лет, то хотя бы на год вперед. И нет сегодня ничего хуже для экономики, чем пытаться ломиться в эти устанавливающиеся отношения предсказуемости с дубиной диктатуры закона, уничтожая тем самым ростки (или остатки — как посмотреть) взаимного доверия между субъектами экономики.

При всей неэффективности и неправильности российской экономической системы с точки зрения классических представлений о цивилизованной экономике именно она сегодня поддерживает жизнь огромной массы предприятий и зависящих от них людей, и неуклюжая попытка выправить логику их хозяйственного поведения может, наоборот, парализовать последнюю или, по крайней мере, сократить ее масштабы. Строго говоря, именно понимание такой опасности на индивидуальном уровне всеми хозяйственными и политическими лидерами ведет к тому, что никем, собственно, не оспариваемый тезис о необходимости обеспечить силами государства строгое и неукоснительное соблюдение закона никто не собирается сегодня воплощать на практике. Более того, если, например, восемь лет назад еще был возможен некий переворот (грубо говоря, государство могло отнять ресурсы и предприятия у одних управляющих, некомпетентных и жуликоватых, и отдать в руки других, предположительно умных и честных), то сегодня это физически и технологически невозможно.

Большинство предприятий, которые теперь, спустя девять лет после начала кризисной ломки, продолжают работать и приносить доход тем, кто на них занят и ими управляет, действительно приспособились к новым условиям. В том числе и к риску насильственных действий со стороны. Случайно ли, что крупнейшие предприятия, составляющие сегодня хребет российской экономики (при всей скромности самооценки, не самой маленькой в Европе), по всем формальным показателям с учетом международной методологии оценки характеризуются незавидным финансовым положением? Крупные предприятия, приносящие сколько-нибудь существенную прибыль, при условии определения последней по западным принципам финансового учета, можно буквально пересчитать по пальцам. Дивиденды в акционерных обществах, если они вообще выплачиваются, имеют символические размеры. Российских компаний, акции которых активно торгуются на биржах, не наберется и двух десятков, да и те имеют более чем скромную капитализацию. В то же время эти неэффективные и малопривлекательные с точки зрения формальных финансовых показателей предприятия сплошь и рядом становятся объектом серьезной борьбы за контроль над ними, причем борьбы столь острой и ожесточенной, что многие не самые бедные в стране люди соглашаются подвергать опасности собственную жизнь.

Предприятия, которые по всем формальным критериям уже давно должны были обанкротиться и закрыться, не только продолжают работать, но и загадочным образом ухитряются привлекать средства для весьма значительных инвестиций и расплачиваться по своим внешним обязательствам. Официально все всем должны, субъекты в массовом порядке не выполняют своих обязательств друг перед другом — и вместе с

тем годами продолжают работать и поддерживать связи. Только наивные люди могут объяснять все это некоей российской «особостью» или, того хуже, тяжким наследием советского прошлого. На самом деле видимое несоответствие между формальным неблагополучием многих предприятий и острой заинтересованностью в них объясняется исключительно тем, что эти предприятия являются, подобно заводскому цеху, составной частью более крупных и сложных схем и структур, в целом работающих очень эффективно и прибыльно, с точки зрения их владельцев и управляющих. Бухгалтерская убыточность отдельных предприятий не исключает высокой эффективности системы, частью которой они являются. А с учетом того, что отношения собственности внутри каждой системы непрозрачны, а сами они по большей части глубоко интернационализированы, подобные схемы помимо прочего минимизируют риски, связанные с возможной национализацией или переприватизацией.

Управление предприятиями с помощью своего рода удаленных схем, когда собственно управление, а также финансы и технологии предпринимательских групп вынесены за пределы российской юрисдикции, лишает национализацию экономического смысла. Грубо говоря, власть может отнять у нынешнего владельца прокатный стан или, допустим, линию по производству химической продукции, но прибыльное их использование будет проблематичным, поскольку российское предприятие, на балансе которого это оборудование находится, уже не имеет ни собственных финансовых ресурсов, ни снабженческо-сбытовой сети, ни полного комплекта необходимых для работы с данной продукцией технологических служб. Создавать же все это заново нынешнему государству, естественно, не под силу.

Подобное положение уменьшает возможности власти оказывать влияние на поведение экономических субъектов и с помощью классических рыночных инструментов (варьирование степенью жесткости бюджета, контроль за денежной массой, регулирование кредитной экспансии, операции денежных властей на валютных рынках и т.д.), поскольку при принятии стратегических решений в рамках крупных интернационализированных структур названные факторы имеют второстепенное значение. Состояние российских финансовых рынков, которые, собственно, и являются главным непосредственным объектом регулирования при помощи этих рычагов, оказывает на деятельность ключевых российских предприятий лишь опосредованное и незначительное влияние.

Таким образом, возможности государства в плане воздействия на активность реального сектора в сегодняшней России крайне ограничены. Но значит ли это, что государство должно превратиться в статиста, отводя себе роль зрителя или в лучшем случае благожелательного арбитра при решении мелких споров между экономическими субъектами? В нашей ситуации — нет.

Формирующееся взаимопонимание, о котором шла речь выше, чрезвычайно зыбко и непрочно. Оно, безусловно, нуждается в том, чтобы в обществе существовала мощная сила, способствующая его становлению и решительно пресекающая тех, кто его отвергает, намереваясь играть по своим собственным правилам. Никто, кроме государства, а точнее кроме федеральной власти, взять на себя эту роль в России сегодня не в состоянии.

К тому же формальное право, экономическое законодательство должно быть приведено в соответствие с реально складывающимся взаимопониманием относительно правил экономического взаимодействия.

Невозможно обеспечить выполнение законов, если они не исполняются 95 процентами экономических субъектов. Напротив, если законы будут таковы, что подавляющее большинство предприятий и граждан реально, как принято говорить «по жизни», вынуждены их придерживаться, то для того чтобы пресечь беззаконие со стороны незначительного их меньшинства, у государства найдутся и средства, и возможности.

Механизм поиска подобных взаимоприемлемых для бизнеса и общества решений очевиден: диалог с реальным бизнесом — жесткий, но реалистичный. Итогом такого диалога должны стать согласованные параметры налоговой, таможенной, валютной и административной систем, которые и должны быть положены в основу поправок к существующему законодательству, а в случае необходимости — и коренного его пересмотра. Работа по налаживанию такого диалога как на отраслевом, так и на общехозяйственном уровне чрезвычайно трудна и неблагодарна, но начинать ее надо. Инициатива здесь, безусловно, должна исходить от власти, но и бизнес должен предпринять активные усилия для своей самоорганизации и самоограничения.

Начинать этот процесс следует незамедлительно, иначе положительная энергия нынешнего промышленного подъема кончится раньше, чем будут созданы необходимые институциональные условия для закрепления тенденции к устойчивому экономическому росту. Не будет преувеличением сказать, что фактически речь идет о том, чтобы начать экономические реформы заново, пусть и из другого исходного состояния.

Необходимо признать, что реформы ради реформ, проводившиеся с ориентацией не на конечные результаты, а на абстрактные критерии, не только не повысили, но, наоборот, снизили эффективность общественного производства, разрушили механизмы, обеспечивавшие возможность устойчивого и долгосрочного экономического роста. Постоянные изменения правил игры и отказы государства выполнять свои обязательства и функции, подмена цивилизованного правового регулирования волюнтаристскими политическими решениями; молчаливое, а порой и открытое одобрение противозаконных операций, попустительство коррупции и действиям, противоречащим общественным интересам, — все это привело к ухудшению экономических условий для честных и законопослушных производителей, выдавливанию экономики в тень.

Поведение российской власти в течение последних десяти лет, собственно говоря, и сформировало ту отвратительную экономическую и деловую среду, которая укоренилась и к которой теперь следовало бы приспосабливаться.

Признав все это, государство обязано сегодня сделать максимум возможного, чтобы в сотрудничестве со здоровой частью российского бизнеса выработать, а затем и обеспечить соблюдение простых, понятных и оформленных законами правил экономической игры. Однако в последнее время ситуация серьезно осложняется тем, что теперь власть в лице абсолютного большинства своих представителей всех уровней и рангов, вплоть до самого верха, на самом деле свирепо ненавидит российскую частную экономику, предпринимательство и бизнес. И если это так, то реальное взаимопонимание между бизнесом и властью становится невозможным, а задача устойчивого экономического роста в нынешних политических условиях — неразрешимой.

БЮДЖЕТ – ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ, РЕШЕНИЕ – ПРЕЗИДЕНТСКОЕ

Выступление при рассмотрении бюджета-2001 Государственной Думой 6 октября 2000 года

Уважаемые коллеги!

Фракция «ЯБЛОКО» детально проанализировала бюджет. Мы посмотрим на него под иным углом, нежели делали это раньше. Это связано и с небольшим размером бюджета (хотя он вырос вдвое по сравнению с предыдущим) и крайне сложными проблемами, стоящими перед нашей страной, с крайне сложной экономической и политической ситуацией в нашей стране.

В результате анализа «ЯБЛОКО» пришло к выводу, что экономические параметры этого документа и экономическая ситуация в стране позволяют решить в ближайшее время — буквально начиная с будущего года — четыре крупнейшие проблемы страны. Их можно не только поставить, но и решить.

Первое. У нас есть средства на то, чтобы уже в будущем году вдвое увеличить денежное содержание вооруженных сил. У нас есть средства на то, чтобы уже в будущем году решительно сократить количество призывников и заменить контрактниками на основе увеличения денежного содержания. Иначе говоря, этот бюджет позволяет начать форсированный переход к профессиональной армии. Мы также можем выделить дополнительно 25 млрд руб. на оборонный заказ, на поддержание и развитие научно-исследовательских и опытных разработок.

Второе. Анализ бюджета показывает, а «ЯБЛОКО» вместе с Общественным советом по образованию (в который входят представители всех политических сил), — заявляет, что уже в основной части бюджета, то есть в параметрах, можно выделить не менее 5 млрд руб. на развитие и совершенствование технической базы образования. Это можно сделать немедленно.

Мы можем решить еще две задачи — серьезным образом укрепить судебную систему и вернуться (о чем здесь говорили почти все) к соотношению распределения доходов между центром и регионами в пропорции 50:50%. Сверхцентрализация этих средств ни в политическом, ни в экономическом смысле не несет ничего хорошего.

По итогам анализа бюджета и разработки своего собственного варианта расчетов, «ЯБЛОКО» готово доложить вам, за счет чего это можно сделать. И мы заявляем: средства на решение этих проблем имеются уже в этом документе. Такими источниками мы называем следующие: грамотный и точный расчет налога на прибыль (по тем макроэкономическим параметрам, которые уже заложены в бюджете) — это составит около 29 млрд руб. Правильный расчет налога на НДС по товарам, ввозимым на территорию РФ, — это еще 24,7 млрд руб., на вывозные экспортные пошлины — 19 млрд руб., таможенные сборы — еще 7 млрд руб., дивиденды по акциям, принадлежащим государству, прочие поступления.

Общая сумма, по нашим расчетам, составляет 88 млрд руб. без учета повышения цен на нефть. Кстати, мы считаем, что правительство поступило верно, заложив в бюджет низкую цену. Но я согласен с Евгением Максимовичем, что пока неудовлетворительно показан механизм прозрачности использования дополнительных доходов.

Как же решить важнейшие задачи и кто может их решить?

Нынешний бюджет очень существенно отличается от тех, что были раньше. Прежде всего в нем заложена единая ставка подоходного налога в 13%, регрессивная шкала по социальному налогу, вычеты из налогооблагаемой базы расходов на медицинское обслуживание, представлена концепция сокращения налоговых льгот, остановка роста государственного долга. В течение ряда лет «ЯБЛОКО» прилагало немалые усилия, чтобы эти предложения вошли в бюджет. Значительная часть наших депутатов поддерживает этот бюджет, потому что наши предложения, наконец, приняты.

Переговоры с правительством показали следующее: правительство не возражает, что дополнительные 88 млрд руб. в бюджете есть. Оно говорит по другому: те задачи, которые ставит «ЯБЛОКО», — это политические проблемы. Оно такие проблемы не решает. Такие проблемы решает президент, правительство решает хозяйственные задачи. И если оно эти деньги принесет в Думу, то эти деньги растащат на миллион всяких хозяйственных дел и их просто не будет. И в этом мы тоже согласны с правительством.

Поскольку правительство с 30-х годов и до сего дня все еще остается хозяйственным, а не политическим органом, мы оказываемся перед вопросом — к кому мы обязаны апеллировать для решения этих самых крупных проблем?

Мы отвечаем: сегодня страна имеет в своем бюджете средства для решения крупнейших государственных проблем. Решить эти задачи может только политическая воля самого президента. Смысл анализа бюджета Государственной Думы в том, что Государствен-

ная Дума может заявить президенту: есть средства для решения крупнейших политических задач — для увеличения вдвое денежного содержания армии, перевода армии на контрактную основу, увеличения военного заказа, для выведения образования на новый уровень.

За президентом — решение, что сделать с этими деньгами? Спрятать их или открыто и честно признать их ко второму чтению и использовать их для решения этих проблем. Фракция «ЯБЛОКО» будет настаивать на втором.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГИМН НЕ ДОЛЖЕН НИКОГО ОСКОРБЛЯТЬ

Выступление, которое побоялась услышать Государственная Дума 8 декабря 2000 года

Фракция «ЯБЛОКО» категорически выступает против принятия гимна Сталина-Александрова и будет солидарно голосовать «против».

Во-первых, мы считаем несвоевременной саму постановку вопроса о законодательном утверждении символики. Лучше всего сказал об этом в «Общей газете» Александр Исаевич Солженицын: «Я считаю совершенно бесстыдным, что поднялся такой ажиотаж вокруг государственных символов, когда страна лежит в нищете и ежегодно умирает миллион русских. Этот ажиотаж вокруг гимна занимает не народ, а тех, кто толпится около власти».

Во-вторых, этот вопрос отнюдь не музыкальный, а крупный политический. Возвращение сталинского гимна — худший вариант решения проблемы государственной символики, поскольку это решение радикально раскалывает общество. Нет в предложенном решении никакого компромисса, никакой консолидации, потому что компромисс — это не механическое соединение символов разных эпох. Нельзя протаскивать государственные символы, вызывающие отторжение у значительной части общества. Предложенная музыка гимна неотделима от прославления Ленина и Сталина, неотделима от репрессий, от преследования инакомыслящих.

В-третьих, никакого серьезного обсуждения символики в обществе не было. Вместо аргументов и общественного обсуждения было только силовое продавливание одной точки зрения. Опросы именно и говорят о расколе да еще о том, что люди за 45 лет одну мелодию запомнили, а другой просто не знают. Но если по этому пути идти, то «Спокойной ночи, малыши» — еще более популярная в народе «государственная оратория».

Что же символизирует новый гимн? Это действительно символ, но символ краха. Это символ идеологии, потерпевшей крах. Символ идеологии, приведшей к краху государство, построенное на этой идеологии. Это символ идеологии, физически уничтожившей лучших представителей нашего народа: военных, ученых, рабочих, крестьян, учинившей настоящий геноцид русского народа. Это не символ победы над фашизмом. Другие мелодии и песни были с людьми на фронте. Это «Вставай, страна огромная!», «Землянка», «Синий платочек». С ними и побеждали. И никто не вспоминал тогда никакого государственного гимна.

Все, что связано с победой в Великой Отечественной войне, для нас свято.

Свято и Знамя Победы. Но с точки зрения государственного строительства странно, чтобы армия имела иное знамя, нежели ее собственное государство. Могут быть знамена видов вооруженных сил, но не может быть знамя вооруженных сил, отличающееся от флага страны.

Куда зовет нас этот гимн? Принимая его, мы отбрасываем общество назад, вселяем неуверенность, вызываем огромные сомнения в будущем. Это знак реванша и мести. Вот в чем суть этой затеи. Это знак приглашения тем, кто желает повернуть историю

вспять. Это знак того, что на миллионы людей, на их чувства, на их представления о жизни наплевать.

Государственная музыка может быть лучше или хуже, но она не должна никого оскорблять.

Мы считаем исторической ошибкой принятие такого гимна. Ошибкой, которая чревата серьезными негативными последствиями.

Но даже если гимн Сталина будет принят — не сомневаюсь: это решение временное. Новое поколение создаст новый гимн, новый гимн для будущей России.

В истории России останется тот, кто отменил символику тоталитарного государства, а не тот, кто ее временно восстановил.

ПРИТВОРНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Выступление на Всероссийском Чрезвычайном съезде в защиту прав человека. Москва, 21 января 2001 года

Большое спасибо за приглашение выступить.

Я хотел бы выразить свое глубокое уважение всем, кто принимает участие в работе этого съезда, кто избрал в своей жизни нелегкий и очень опасный путь защиты прав человека. От имени моих коллег из «ЯБЛОКА» я хотел бы выразить наше бесконечное уважение к тем, у кого хватает мужества и смелости, кто сумел переломить апатию и лень и в сегодняшней России борется за право человека жить и быть свободным. Сейчас за это не сажают в тюрьму, как раньше, но сейчас избивают, травят, калечат и унижают. И это повсеместно, во всех уголках нашей страны. Власть считает всех, кто борется за права человека, даже не оппонентом, а врагом.

Особенно я хотел бы приветствовать молодых людей, которых в этом зале очень много. Их выбор — свидетельство большой отваги и внутренней зрелости.

От имени своей партии я заявляю, что мы солидарны практически со всем, что говорится на вашем съезде. Сегодня, хотя и очень медленно, но все большее число людей начинает понимать, что происходит в нашей стране на самом деле. Люди начинают понимать, что у нас притворная свобода слова, когда по-настоящему, систематически, в полном объеме можно только хвалить начальство. Люди видят, что у нас при-

творная независимость судебной системы, которая попрежнему исполняет заказы руководства. Такой системой можно воспользоваться как дубиной, когда нужно. Она всегда готова открыть уголовное дело на кого угодно и начать травлю. У нас притворные выборы: все хорошо знают, что людям удается выбрать не тех, кого они хотят, а кого продвигает власть. И это на всех уровнях. В стране притворная многопартийность: партия власти имеет особые привилегии, еще большие, чем имели все постоянно существовавшие партии власти с 1990 года. Эта партия сегодня претендует на монополию, объединившись по существу с КПРФ. У нас притворное разделение властей, потому что наше правительство не подотчетно никому. Исполнительная власть вольна делать все, что ей заблагорассудится, она ни перед кем не отчитывается ни по одному вопросу.

Понимание происходящего идет очень медленно, но пелена с глаз постепенно спадает. Становится ясно, что сегодняшняя политика больше похожа на спецоперацию. А в каждой спецоперации существуют, как вы знаете, две главные формы: вербовка и активные мероприятия. Это видно на любом направлении сегодняшней политики. Произносятся слова, ставятся задачи, потом они превращаются в виртуальную действительность, испепеляются ею, и остается вербовка. А для тех, кто почему-то не вербуется, — активные мероприятия. Нормальную открытую, публичную политику сегодня заменили пиаром, ложью, наветами, грязью. Сейчас с оппонентами не спорят. Больше нет политической дискуссии. Если нужно разобраться с оппонентом, его «закажут» в прессе, на телевидении и, наконец, за три часа до «часа икс» снимут с выборов. Сегодня этого вполне достаточно, чтобы выяснить, «кто прав».

Как называется такая политика? Она хорошо известна в России: цель оправдывает средства. Без такой политики не скрыть преступлений, коррупции, не скрыть, почему замерзает пол-России.

Наиболее характерной чертой сегодняшней власти (что она беззастенчиво демонстрирует), является отсутствие у нее каких бы то ни было представлений о ценности человеческой жизни, о том, что есть неотчуждаемые права и свободы. Говорить об этом с властями бессмысленно: они не пропускают эти простые истины в свое сознание. Так было почти все десять лет. А какой результат?

За десять лет наша страна пережила две войны, одна из которых продолжается. Два дефолта, один из них грандиозный, в 1998 году. Гиперинфляцию в 1992 году, которая уничтожила все материальные возможности наших сограждан. В 1993 году мы столкнулись с началом гражданской войны. Накопленная за это время энергия начинает переходить в новое качество — наша страна перестала считать своих мертвецов. Мы теперь не обращаем внимания на то, сколько каждый день гибнет людей и в горячих точках, и по множеству других, совершенно необъяснимых с точки зрения логики, права и Конституции, оснований. Страна, не считающая своих мертвецов, отправляется по очень опасному пути — ей становится все равно. Это именно то, что необходимо для самых больших политических авантюр.

В нашей стране складываются основы новой политической системы. Сегодня я бы назвал ее неузнаваемым пока национал-большевизмом. Одна из причин — попытка создания капиталистической системы без гражданского общества. Карл Поппер в книге «Открытое общество и его враги» называет двух врагов открытого общества: фашизм и коммунизм. Российский опыт за последние десять лет свидетельствует о

том, что попытка строительства капитализма — без гражданского общества, без эффективно работающей независимой судебной системы, без законов, без использования и понимания национальных традиций и культуры, без профсоюзов, почти без гражданских партий, в неверующей стране — создает не меньшего врага открытого общества.

Бесправные, оболваненные люди не могут создавать современную экономику. Защита прав человека и сегодняшний съезд — это не просто напоминание, не просто составная часть политического процесса, не просто, как выражаются некоторые политики, «чтобы были и «эти», которые защищают того, кто сидит в камере». Нет. Когда государство ни в коей мере не построено на приоритете и защите прав человека, роль вашего съезда и правозащитного движения совсем другая. Только поставив в центр всей экономической системы неотчуждаемые права каждого человека, можно построить действенную прагматичную, эффективную экономику.

Манипуляторы, играя на самых низменных чувствах толпы, выигрывают выборы по заказу начальства. Это правда. Но одновременно они проигрывают страну. Я обращаюсь ко всем, кто считает, что России нужна не сильная голова, а сильная рука, нужна «управляемая демократия», управляемое оболваненное сознание, корпоративное государство.

Малоуважаемые господа манипуляторы и «мыслители»! Все задачи, которые в принципе могла решить «сильная рука», Россия решила огромной кровью в тридцатые годы. Второй раз эти задачи нам решать не нужно. Экономику XXI века могут создавать только свободные люди, имеющие право на свободную информацию и справедливое правосудие. И пусть никто не надеется, что это можно сделать по-другому.

Мы считаем, что именно сейчас все усилия гражданских структур, в том числе и правозащитного движения, необходимо направить на то, как помочь обществу в развитии индивидуальности, индивидуальной ответственности, как преодолеть лень и трусость.

Именно поэтому развитие личной инициативы, личной свободы стоит в центре всей политической линии «ЯБЛОКА». Именно поэтому мы считаем, что защита прав человека и свобод является нашей центральной задачей.

Мы понимаем свободы очень широко — так как, на наш взгляд, надо понимать их в России. Права человека — это свободная экономика и право на частную собственность, свобода предприимчивости и право на справедливую конкуренцию, это личные свободы и социальные права, это право на честные выборы. Все это — и есть основа и нашей идеологии, и практической деятельности.

Например, сегодня для «ЯБЛОКА» защита Конституции, которую мы не раз критиковали, является программной задачей нашей партии. Когда нас спрашивают, как вы относитесь к Конституции и так называемому Конституционному собранию, мы заявляем, что резко отрицательно относимся к попыткам пересмотра Конституции и будем защищать ее всеми доступными нам парламентскими и непарламентскими способами и методами.

Мы хотим обратиться к вам с предложением о совместной работе по реформе армии. Мы предлагаем использовать для этого имеющиеся у нашего правительства деньги, которое оно отказывается предъявить обществу, в том числе и Государственной Думе. Мы легко можем показать эти суммы в бюджете — их более чем достаточно, чтобы начать серьезную реформу армии. Их, например, достаточно, чтобы уже в этом году прекратить массовый призыв в Вооруженные

силы. Это не лозунги и не пожелания — это конкретные реальные возможности, которые сложились в нынешней уникальной экономической ситуации. Давайте это сделаем вместе!

Мы считаем абсолютно правильным и подчеркиваем это еще раз — наш отказ голосовать за ввоз отработавших ядерных отходов в страну. Мы призываем вас поддержать нас в этом.

Мы считаем, что сейчас в стране действительно осуществляется специальная, продуманная, глубоко эшелонированная операция по ликвидации свободы средств массовой информации. Мы считаем, что закрытие НТВ — это политическое действие, а преследование руководства НТВ — это политическое преследование. Мы считаем, что это попытка ликвидировать реальную возможность политических сил отстаивать свои права, что если не будет этой информационной базы, то резко уменьшатся возможности политических сил. Действительно, зачем бороться с политическими партиями? Лучше заткнуть им рот. Это же проще!

Мы готовим для внесения в Государственную Думу блок законов о гражданском контроле за спецслужбами. Мы настаиваем на необходимости введения такого контроля как можно быстрее. Мы солидарны с вашими предложениями по реформе уголовного права и судебной системы и сделаем все для того, чтобы ее поддержать.

И наконец, мы начинаем практическую работу по созыву в этом году Демократического совещания и призываем это поддержать. Мы хотим собрать все гражданские и демократические силы — без чинов и званий, без субординации — за один круглый стол, сделать эту работу постоянной, обеспечить ротацию координаторов и выработку общей повестки дня. Мы приступили к практическим действиям. Мы намерены собрать такое совещание уже в апреле—мае этого года.

Мы очень рады, что вы смогли собрать свой съезд. Только реформы, обеспечивающие реальные права каждого человека и реальные свободы, только реформы, которые доходят до каждого человека и улучшают его жизнь, могут обеспечить нашей стране силу и процветание. И об этом прекрасно свидетельствует ваш съезд.

Спасибо.

ДИАЛОГ ПО-ПРЕЗИДЕНТСКИ. (ПИСЬМО ИЗ МОСКВЫ)

«Комсомольская правда», 31 января 2001 года

Вчера мы рассказали о казусе недели: на днях одна из немецких газет напечатала «конфиденциальное» письмо к президенту США Бушу, приписав его авторство Президенту России Путину.

Как выяснилось, публикация немецких коллег вызвала немалый интерес в политических и дипломатических кругах Европы. Что неудивительно: автор письма поднимает вопросы, обсуждение которых сегодня актуально и на Западе, и в России — возможное создание российско-европейской системы ПРО, одновременное сокращение США и Россией числа ядерных боеголовок до полутора тысяч, нюансы торговли оружием с Ираном...

Интерес к письму понятен еще и потому, что в нем развиваются и конкретизируются недавние высказывания по той же ПРО министра обороны РФ Сергеева и министра иностранных дел РФ Иванова.

Казус же в том, что пресс-служба Президента РФ категорически опровергла авторство Путина. Это потом выяснилось, что вскоре президент действительно отправил письмо Бушу, а письмо, опубликованное немецкой газетой, было выступлением Явлинского перед европейскими лидерами, изложенное в такой форме. О чем, как нам рассказали организаторы форума, Григорий Алексеевич и заявлял

всем до и после выступления. Лидер «ЯБЛОКА» убежден: России необходимо как можно скорее начинать диалог с новой администрацией США.

Так что же все-таки было написано в письме, которое переполошило мир? Приводим текст этого обращения[1].

Уважаемый президент Буш!

Пользуясь случаем, намерен прямо и четко сказать, чего ждет Россия от развития отношений между нашими странами.

Хочу, чтобы мы перестали выдавать желаемое за действительное, создавать иллюзии и избежали разочарований и непонимания, к которому пришли наши с вами предшественники. Давайте не будем делать вид, что являемся стратегическими партнерами или принадлежим к членам одного клуба, что у нас одинаковые ценности. Ни мы, ни вы не считаем, что Америка является нашим идеологическим воспитателем или финансовым спонсором, который может указать нам путь к демократии. Хорошо это или плохо, но нет такой внешней силы, которая могла бы привести Россию к демократии. В то же время, конечно, политическое руководство России не считает Соединенные Штаты и Запад своими противниками. Холодная война закончена необратимо. Мы хотим развивать прагматичные, честные, деловые отношения с США. Если наши страны действительно стремятся к длительному равноправному партнерству, то я должен быть уверен, что вы имеете ясное представление о России и ее стратегических приоритетах.

[1] Представлено Г. Явлинским на Международном форуме Бертельсмана «Европа без границ». Берлин, 19–20 января 2001 г.

Под «ясным представлением» я понимаю следующее:

1. Так же как и США, Россия и Европа имеют право на защиту от нестратегического ядерного оружия, которое может быть использовано террористами или некоторыми непредсказуемыми странами. Для нас одним из важнейших стратегических приоритетов и политической задачей является создание российско-европейской системы противоракетной обороны. Вашим военным экспертам хорошо известно, что надежный противоракетный «зонтик» для Европы невозможно создать, не опираясь на российскую территорию от наших западных границ до Урала.

2. Мы хорошо понимаем, что создание российско-европейской системы противоракетной обороны (РЕСПРО) возможно только в тесном сотрудничестве и при поддержке США и НАТО в целом. Эта инициатива ни в коей мере не может быть направлена против США.

3. С учетом этого я предлагаю согласовывать усовершенствование Договора по ПРО от 1972 года между США и СССР (а теперь Россией), подключив к этому процессу Великобританию, Францию, а также Китай, по формуле 4+1. Это позволило бы договориться на будущее о взаимных ограничениях и тем самым дало бы возможность модифицировать американскую систему ПРО в рамках этого договора. Давайте проведем встречу по формуле 4+1, чтобы обсудить ограничения для обеих систем: как российско-европейской, так и американской системы ПРО.

4. После того как мы определим наши планы на будущее, я предлагаю серьезно обсудить сложившийся стратегический баланс. Как вы, должно быть, знаете, мы решили коренным образом реформировать наши вооруженные силы, включая их стратегическую составляющую. В частности, мы готовы сократить количество ядерных боеголовок до полутора тысяч, если

вы готовы сделать то же самое. Наши военные эксперты полагают, что этого количества более чем достаточно.

5. Учитывая геополитическое положение России, ключевым вопросом для нас являются дальнейшее развитие и модернизация нашего военно-промышленного комплекса. Мы собираемся принять активное и равное участие в технической стороне создания РЕСПРО, так же как любой другой региональной системы ПРО. Это будет по-настоящему деловым подходом и продемонстрирует обоюдную добрую волю и взаимное доверие.

6. Обсуждая стратегические вопросы, мы не можем избежать проблемы военных поставок в Иран. Что касается передачи российских технологий, которые могут быть использованы при создании ядерного оружия, я могу гарантировать, что сделаю все, чтобы не допустить этого. Это входит в сферу и наших жизненных интересов.

Что касается обычных вооружений, то реальность в том, что это важный для нас рынок оружия. Эта торговля ведется с чисто коммерческими целями и не представляет угрозы для вашей безопасности. Если там не будет России, будет кто-нибудь другой. Мы хорошо понимаем, что оружие будет поставляться в Иран в любом случае. Мы не желаем уступать. Для нас это очень важный источник доходов и возможность развивать высокие технологии. Понимаю, что некоторые сделки могут вызвать серьезную озабоченность на региональном уровне, и я предлагаю обсудить с вами коммерческую и политическую стороны этого вопроса.

Конечно, могут быть рассмотрены и другие возможности, способные принести России тот же коммерческий и высокотехнологический результат. Хотелось бы знать, есть ли у вас дополнительные предложения в этой части.

7. Серьезный разговор между нами невозможен без обсуждения проблемы терроризма. Для нас это в первую очередь связано с Чечней. Не знаю, понимаете вы или нет, что образовавшиеся там криминальные группировки в 1996—1999 гг. были военизированы и, используя как прикрытие исламский экстремизм, стали реальной серьезной угрозой, особенно учитывая ситуацию в Средней Азии: Ферганской долине, Афганистане, Узбекистане, Таджикистане и Киргизии. Мы хотели бы получить от вас сведения о том, кто их снабжает оружием и финансирует. Чтобы это прекратить, нам было бы полезно сотрудничество с вами в дипломатической и политической сферах.

8. Наша стратегия будет всегда основана на том, что Россия имеет самые протяженные границы с самыми нестабильными и непредсказуемыми государствами мира. Мы граничим почти с половиной беднейшего населения планеты. Парадокс, но наиболее спокойная наша граница сегодня — западная. В ходе обсуждения мы не можем избежать разговора о Китае. Особенно хочу подчеркнуть, что наша цель — сохранение стабильности в Китае, в том числе и на нашей общей границе. Это наш приоритет. Веками Россия более или менее успешно шла по пути европейской цивилизации, увлекая за собой всю Евразию.

Я хотел бы услышать от вас ясное и конкретное публичное заявление, что долгосрочным приоритетом для США является сильная, процветающая Россия в ее нынешних границах. Если это так, то у нас есть общий стратегический интерес в Северо-Восточной Азии, который будет основой для нашего перспективного экономического партнерства.

9. Я думаю, что отмеченные выше проблемы очень

важны. Пока нет ясности в их решении, не следует продолжать процесс расширения НАТО. Мы ничего не имеем против расширения Европейского экономического союза и, напротив, приветствуем приближение ЕЭС к нам. Мы готовы к плодотворному сотрудничеству, как, например, в Калининграде. Однако продвижение к нашим границам военного блока, участником которого Россия не является, не в наших интересах. В качестве примера я могу напомнить вам, что интервенция НАТО в Косово, которая была неэффективной и очень сомнительной с политической точки зрения, серьезно усилила наши опасения.

Президент Буш! В первые сто дней ваша администрация, я надеюсь, уделит особое внимание развитию стратегических отношений с Россией, исходя из реально существующих интересов США. Однако это будет действительно реалистично только в том случае, если российские интересы будут по-настоящему учтены. Я решил обозначить общие черты развития российско-американских стратегических отношений, включая интересы нашей национальной безопасности. Я постараюсь сделать все, чтобы понять вашу точку зрения, и, в свою очередь, рассчитываю, что вы поймете мою. Я с интересом ожидаю нашей первой встречи, которая, на мой взгляд, должна быть в значительной степени основана на обсуждении этих проблем.

ВРЕМЯ, НАЗАД!

«Общая газета», 14 февраля 2001 года

«Общая газета» неоднократно писала о самых разных проявлениях реставрации советского общества. Сегодняшняя статья Григория Явлинского – еще одно подтверждение того, что происходит в стране. Наверняка позиция автора, впрочем, как и позиция газеты, могут быть оспорены. Вопросы, вытекающие из статьи, мы и предлагаем нашим читателям для обсуждения.

Закончился первый год, который мы прожили без президента Бориса Ельцина, начался новый век, новое тысячелетие. Но все больше и больше кажется, что политическое время в России течет в обратную сторону. Потому что все больше и больше под видом нового в Россию агрессивно возвращается осовремененное старое.

Дело не только в гимне Александрова и торжественном концерте в Кремлевском дворце к чекистскому юбилею. Дело в том, что сегодня в нашей стране очень много от политики даже не вчерашнего, а позавчерашнего дня. Идет возврат к привычным по прежним временам вещам, таким как отказ от свободы слова, отказ от свобод вообще, отказ от неприменения армии во внутренних конфликтах, отказ от собственной инициативы, отказ от предприимчивости, отказ от того, чтобы говорить правду, ожидание того, что снова начнется раздача благ откуда-то сверху. Это связано с ностальгией очень большого числа людей в нашей стране по самым застойным советским тради-

циям и временам. В этом — настроение большинства граждан. Это и есть главная особенность прошедшего года. А главный вектор официальной политики в том, что она стимулирует именно такое «позавчерашнее» состояние.

Притворная демократия

Сегодня в нашей стране — ненастоящая, формальная, притворная демократия.

У нас притворная свобода слова, потому что, за редкими исключениями, свободно в СМИ можно только хвалить начальство. А против тех, кто понимает свободу слова как право говорить о власти то, что думаешь, можно легко возбудить уголовное дело.

У нас притворные выборы, потому что граждане практически лишены возможности сменить власть так, как они хотят. Лучшее, на что они могут рассчитывать, — сменить местную элиту на человека, которого поддержали в Кремле.

У нас притворная многопартийность, потому что партия власти поставлена в исключительно привилегированное положение, а в дополнение к ней делается все для поддержки КПРФ. Все остальные партии поставлены перед выбором: либо становиться лояльными союзу партии власти + КПРФ, либо потерять возможность влиять на происходящее в стране.

Примерно так же было раньше в странах народной демократии, где была правящая коммунистическая партия и ее сателлиты, а все остальные — в виде декорации к ней.

У нас притворная судебная система, потому что суды не являются независимыми. И нередко не столько выносят приговоры, сколько оказывают властям услуги.

У нас притворное разделение властей, потому что исполнительная власть не находится под контролем законодательной и не выполняет ее решений. В нормальной демократической стране партии борются за места в парламенте, чтобы получить право сформировать правительство — в России правительство создает партию, чтобы сформировать нужный для себя парламент.

Такую притворную демократию придворные политтехнологи называют управляемой — сохранение власти для хозяев независимо от воли избирателей. Либо формирование этой воли нужным образом — путем массового оболванивания граждан. Как это происходило на выборах 1999 и 2000 гг., когда сознанием людей бесстыдно манипулировали, а сами результаты выборов столь же бесстыдно подтасовали в пользу партии власти.

Все это — обновленная система 15-летней давности. Тогда в нашей стране тоже были и фактически несменяемая власть, и суды, штампующие «нужные» решения, и формальные, ни на что не влиявшие выборы, и руководящая и направляющая роль одной партии. И эту же партию ее собственные идеологи и публицисты свободно хвалили в средствах массовой информации...

Политика как спецоперация

Официальная политика сегодня — это, скорее, спецоперация, при которой говорят одно, думают другое, делают третье, а хотят четвертое. Кстати, в результате получится пятое.

Нормальную, публичную, открытую политику заменили интрига, ложь, черный пиар политических провокаторов, называющих себя политическими технологами, и подковерная борьба.

С оппонентами не спорят, не опровергают их аргументы, не противопоставляют их программам свои. О них распространяют грязные слухи, против них публикуют заказные статьи и показывают заказные телепередачи, к ним присылают налоговую инспекцию, на них заводят уголовные дела или снимают с выборов за три часа до их начала. Средства не имеют значения: нет таких средств, которые не были бы оправданы целью. Этот главный большевистский тезис опять стал доминирующим. Вербовка и активные мероприятия — вот две основные формы современной государственной политики.

Стремимся к конституционному ограничению губернаторов, а вместе с этим уничтожаем местное самоуправление. Путем уголовных дел и «наездов» налоговых органов ведут борьбу с олигархами, но так, что уничтожается вера в частную собственность и частную инициативу. А когда вводятся федеральные округа, то на должности наместников назначаются генералы, в результате либо не происходит ничего, либо прямо противоположное намерениям. И я уверен: если сейчас захотят сформировать Конституционное Собрание, чтобы поправить Конституцию, то Собрание будет такое, что Конституцию развернут совсем в другую сторону...

В России действует этакий «закон вилки»: можно съесть сосиску, а можно заколоть соседа. Дело в том, что у нас не законы, а персоналии и должность имеют абсолютно решающее значение. У нас известный Указ № 1 о поддержке образования не имеет значения, а имеет значение только то, понимает ли текущий президент важность образования и считает ли это своим приоритетом (вот сейчас, например, президент посчитал гимн своим приоритетом — пожалуйста, получите гимн). Иначе говоря, деятельность власти только на

5% зависит от законов, а на 95% — от личностей (группировок), занимающих должности, их интересов и прихотей.

Какую задачу, государственную или даже законотворческую, ни начинаешь решать — сталкиваешься с тем, что криминальное содержание просто взрывает демократическую форму. Весь кадровый состав ельцинской администрации сохранился и по духу, и по форме, а это в свою очередь означает сохранение всего каркаса созданной в 30-е годы системы управления — системы номенклатурно-властных отношений, которую сохранил Ельцин, и особого сталинского мировоззрения, делившего всех на «своих» и «чужих». В том числе и поэтому, а еще из-за бездарной экономической политики, на российских граждан за последние десять лет обрушились две войны, два дефолта в 1994 и 1998 гг., одна гиперинфляция в 1992 году в 2,5 тысячи процентов и один расстрел Верховного Совета.

Казалось бы, надо пожалеть людей за то, что с ними случилось за эти десять лет, и понять, почему ими овладели разочарование и пассивность. Однако следует вспомнить также и то, что, скажем, в 1996 году на выборах президента люди голосовали с открытыми глазами (а ведь тогда их положение не было таким серьезным, как сейчас). Почему многие сделали такой выбор — по принципу «этот лучше, но отдадим свой голос начальнику»? Наверное, в силу душевной лености и даже закоренелой безнравственности. Что же, за что боролись — то и получили. А ведь тогда никто, что называется, не насиловал. И черного пиара в таких масштабах, как сейчас, еще не было. И голоса так нагло и так массово, как сейчас, не воровали. Но именно этот выбор — якобы меньшего из двух зол — и предопределил всю будущую жизнь.

Полезно сегодня напомнить, что все нарушения, манипуляции и фальсификации на выборах 1996 года оправдывались необходимостью не допустить возврата коммунистов к власти. Полезно потому, что именно сейчас открыто политику определяет стратегический союз с коммунистами, их контроль над Государственной Думой. В результате этого союза создана механическая, послушная, штампующая Дума. И в этом смысле она очень хорошо отражает страну, которая у нас есть сегодня...

Страна с лояльной экономикой

Если Россия останется в ближайшие пять—семь лет такой, как сегодня, — мы можем расстаться со всеми мечтами о том, что получим современную новому веку экономику. И так и останемся в рамках сегодняшней экономической системы. По своему экономическому содержанию это «экономика трубы», то есть торговли природными ресурсами, технически отсталая, неконкурентоспособная, ничего не имеющая общего с компьютерами, Интернетом и новыми технологиями.

Это экономика, в которой целые отрасли превращены в корпорации, где ресурсы и расходы — государственные, а доходы — частные.

Сегодня говорят о наведении порядка. Это не соответствует действительности. Все, что происходит в этом смысле сегодня, — это никакая не диктатура закона, а передел собственности в пользу определенных, приближенных к новой власти группировок.

Рыночная экономика без демократии обязательно порождает олигархию. И потому полугодовая борьба с олигархами принципиально ею не является. Не может один человек, даже если он президент, победить

олигархию — олигархию, как и коррупцию, может победить только гражданское общество. Бороться с олигархией, как лично с Березовским — бессмыслица, поскольку олигархия — это система общественных связей, а не лично Березовский. Олигархия — это та самая «экономика трубы», прикрытием которой по существу стали правительственные программы.

Кое-кто, обрадованный назначением на некоторые важные посты в правительстве людей, считающихся либералами, полагает, что и российская экономика таким путем станет либеральной. Но экономика у нас не либеральная, а лояльная, господа! Именно лояльная — создан совершенно новый тип экономической системы, в которой определяющим фактором для успешного ведения бизнеса является абсолютная лояльность властям.

А если говорить о людях, которые якобы составляют «либеральное крыло» в правительстве — я хотел бы напомнить, что совсем недавно под активные разговоры о реформах примерно такая же «команда» уже реализовала в России «либерализм в особо крупных размерах». Именно эти люди, преклоняющиеся перед генералом Пиночетом и мечтающие о сильной руке, теперь стали еще и «государственниками» и призывают к созданию «сильного государства», хотя государство у них почему-то все время получается не сильное, а наглое. И именно эти люди являются лидерами или вдохновителями партий, которые при этом не считают обязательной защиту гражданских прав и свобод. И потому являются такими правыми партиями, которые защищают крупную частную собственность и игнорируют права человека, временами, когда это выгодно, призывают к войне и насилию в порыве преданности властям и псевдопатриотизма. Я должен напомнить — и мировой опыт об этом свидетельствует, —

что такие партии раньше или позже могут скатиться к фашизму. Ведь, как известно, все диктатуры в истории устанавливались под вопли о порядке и сильной власти. И, кстати, диктаторов было много — но Пиночет, наследие которого допускает разные оценки, был только один...

У нас игры в диктаторов особенно опасны. Наша государственная система так и не отреклась от человеконенавистнических преступлений сталинщины. В последнее время Сталин возвращается в политический пантеон положительных героев истории.

Похоже, есть много желающих не только чтить «вождя», но и напрямую, всерьез следовать его заветам. Если это будет так, то окончательное самоуничтожение России неизбежно.

Россия и Запад

Но, может быть, скажут мне, Запад не допустит такого развития событий? Не допустит создания в России «управляемой демократии», исключающей ротацию во власти и фактически лишающей людей права решать свою судьбу? Я считаю, что у нас не должно быть никаких иллюзий и надежд на этот счет. Истеблишмент Запада обязательно со всем этим согласится и ни в чем не будет особенно возражать. Во-первых, это не является обязанностью Запада. Это НАША ответственность, и мы создаем или не создаем открытое общество в России не в виде одолжения заграннце, а ради будущего наших детей, нашей страны. Кроме того, Европа и США — это государства, имеющие собственные интересы, а не благотворительные общества.

Во-вторых, современный политический истеблишмент Запада не верит, что Россия построит настоящую демократию и свободную экономику.

Конечно, когда мы говорим о Западе, мы должны различать людей и истеблишмент. Люди на Западе желают России добра и готовы даже отдавать часть своих денег для того, чтобы Россия стала зажиточной демократической страной. Что же касается нынешнего истеблишмента — то там часто особый взгляд на Россию. Циничный и простой. Они старались нам помочь в течение десяти лет как могли. А у них ничего не получилось, ведь они понятия не имели, что и как надо делать. Теперь, быстро разуверившись, чтобы скрыть свой провал, они пошли таким путем: в узком кругу признали, что русские не понимают ни демократии, ни свободы, ни рыночной экономики, и поэтому нужно просто иметь сильного хозяина в Кремле. Который должен держать своих подданных в кулаке и обещать Западу, что в его сторону не полетят российские ракеты. А западные лидеры в свою очередь должны с этим кремлевским хозяином дружить: пить пиво, ходить в сауну, встречаться без галстуков и без пиджаков и иногда давать ему немного денег, чтобы он был более крепким хозяином.

В общем, нам надо понять, что развитие России как полноценной европейской страны — это НАША тяжелая работа, связанная с НАШИМИ жизненными национальными интересами, и никто не обязан нам особо помогать.

Что дальше?

К сожалению, своего рода «кумулятивным эффектом» всего того, что случилось в стране за последнее время, стало то, что страна перестала считать своих

мертвецов. Страна более не обращает внимания на то, что сотни людей еженедельно, ежемесячно гибнут на Северном Кавказе, гибнут военнослужащие во многих точках страны, и даже те, которые не участвуют в боевых действиях. И одновременно в стране начала накапливаться очень сильная внутренняя энергия очень специфического и негативного свойства. Иногда эта энергия, как в городе Курске после выборов губернатора, выплескивается наружу. Все это вполне может привести в недалеком будущем к какой-нибудь очередной «маленькой победоносной» войне. И все четче вырисовываются признаки новой политической системы, которую я бы назвал национал-большевизмом. В этом смысле очень органично сочетание сталинского гимна и имперского герба. И все очень понятно — ведь национализм вполне естественным путем вырастает из большевизма. Особенно в России — если учесть, что после 1917 года из страны были выброшены, уничтожены, запуганы самые лучшие умы, поэтому до сих пор пол-России ходит в туалет во двор.

Есть ли выход? Уверен: он — лишь на пути соблюдения основных свобод граждан, а все, что идет вразрез с ними, — ведет не туда. Нужны независимая судебная система, подотчетность и прозрачность правительства, сильное и финансово независимое местное самоуправление, абсолютные гарантии частной собственности, независимые от государства источники информации и так далее.

К сожалению, практически вся политика в стране направлена совершенно в другую сторону. Властям не нужны ни независимые суды, которым нельзя приказать снять с выборов неугодного кандидата или посадить неугодного предпринимателя, ни подотчетное правительство, ни сильное местное самоуправление,

ни тем более независимые СМИ, вместо которых куда удобнее иметь средства массовой пропаганды.

Из этого ничего путного не получится. Не получится ни эффективной экономики, ни правового государства, ни справедливости, ни безопасности, ни так желаемой Президентом великой страны. У нас есть опыт — мы много лет были демократической оппозицией режиму Ельцина. И не ошиблись. Уверены, что в своих оценках не ошибаемся и теперь.

Сегодня много говорят о стабильности. Но стабильность, сохранение нынешнего статус-кво, консервация олигархическо-криминального режима, консервация «экономики трубы» и «управляемой демократии» — это неприемлемо для России. С нами все, как в сказке Льюиса Кэрролла про Алису: можно оставаться хотя бы на месте, только если ты бежишь. Если ты стоишь — тебя уносит в прошлое. А мы хорошо знаем это прошлое.

КУДА ИДЕТ РОССИЯ?

Из выступления перед студентами и преподавателями Российского государственного гуманитарного университета 21 февраля 2001 года[1]

Вот уже больше года у нас новая власть. Пришло время дать ей оценку. Пришло время сказать, что она собой представляет, куда движется, куда нас подталкивает?

Сильной стороной всякой власти является симпатия граждан, их желание следовать ее указаниям и поддерживать ее. У сегодняшней власти такая поддержка, и очень существенная, есть. Настроение, конечно, меняется, но не очень быстро.

В связи с этим напомню особенность последних пятнадцати лет — трехгодичную любовь народа к лидеру, когда большинство граждан поддерживают власть, независимо от того, что она делает. Была очень серьезная поддержка у Михаила Сергеевича Горбачева — с 1987 по 1989–1990 гг. У Бориса Николаевича Ельцина в 1990–1993 гг. Потом поддержка истощалась.

У новой власти есть и необычная для нашей страны черта. Она ведет диалог практически со всеми политическими силами в России. Диалог хорошо вести, когда есть собственная программа, и ты сравниваешь ее с другими точками зрения. И очень сложно вести

[1]Стенограмма встречи публикуется с существенными сокращениями.

диалог, когда такой программы и вообще представления о том, куда двигаться, нет. В этом существенная проблема и слабость новой власти.

Нынешняя власть слабая, а не сильная. Главная ее слабость — в эклектике, смешении всего и вся, как в нашей символике: советский гимн, великодержавный герб, символизирующий демократию флаг. Примерно так власть строит и свой курс.

К слабостям относится и виртуальность многих решений. Они декларируются, а потом рассыпаются или даже получают обратный ход. В результате — существенный дефицит решений, а следовательно, и дефицит ответственности.

Из этих тенденций складывается направление, которое постепенно становится доминирующим. Мы это называем курсом на создание в России корпоративного полицейского государства. В чем его особенности?

Первое — абсолютное неприятие властью какой бы то ни было критики. Второе — попытка поставить под контроль средства массовой информации. Сегодня это делается в основном в отношении одной из ведущих телекомпаний — НТВ, но, конечно, быстро распространится на остальные СМИ. В любых газетах заметны признаки самоцензуры, даже если их не трогают.

Третье. Попытка поставить под контроль политические партии. Это очень ярко выразилось во внесенном президентом в Думу законе о партиях, дающем репрессивные права прокуратуре.

Четвертое. Попытка поставить под контроль российский парламент, превратить его в орган, автоматически одобряющий все предложения Президента и Правительства. Причем контроль над парламентом обеспечен не тем, что Президент и его партия получили большинство в Государственной Думе, а тем, что они заключили стратегический союз с КПРФ, раздав

коммунистам соответствующие посты и тем самым обеспечив себе всегда послушное большинство, временами «агрессивное», как когда-то сказал Юрий Николаевич Афанасьев.

Появились и новые способы действия. Например, имитация гражданских институтов. Не нравится Союз журналистов, который позволяет себе, скажем, защищать НТВ. Давайте создадим параллельную структуру, имитирующую Союз журналистов, — Медиа-Союз. То же самое происходит со многими другими гражданскими и политическими организациями.

Все это признаки складывающегося у нас корпоративного государства. Оно не уничтожает демократические институты, а приспосабливает их для своих нужд. Оно превращает их в подразделения закрытой корпоративной системы с жесткой внутренней дисциплиной, которая не допускает серьезной критики и карает за всякое отступление от установленных правил. Такое государство очень быстро превращается в государство тотального контроля чиновников над гражданами. Это — полицейское государство. Поскольку институты гражданского контроля ограничены, все попытки улучшения системы заканчиваются назначением новых чиновников, которые должны контролировать старых. И тогда диктатура закона, о которой нам было заявлено год назад, превращается в террор закона, возникает система избирательного преследования с помощью закона. Вместо сильного государства, о котором нам часто говорят, появляется наглое. За силу уважают, а за насилие ненавидят.

Такое государство представляет серьезную опасность, неминуемо ведет к росту коррупции, повышению уровня монополизма (как в экономике, так и в политике), резкому снижению деловой активности. Наконец, люди просто испытывают страх.

Если такой курс станет доминирующим, если стиль политики как спецоперации, когда говорят одно, думают другое, делают третье, ожидают четвертого, а в итоге получают пятое, станет всеобщим, Россия придет к необратимому отставанию и переместится в третий мир. А может быть, и не в третий, а в тридцать третий. Например, принимается закон о захоронении ядерных отходов, «ЯБЛОКО» – единственная фракция, которая борется с этим законом. И в ходе этой борьбы мы выясняем, что все до одной африканские страны приняли закон о том, чтобы к ним отходы не свозились и не захоранивались. Так что неизвестно, в какой мир мы перемещаемся. Многие другие события в нашей стране свидетельствуют о периферийности нашей политики.

Каково сегодня отношение «ЯБЛОКА» к власти? Мы – системная демократическая оппозиция курсу на создание корпоративного полицейского государства. Наш долг сделать все, чтобы не допустить торжества этой тенденции. Одновременно мы находимся в состоянии диалога с властью и Президентом. Мы ведем открытый принципиальный равноправный диалог, в котором считаем необходимым и возможным говорить открыто и прямо о наших опасениях, о нашем несогласии, о нашем абсолютном неприятии многих действий, из которых складывается этот курс. Мы – системная оппозиция. Мы с демократических позиций противостоим не отдельным шагам, заявлениям, законам, а всей системе действий, направленных на создание в России корпоративного государства.

Находиться в открытом, равноправном диалоге с властью – значит, вести его публично и говорить все, что мы считаем нужным. Этот диалог дает определенные результаты. Назову три, по степени значимости.

Мы удовлетворены тем, что Президент предложил,

и Дума приняла закон о подоходном налоге с плоской шкалой – 13%. Мы выступали за это в течение 10 лет. Плоская шкала налога позволяет нашим гражданам быть богатыми в России. Правда, мы настаивали на десяти процентном налоге, но и 13 – тоже хорошо. Нам 10 лет объясняли, что это невозможно, что этого никогда не будет. Но мы добились своего. Мы удовлетворены и тем, что введена регрессивная шкала. Это означает, что зарплату вы можете платить больше, а налог – меньше. При этом доходов в казну поступает все равно больше. Это тоже пришлось объяснять примерно десять лет, несмотря на то, что наши соотечественники неплохо играют в шахматы.

Вчера произошли еще более существенные события. Президент России передал нашему гостю, генсеку НАТО господину Робертсону предложение о создании российско-европейской нестратегической системы противоракетной обороны (РЕПРО). Мы настаивали на этом с 1998 года. Это имеет принципиальное значение для нашей страны. Это уже не пустые разговоры о партнерстве во имя мира, не досужие обсуждения расширения или нерасширения НАТО, а реальное сотрудничество по созданию совместной системы безопасности, имеющей для России принципиальное значение в будущем – наша страна имеет самые протяженные границы с самыми нестабильными регионами мира.

Создание российско-европейской нестратегической системы противоракетной обороны сможет переориентировать весь наш военно-промышленный комплекс, Генеральный штаб, Министерство обороны, вооруженные силы в новом направлении. Это придаст им осмысленное, не маргинальное существование, действительно направленное на созидание мировой системы безопасности.

Я начал обсуждать эту проблему с президентом Ельциным в феврале 1998 года, продолжил с президентом Владимиром Путиным в сентябре 1999 года. Понадобилось три года, но есть первые шаги. Не ясно, каким будет содержание проекта, однако политически проект уже заявлен.

При этом я хотел бы подчеркнуть два важнейших обстоятельства. Во-первых, заявление наших СМИ о том, что речь идет о создании альтернативной США системы. Кстати, и предложения наши вручены НАТО. Но главное — Европа всегда будет верна своим атлантическим обязательствам. Россия же, если будет пытаться вбить клин между США и Европой, окажется на обочине.

Второе. Совсем недавно г-н Буш передал через своего представителя предложения о размещении на нашем ВПК соответствующих заказов. Это очень важное дополнение. Это значит, что мы не просто создаем российско-европейскую НПРО на нашей территории. Мы создаем НПРО с использованием наших интеллектуальных ресурсов, рабочих мест, ВПК.

Третий результат нашего диалога с властью — заявление о судьбе местного самоуправления в России. Вчера на заседании Государственного совета мы услышали подтверждение принципиальной важности этого вопроса, хотя будут предприняты шаги в этом направлении или нет, — вопрос. В свете темы наших размышлений — куда идет Россия — вопрос о местном самоуправлении очень важен. Развитие в России финансово-независимого местного самоуправления, строительство системы коллективной безопасности с Европой, а следовательно, и с НАТО, ясный вектор того, куда движется наша страна. Она может двигаться более или менее успешно, но это будет курс не на создание полицейского государства.

Предвосхищая ваши вопросы, расскажу о том, что представляет собой партия «ЯБЛОКО» по политическим убеждениям. Есть три фундаментальные позиции. Первое. Мы — партия европейского направления. Мы хотим, чтобы Россия через 20—25 лет стала европейской страной, чтобы Россия выполняла роль, которую выполняет веками: увлекать всю Евразию в русло европейской цивилизации. Сегодня перед Россией стоит национальная государственная задача — сохранение своей территории в нынешних границах, и всего евразийского пространства в русле европейской цивилизации.

Необходимо добиваться реализации ясных политических принципов: федерализм, разделение властей, свободные выборы, независимая судебная система, контроль парламента за исполнительной властью, гражданский контроль над спецслужбами, политический плюрализм, финансово-самостоятельное местное самоуправление. Все, что помогает реализовать эти принципы, — на благо нашей страны.

Мы хотим строить в России не химеры, вроде коммунизма. Мы хотим двигаться в том же направлении, которое уже принесло благосостояние нашим ближайшим соседям. И обогатить его нашей великой культурой, великими традициями. Мы хотим, чтобы наши дети и внуки были во всем равны со своими сверстниками во всем мире, в Европе, потому что мы ее часть.

Второе. Мы убеждены, что эффективной может быть только либеральная экономика — экономика с низкими налогами, с минимальными регламентациями и ограничениями, со справедливой конкуренцией. Это экономика, в которой каждый человек легко может начать собственной дело. Это экономика, в которой есть место большому, малому, среднему предпринимательству. Это экономика, принципиально отличающаяся от сегодняшней экономической наркомании.

Сейчас в России лучшие показатели за последние десять лет, но они — следствие нашей «экономической наркомании». Сегодня Россия похожа на человека, у которого в одной руке труба с нефтью, а в другой — с газом. Наркоман испытывает сильные экономические галлюцинации. Но если цены упадут (а это рано или поздно произойдет), начнется «ломка». Такая система принципиально отличается от настоящей либеральной экономики.

Военная реформа. Мы утверждаем, что в бюджете есть необходимые 50 млрд рублей для начала реформирования армии, даже при условии возврата долгов Парижскому клубу. Мы считаем, что реформирование должно идти по следующим направлениям: отказ от принудительного призыва, переход на контрактную основу; повышение (вдвое) денежного содержания военным; существенное увеличение расходов на научно-исследовательские и конструкторские разработки; увеличение заказа ВПК; сокращение Вооруженных сил.

Еще одна важнейшая проблема, без решения которой невозможно изменить курс на создание полицейского государства. Это — бессмысленная и жестокая война в Чечне. Все уже привыкли к ней. Страна перестала считать своих мертвецов. Мы каждую неделю слышим, сколько людей там гибнет. Поставленные полтора года назад задачи не только не решены, но, учитывая сегодняшнее развитие событий, не имеют перспективы решения. Решение этих задач — вопрос политической атмосферы в стране.

Противостоять курсу на полицейское государство могут только хорошо организованные гражданские структуры. Мы понимаем, что создание таких структур — огромная задача. Мы начали действовать. Мы готовим создание постоянно действующего Демократического совещания. Мы проведем первое заседание в мае этого года.

Еще одно принципиально важное направление — защита предпринимательства. Мы работаем над тем, чтобы объявить следующий год в России годом предпринимателей, мы готовим изменения в законодательстве, которые позволят улучшить условия работы для малого и среднего бизнеса.

Теперь, пожалуйста, ваши вопросы.

— Вы действительно думаете, что ваши идеи реальны? Не вообще, а конкретно в нашей стране?

— Да, я действительно так думаю. В России, если вы оптимист, первая же неудача, которая обязательно произойдет, — вас парализует. Если вы пессимист, то вы парализованы с самого начала. Поэтому выход один: пессимизм мысли и оптимизм воли. Не новая формула. Надо просто делать шаг за шагом, падать, вставать и идти дальше. Тогда страна начнет меняться. Ничего сверхъестественного в том, что я говорю, нет. Много стран рядом с нами так живут. Почему у нас это все пока не получилось? Почему в Польше, Чехии, в Венгрии получилось, а у нас нет? И на Украине, и в Белоруссии — не получилось.

В 1989–1990 гг. в некоторых бывших соцстранах произошла демократическая революция. Там полностью сменилась политическая элита, во власть пришли новые люди. А у нас ничего этого не произошло. У нас во власти остались те же, что и раньше. Они переодели пиджаки, сменили портреты и вместо слов «пятилетка, социализм, Ленин» стали произносить «реформа, рынок, свобода». Некоторые даже выучили делать это по-английски.

Для проведения реформ им понадобились реформаторы — многие из них были искренними, талантли-

выми людьми, которых использовали в качестве декорации. Эта декорация привлекла в страну 50 млрд долларов дополнительных долгов со всеми вытекающими последствиями. За 10 лет в России сменилось семь или восемь премьер-министров. Все они без исключения — члены ЦК КПСС или представители ФСБ — КГБ. Один только Сергей Кириенко возглавлял комсомол, но и пробыл в правительстве всего четыре месяца. Человеку, который 50 лет прослужил в номенклатуре, очень трудно измениться, даже если он этого хочет, а если нет? .

В результате мы и получили: две войны, одна из которых продолжается; два дефолта, один из них грандиозный в 1998 году; одну гиперинфляцию — 2600 процентов, которая просто сожгла все вокруг, и почти начало гражданской войны в 1993 году. Нам еще нужно прийти к нашей «бархатной» революции. Нам еще нужно прийти к тому, чтобы у нас появилась реально новая власть. Сколько будет длиться этот процесс? Долго, наверное. Демократия, любая реформа, которая делается «сверху», всегда идет так тяжело...

— Большая часть народа все равно голосует за коммунистов. Как быть с ними?

— Их так много, потому что в стране бедность бесконечная. Чем больше в стране бедных, тем больше коммунистов. Эта социальная болезнь. Однако преступления коммунизма в России столь велики, что даже в условиях такой ужасной бедности, коммунистов не так много, чтобы они могли побеждать на выборах.

— Спасибо. Я лишь могу пожелать, чтобы «ЯБЛОКО» ориентировалось и на ту часть бедного населения, которая голосует за коммунистов.

— Это, кстати говоря, важная для нас задача. Мы, например, считаем, что без решения социальных задач прогресс в России не возможен. Мы считаем, что социальные и либеральные задачи должны работать как две педали у велосипеда. Только делая шаги в том и в другом направлении, можно двигаться вперед. В сложившейся системе, где есть либеральная часть и социал-демократическая, приходят либералы и создают большой пирог. Потом приходят социал-демократы и съедают этот пирог. Потом снова приходят либералы, снова создают пирог, и все планомерно развивается. Так должно быть и у нас. «ЯБЛОКО» выступает исключительно за либеральные правила в экономике. Но мы при этом отдаем себе отчет, что мы должны использовать возможности либеральной экономики для решения вопросов бесплатного образования, бесплатного медицинского обслуживания, содержания Вооруженных сил, для решения вопросов жилищной реформы, пенсионной и т.д. Мы будем решать эти проблемы.

США ОЖИДАЮТ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Тезисы выступления на заседании Трехсторонней комиссии[1]. Лондон, 11 марта 2001 года

Как российский политик я должен был бы говорить о проблемах современной России. Однако учитывая, что мы живем в период глобализации и Россия участвует в этом процессе, я хотел бы сказать несколько слов о мировой экономике.

У российской экономики есть множество внутренних проблем, но она в значительной степени испытывает влияние Запада. На экономику России оказывает влияние множество причин как внутреннего, так и внешнего характера. Ежегодно в начале января моя команда анализирует итоги прошедшего экономического года в России и в мире, чтобы понять, в каком направлении пойдет развитие в будущем. Такой анализ был сделан и на 2001 год.

Вопреки успокаивающим и вполне оптимистичным прогнозам мы отмечаем опасные тенденции в развитии экономики США и выражаем обеспокоенность в отношении последствий, которые это может иметь для экономики других стран. Результаты наших исследований, выводы и прогнозы таковы:

1) уже в декабре 2000 года экономика США вошла в период спада;

[1]В Трехстороннюю комиссию (создана в 1973 г.), которая собирается несколько раз в год, входят известные представители политических и деловых кругов промышленно развитых стран Европы, Северной Америки и Японии.

2) уже в конце 2000 года банки США в широких масштабах начали сокращать объемы кредитования, процентные ставки на ценные бумаги низкого качества (рискованные) резко подскочили, тем самым увеличив разрыв между процентными ставками на ценные бумаги высокой надежности и бумагами низкого качества до самого высокого уровня с 1990 года;

3) американская экономика не сможет преодолеть спад, по крайней мере, до начала 2002 года, несмотря на снижение процентных ставок, предпринятое главой Федеральной резервной системы США Алланом Гринспеном и уменьшения налогов, предлагаемое президентом Джорджем Бушем;

4) в текущем году США могут столкнуться с возрастающим количеством банкротств, которое увеличит число безработных более чем на 4 миллиона человек;

5) упадут процентные ставки как по краткосрочным, так и долгосрочным займам, ослабнет также и доллар;

6) на рынке ценных бумаг произойдет падение индекса S&P 500 ниже уровня 990, а индекс NASDAQ 100 этим летом опустится ниже уровня 1600, до того как начнет двигаться назад в конце этого года в ожидании подъема экономики;

7) спад в США окажет серьезное влияние на экономику других стран, особенно стран с развивающейся рыночной экономикой, львиная доля ВВП которых составляет экспорт в США;

8) экономическое оживление как в США, так и в других странах в 2002 году будет очень слабым.

Особое беспокойство вызывает создание и коллапс экономики «мыльного пузыря» в высокотехнологичном секторе, связанном с Интернетом. Когда компании могут без особых усилий и затрат привлекать капитал, распределение капиталовложений становится

неэффективным, что ведет к отсутствию позитивного результата. Так, в 80-х годах японским компаниям удавалось привлекать огромные средства почти бесплатно, и мы хорошо знаем, чем это закончилось для экономики Японии. В США ситуация другая, однако мы не должны недооценивать последствий возможного коллапса экономики «мыльного пузыря» в высокотехнологичном секторе для экономики в целом.

ЗА НАМИ ПРАВДА И СВОБОДА

Выступление на митинге в защиту НТВ и свободы слова 31 марта 2001 года. Москва, Пушкинская площадь

Друзья!

Я очень рад, что нас с вами сегодня здесь так много, такого давно не было. Мы давно уже должны были здесь собраться, потому что у нас есть с вами общее дело. Мы должны показать всем, что нас нельзя оболванить, что нам нельзя врать, как это делали раньше.

Мы же все знаем, зачем уничтожают НТВ. Затем, чтобы мы никогда с вами не услышали о том, что нас хотят отравить отходами! Затем, чтобы мы никогда с вами не узнали, что из страны, как в прошлом году, увезли десятки миллиардов долларов! Затем, чтобы нам можно было рассказывать, что борются с террористами; чтобы можно было врать, что борются с коррупцией. А мы ведь знаем, что это не борьба с террористами, а широкомасштабная война, бессмысленная и жестокая. А мы ведь знаем, что это не борьба с коррупцией, а борьба со свободой слова. А что нам еще расскажут? А как нам еще будут лгать?

Мы знаем это, но мы хотим сказать всем: в истории останется не досужая болтовня и вранье пиарщиков и имиджмейкеров, в истории останется уничтожение свободы слова, трупы и трупы, коррупционеры и продажная власть — вот что останется в истории. А будущее за нами, за нами правда и за нами свобода. Спасибо, что пришли! Мы выиграем!

В РОССИИ ПОЛИТИКА И ПРАВОЗАЩИТА – ДВЕ ПЕДАЛИ ОДНОГО ВЕЛОСИПЕДА

Выступление на юбилейной конференции «25 лет Московской Хельсинкской группе». Москва, 12 мая 2001 года

Мне очень приятно быть здесь в день, когда празднуется двадцатипятилетие Московской Хельсинкской группы. Это действительно важное событие. Оно важно не только для правозащитного сообщества, не только для политиков, но и для всего российского гражданского общества. Наверное, сегодня уже не раз возвращались в историю и вспоминали о том, что, появившись в середине 70-х годов, Московская Хельсинкская группа по существу была первой структурой гражданского общества в Советском Союзе.

Кстати говоря, с момента своего появления Московская Хельсинкская группа решала очень близкую к современной задачу: как быть с Хельсинкским соглашением, подписанным Брежневым.

Многие говорили в то время, что абсурдно даже обсуждать такую конструкцию. Я думаю, что о самой этой конструкции нам не следует забывать. Она иногда бывает очень современной, когда приходит в голову, что само обсуждение некоторых договоренностей такого рода или намерений, что кто-либо будет соблюдать такого рода правила, очень сильно напоминает отношения и оценки, которые могли быть высказаны в связи с Брежневым. Но были и другие люди, которые считали: да, мы понимаем особенности этой ситуации, но все равно надо заставлять власть выполнять собственные обяза-

тельства. Это ее дело, как она к этому отнесется. А наше дело заставлять и делать это так, чтобы об этом узнавало как можно больше людей. Делать это таким образом, чтобы всем было известно о том, что есть люди, которые занимаются такой работой.

Хельсинкская группа, как очень хорошо известно, не ставила задачу свергать Советскую власть. Она ставила задачу иную — заставить эту власть выполнять собственные обязательства. И вот здесь власть того времени совершила, наверное, свою последнюю историческую ошибку. Она объявила людей Хельсинкской группы своими врагами, а это был для нее момент истины. И объявив их врагами, она подписала себе приговор. Боролась она с людьми, которые отстаивали ее же собственные документы, ее же собственные соглашения всеми возможными способами.

Здесь в первом ряду сидит Натан Щаранский, чья судьба в этой борьбе, наверное, была одной из самых драматичных. Человека судили за шпионаж и хотели расстрелять. Этого, к счастью, не случилось.

Вопрос, напоминают ли сегодняшние отношения гражданского общества, демократических политиков, гражданских организаций, таких организаций, как Хельсинкская группа, с нынешней властью то, что происходило тогда или нет — это, мне кажется, один из самых актуальных вопросов, которые возникают в связи с двадцатипятилетием Хельсинкской группы. Есть очень существенные отличия. В то время весь мир очень боялся Советского Союза, он очень интересовался тем, что происходит в Советском Союзе — какова судьба тех людей, которые арестованы, какова судьба самой Хельсинкской группы и что на самом деле происходит с ними. Сейчас ситуация серьезно изменилась. Оправданно или нет, но мир перестал бояться Россию и гораздо меньше интересуется, а то и вовсе не интересуется тем, что про-

исходит в нашей с вами стране. Тогда тем, кто занимался правозащитой (я себя к ним не отношу), нужно было в первую очередь заниматься правами наших граждан внутри России. Это было самой главной задачей. Сегодня задача расширилась. Нужно заниматься правами наших граждан не только в России, но и за рубежом.

Объединенная бюрократия сегодня дает нам очень хорошие уроки. Я, например, говорю о недавнем решении, которое приняла Бельгия, — о том, что российские граждане не имеют права получать визы для въезда в Бельгию потому, что слишком много хлопот для бельгийского правительства и слишком много российских граждан туда приезжают. За чьи действия отвечают сегодня обычные российские граждане, которым нужно поехать в Бельгию по делам или просто лечиться? Почему такие уродливые решения сегодня считаются обычными в Европейском союзе? Поэтому нам надо говорить о демократических и правозащитных процессах в контексте более широком, чем собственно Россия. К счастью, Россия стала действительно существенным составным элементом мирового сообщества, по крайней мере, западного. Но у нас есть собственные задачи, и на них я хотел бы немного остановиться.

С каких, собственно, позиций я буду оценивать происходящее сегодня в России и те задачи, которые стоят перед российской демократической политикой, а возможно, и перед правозащитниками? Конечно, я буду их оценивать с тех позиций, которые занимает моя партия — партия «ЯБЛОКО». Я очень коротко остановлюсь на трех основных элементах.

Мы — партия европейского измерения. Мы считаем, что Россия — европейская страна. Мы ставим перед собой задачу сделать так, чтобы через 20–25 лет Россия стала абсолютно нормальным, полноценным членом Европейского сообщества во всех отношениях.

Во-вторых, мы — партия, которая настаивает на либеральном развитии российской экономики. Мы считаем, что именно низкие налоги, экономическая свобода, компактное правительство, незначительная регламентация вместе с конкуренцией, частной собственностью, развитием малого и среднего предпринимательства — это и есть генеральное направление развития российской экономики. Мы считаем, что без существенной социальной составляющей эта экономика не даст тех результатов, которые необходимы сегодня для общества в целом.

Третье, что относится к нашему сегодняшнему уважаемому собранию, — это то, что мы считаем основой своей идеологии права и свободы и считаем своей главной задачей в этом отношении реализацию всего того, что сформулировано в Конституции Российской Федерации, особенно в первой и второй главах. У нас власть имеет такую особенность (я хотел бы развить этот тезис более подробно) и склонность нарушать все права граждан одновременно. Это очень приближает правозащиту к политике, потому что если вы посмотрите направления защиты прав граждан не по отдельным направлениям, а в совокупности, и будете реально этим заниматься, то вы увидите, что это на самом деле реализация политической программы. В этом наша существенная особенность. Именно в связи с этой особенностью так остро звучат споры и среди политиков и внутри правозащитного движения относительно соотношения этих двух элементов.

Для нас изначальная связь правозащиты и политики очевидна. Мы считаем, что правозащитные движения России, в частности Хельсинкская группа, это направление, которое сформировало ценностную систему для всей демократической политики, то есть, иначе говоря, сформировала идеологию демократического движения. Именно на этом ценностном фундаменте мы строим свою политику. Наши оппоненты не находят ничего лучшего, чем время от времени упрекать нас, говоря: «Какие же вы политики? Вы правозащитники». Для них слово «правозащитники» — некий ярлык, который нам присваивается. Я хочу подчеркнуть, что мы гордимся тем, что нас так называют, и мы хотим быть настоящими политическими правозащитниками. Мы не только не стесняемся этого, мы считаем, что мы строим партию, которая олицетворяет историческую преемственность российского демократического и правозащитного движения. Мы, например, крайне удовлетворены и даже гордимся тем, что один из старейших российских правозащитников, который входил в число наиболее активных сотрудников и членов Московской Хельсинкской группы с самого ее начала, с середины 70-х годов, Валерий Васильевич Борщев — активный член «ЯБЛОКА» и член руководства «ЯБЛОКА».

С наших позиций на сегодняшний день в российской политике есть очень серьезный и опасный симптом. Я вновь хочу вернуться ко все более подтверждающемуся тезису о тенденции — сегодня можно сказать уже весьма выраженной тенденции — построения в России корпоративной полицейской бюрократической системы. При своем расширении это направление может успешно привести к созданию в нашей стране корпоративного государства, бюрократического государства, полицейского государства. Сегодня развитие событий показывает нам, что тезис, который был выдвинут в выступлении на Всероссийском Чрезвычайном съезде в защиту прав человека, который проходил в этом же здании 21 января, тезис о том, что появляются элементы идеологического обоснования этого направления (я тогда определил это как национал-большевизм), сегодня существенно подтверждается.

Обратите внимание, что все авторитарные тенденции, анализируемые в российских средствах массовой информации или в выступлениях российских аналитиков, почти без исключения определены как авторитарные тенденции, означающие откат к прошлому: и усиление спецслужб — это откат к прошлому, и полицейское государство — откат к прошлому.

Мне представляется, такая линия в значительной степени искажает суть дела и позволяет сторонникам этого направления, особенно тем, кто справа, — переводить поток критики в более безопасное русло. Они говорят: авторитарные элементы — это пережитки прошлого, но обязательно подчеркивают: возврат к старому невозможен. «Пережитки прошлого» стало модно противопоставлять либерально-экономическим инициативам. Фраза дня звучит так: «Начальник (неважно какой, тот или иной) сегодня позиционировал себя как либерал». Это относится не только к действиям нынешней власти, но и к другим политическим силам, которые все больше и больше заявляют о себе. В то время как большая часть критического потенциала обрушивается на коммунистов, мне хотелось бы, чтобы все присутствующие здесь обратили внимание на то, что с очень высокой динамикой формируется правонационалистический фланг российской политики. Это гораздо более агрессивный и опасный фланг. Он опасен как с точки зрения, так сказать, свежести идей, так и с точки зрения специфических контактов с нынешней властью. Мне кажется, что это одно из важных направлений сегодняшнего наступления на те незначительные демократические завоевания, которые в России есть.

Поэтому мы считаем, что сегодня нужно особо подчеркивать, что реальная и серьезная опасность — это совсем не возвращение в коммунистические времена и прошлое, а формирование новой авторитарной или тоталитарной системы, основанной на иных идеологических принципах и вполне совместимой с рыночной экономикой. Соответственно и главными политическими противниками, антиподами сегодня у нас должны быть вовсе не только коммунисты, но и сторонники управляемой демократии, националисты и новые русские фашисты. Нам представляется, что эти направления являются идеологическим основанием складывающейся сегодня корпоративной системы власти.

Ее черты теперь совершенно ясны: это полная нетерпимость к критике, реальные действенные шаги в направлении того, чтобы поставить под контроль средства массовой информации, создание абсолютно подконтрольного парламента в России, это внесение закона, предопределяющего подконтрольность политических партий, имитация общественных организаций — замещение реальных общественных организаций имитационными формами. Я думаю, что в этой аудитории приводить подробные примеры вовсе нет никакой необходимости. Следовательно, хотелось бы в двух словах пояснить, что мы понимаем под корпоративным государством или под корпоративной системой. Это такая система, которая не уничтожает внешне демократические институты, это система, которая приспосабливает и встраивает в себя все гражданские и демократические формы, существующие в стране. На примере с Союзом журналистов, на примере с НТВ, с другими средствами массовой информации можно легко показать, как это работает. В нашем обществе совсем нетрудно, как оказалось, многим людям (это на примере НТВ хорошо понятно) заменить в голове хорошо известный всем вам лозунг: «За нашу и вашу свободу» другой конструкцией: «За нашу, в основном, — и вашу собственность». По этой линии пошел спор между теми, кто отстаивал в этом споре свободу творчества, и теми, кто

отстаивал собственность газовой компании, принадлежащей нашему государству. Перспектива такого развития для нашей страны абсолютно очевидна — это перспектива глубокого и необратимого отставания. Экономику XXI века несвободные люди в несвободной стране создать не смогут. Если эти тенденции наберут необратимый на каком-то историческом этапе характер, то приговор можно считать подписанным.

Вне связи между политикой и правозащитой не может быть разрешен еще один особый, больной вопрос в России — это война в Чечне. Только основываясь на принципах, сформулированных российским правозащитным движением, может быть действительно инициирован серьезный политический процесс. Можно придерживаться разных точек зрения относительно перспективы, однако сам политический процесс, без которого невозможно сформулировать ни план выхода из этого кризиса, ни конкретные шаги, может быть основан только на таком двойном подходе.

Завершая, я хотел бы коснуться самого сложного вопроса — это вопрос о том, как же все-таки сегодня взаимоотносятся политика и правозащита и как они вместе могли бы соотноситься с российской властью. Мы знаем различие между правозащитой и политикой. Мы понимаем это различие. Однако мы считаем, что это различие лежит только в сфере путей достижения общих целей. Таково наше сегодняшнее понимание. Наши общие цели — создание в России правового демократического государства.

Правозащитники действуют с помощью морального императива. Политики стараются изменить власть, вплоть до взятия власти в собственные руки и проведения той политики, которую они считают верной. В сегодняшней российской действительности это две педали одного велосипеда. Только нажимая на обе эти педали, можно достигать каких-то результатов. Без политиков правозащита в России никогда не добьется существенных сдвигов. Без правозащитников политики немедленно утрачивают все ценностные ориентации. И сегодня эта взаимосвязь очевидна как никогда. Отсюда и возникают все главные вопросы отношений с властью.

Легкий ответ, который мы часто слышим, это ответ о конструктивном взаимодействии, о так называемой конструктивной оппозиции. Мы считаем, что в российских условиях эта позиция и эта точка зрения означают слияние той или иной политической силы, которая придерживается этой линии, с торжествующей толпой марионеток — какие бы оговорки при этом ни формулировались. Попытка построения непримиримой оппозиции, безусловно, обречена на маргинализацию. Поэтому наша позиция заключается в следующем. Мы относим себя к системной оппозиции курсу власти на создание в России корпоративной бюрократической полицейской системы. Мы считаем, что диалог с властью возможен. Но диалог возможен только с позиции независимости и с твердым ощущением границы компромисса, который допустим. Мы для себя в каждом отдельном случае формулируем ту границу в компромиссе, заходить за которую нельзя. Полная политическая независимость плюс граница компромисса — это и есть сильная позиция в отношениях с властью.

Сегодня жизнь ставит перед нами задачи не проще, чем в середине 70-х годов, и они требуют менее сложных решений. Мы обязаны решать их достойно, потому что цена сегодняшних решений — это будущее нашей страны.

Поздравляю вас, благодарю и желаю вам всего доброго.

В ПОЛИТИКЕ НРАВСТВЕННЫЕ ПОЗИЦИИ – САМЫЕ ПРАКТИЧНЫЕ

Выступление на собрании общественности, посвященном 80-летию А.Д. Сахарова. Москва, 20 мая 2001 года

Дорогие друзья!

Я очень рад возможности встретиться с вами и благодарен тем, кто организовал эту открытую встречу в зале, куда может прийти любой человек. Я очень признателен тем, кто показал нам фильм об Андрее Дмитриевиче Сахарове.

Я не знал лично Андрея Дмитриевича и не могу поделиться личными воспоминаниями. Я хотел бы поделиться соображениями, связанными с сегодняшним днем.

Андрей Дмитриевич Сахаров сформулировал основные, базовые идеи всего либерально-демократического направления в России. Можно сказать, он заложил фундамент этого политического направления.

Сахаров был великим ученым, который в конце XX века сформулировал исключительно важный для России тезис. Он определил и во многом доказал, что процветание России, будущее, которого желает абсолютное большинство граждан, возможно только, если Россия будет развиваться как свободная и демократическая страна. Этот императив, это главное условие развития нашей страны в полном объеме в современной истории было сформулировано Андреем Дмитриевичем Сахаровым.

Взглянув на сегодняшнюю жизнь, можно выделить главные уроки одиннадцати лет после смерти Сахарова, непосредственно связанные с заветами Андрея Дмитриевича, которые были преданы забвению.

Андрей Дмитриевич, будучи великим ученым и мыслителем, не считал себя политиком. Будучи таким значимым неполитиком, он сформулировал очень важные и принципиальные правила, ценности для всех, кто занимается политикой.

Сегодня у нас есть разные политики. Многие официальные люди часто цитируют Андрея Дмитриевича, они обязательно принесут в день его рождения или смерти цветы на могилу. Но все чувствуют, что если бы сегодня академик Сахаров был жив и высказывался, то именно они составили бы костяк тех, кто сильнее всего захлопывал, затопывал, прогонял бы его от микрофона.

Важнейший его завет был завет о нравственности политики. Андрей Дмитриевич понимал, что обращаться к политикам с просьбой или требованием быть нравственными — дело совсем безнадежное. Поэтому он сформулировал это несколько иначе. Он говорил, что нравственные позиции в политике самые практичные, самые целесообразные. Конечно, в том случае, если целью является не только личное благосостояние, но хотя бы в какой-то степени и перспективы страны, ее будущее; если эти цели включают то, как будут жить дети, внуки в нашей с вами стране.

Такое нравственное начало в политике как практически правильное было исключительно важно. Потому что общество, которое вырастает во лжи, как об этом недавно написала Елена Георгиевна Боннер, никогда не будет взрослым. От себя добавлю, что оно просто не может вырасти, как растение без солнца. Такое общество навсегда остается подростковым, с ужасными комплексами, с обидами и агрессией на всех вокруг.

А еще потому, что цинизм, который стал инструментом «крутых» политиков последнего десятилетия, — просто форма глупости. И раньше или позже мы видим крах идей, которые с помощью цинизма реализуют такие политики. И даже небольшая доля (или доза) цинизма способна отравить существование самых понятных и необходимых идей.

Презрение к нравственному основанию политики конкретно было проявлено осенью 1999 года, когда контртеррористическая операция в Чечне превратилась в широкомасштабную войну против всех, кто живет в Чечне. Тогда сложилась уникальная ситуация. Люди бежали от Хаттаба, от Басаева — от тех, кто не позволил реализоваться чеченской независимости, от тех, кто стал глумиться и издеваться над ними. Это было время для начала глубокой, серьезной нравственной политики.

Если бы люди, которые осуществляли политику в Чечне, понимали, что практическая сторона нравственности заключается в том, чтобы призвать на свою сторону, на федеральную сторону, если хотите, всех этих людей, обеспечить им поддержку и понимание и вместе с ними сделать так, чтобы терроризм не стал главным содержанием того, что происходит в Чечне! Вместо этого было сделано совсем другое. Начались массированные бомбардировки, использование жесточайшего оружия, в том числе и против мирных жителей. В результате всего этого сегодня политика, связанная с Чечней, зашла или почти зашла в абсолютный тупик.

Вот один из заветов Андрея Дмитриевича, который был ясен и очевиден, не был выполнен.

Андрей Дмитриевич никогда не был политиком, но был правозащитником. В России еще очень долго понятия «политик» и «правозащитник» будут близки друг другу. Настоящий демократический политик в России сегодня, на мой взгляд, всегда правозащит-

ник. Если говорить не об отдельных правах граждан, а обо всех правах, которые у нас нарушаются, то это и будет политическая программа. Если вы начнете реально защищать все права граждан: и политические свободы, и экономические права, и личные права граждан, — вы превратитесь в политика.

Очень много людей испытывает моральные и физические страдания в разных формах: в военных казармах, в камерах предварительного заключения, отстаивая свои права на маленький клочок земли; больше трети наших сограждан находятся за чертой бедности. Поэтому очевидно, что еще очень долго российский политик одновременно будет и защитником права граждан на лучшую жизнь. И это тоже один из важнейших заветов, который нам оставил академик Сахаров.

Да, за последние 10 лет мы не смогли создать социально-экономический фундамент демократии и свободного общества. Если вы мне зададите вопрос: проводилась ли в последние 10 лет либеральная политика в России, — я отвечу так. Если говорить о фундаментальных принципах либерализма XIX века, — да, проводилась. Но если говорить о том, что такое либерализм сегодня, в конце XX — начале XXI вв., который в центре своего внимания всегда держит свободу человека и его социальное и экономическое благополучие, — то нет, такой политики в России не проводилось никогда. Абсолютное большинство людей от этих реформ почти ничего не получило. Поэтому сегодня у дома Андрея Дмитриевича собирается 12 человек[1]. Потому что абсолютное большинство людей чувствуют себя обманутыми той экономической и социальной политикой, которая проводилась последние десять лет. Самое главное, чего не было сделано и что абсолютно необходимо для того, чтобы всерьез говорить о фундаментальных основах демократии и свободы в России, — это равенство возможностей. Настоящий либерализм — это всегда равенство возможностей, равенство доступа к самым главным механизмам, например к благам, которые распределяются в условиях рыночной экономики, равные права на рынке, справедливая и честная конкуренция, возможность противостоять давлению монополий, олигархов. Вот что представляют собой действительно либеральные реформы. Таких реформ у нас еще не было.

Поэтому сейчас хороший повод если не сформулировать программу, то, по крайней мере, порассуждать о том, каким же должен быть новый демократический курс, который нам позволит встретить 90-летие академика Сахарова в других условиях, с другим настроением.

Я попытаюсь сейчас сформулировать несколько элементов такого нового курса. Прежде всего это бескомпромиссная — подчеркиваю — борьба за политические права и свободы всех граждан России. В числе этих прав есть, конечно, право на собственность, и на крупную тоже, но это право не может заменять право на свободу. Будет свобода — будет и собственность; не будет свободы — не будет никакой собственности. Я могу себе представить митинг «За нашу и вашу свободу», но трудно себе представить собрание под лозунгом: «За нашу и вашу собственность». И это первое, что должны усвоить те, кто называет себя демократами. И никакие прагматические объяснения не могут оправдать отступлений от этой задачи. При этом прагматизм становится просто формой политической продажности.

Вторая задача. Все реформы по созданию в Рос-

[1] В документальном фильме, показанном в начале собрания, отмечалось, что хоронить А.Д. Сахарова пришло 70 тысяч человек, а в день рождения в 1999 г. у его дома собралось 12 человек.

сии свободной рыночной экономики, в области структуры нашей экономики, все реформы в социальной области отныне должны быть подчинены важнейшему определяющему правилу: реформы для большинства. Невозможно проводить реформы, нацеленные на интересы узкой группы лиц. Идея, что эта узкая группа лиц станет потом двигателем, который потащит всех за собой, оказалась недалекой и порочной. Эта группа лиц, конечно, стала мотором, но только мотором роста личного благосостояния. Реформы для большинства — важнейшая задача, которая означает, что мы хотим построить в России либеральную, социально ориентированную рыночную экономику европейского типа.

Поэтому третьим направлением новой демократической политики является европейский вектор в развитии России. Ориентация на европейское социально-экономическое устройство очень важна, поскольку Россия — великая европейская страна. Россия в последние века, а может быть, и на протяжении всей своей истории, увлекала за собой всю Евразию на европейский путь.

И наконец, консолидация всех разумных демократических сил должна быть важнейшим императивом. Эта консолидация теперь возможна, потому что под многими спорами, которые шли между демократами, жизнь уже подвела черту. В области экономической политики черта была подведена 17 августа 1998 года. Нашим спорам в области политики и персональной политики — 26 марта 2000 года. Теперь все, кто всерьез хочет двигаться к созданию реально демократического, социально ориентированного рыночного хозяйства, должны извлечь уроки из прошедших 10 лет и направиться в сторону консолидации.

Основное направление консолидации демократических сил — это консолидация равноправных, самостоятельных, никому, и друг другу в том числе, не подчиняющихся, политических организаций. Я выступаю за равноправное сотрудничество всех демократических сил. И всех приглашаю к сотрудничеству с моей партией. Это направление мы реализуем практически. Сейчас тщательно готовим Демократическое совещание.

Наши взгляды давно определены. «ЯБЛОКО» будет бороться с созданием в России полицейского государства. Мы окажем всевозможное сопротивление созданию в России управляемой демократии, потому что управляемая демократия обрекает Россию на безнадежное отставание и лишает ее всякой перспективы.

Мы пойдем по этому пути со всеми, кто готов вместе с нами проводить реформы для большинства и обеспечивать свободное демократическое социально ориентированное будущее для нашей страны. Реформы для большинства позволят нам прийти на 90-летие Сахарова в другом настроении.

Спасибо.

НОВЫЙ КУРС. ПРОТИВ ЧЕГО И ЗА ЧТО ВЫСТУПАЕТ «ЯБЛОКО»[1]

«Московские Новости», 20 июня 2001 года

На днях был принят закон о разрешении ввоза в страну ядерных отходов. В связи с этим в газетах и на ТВ обсуждают, что наша законодательная власть полностью подчинена исполнительной. Но дело гораздо серьезнее. Это не просто эпизод, когда Государственная дума в очередной раз на ура выполнила волю правительства. Принятие этого закона — яркий пример характера отношений между властью и народом. За последние 15 лет они почти не изменились. Правительство и депутаты почти всех фракций, кроме «ЯБЛОКА», открыто заявили и настаивали, что мнение 90 процентов людей не имеет существенного значения. Люди «не понимают, в чем их счастье».

Знакомая схема. Власти считают, что граждан России можно просто учить, воспитывать, причем не в форме дискуссии, диалога, а в виде политинформации и указаний, не терпящих возражений, пренебрежительных сообщений о том, что «народ не разобрался».

Сто миллионов граждан (так показывают опросы) возражают против ввоза ядерных отходов в Россию, а 500 человек в Москве — 300 депутатов и 200 чиновников — противостоят этой воле и продавливают свое решение.

Вот почему мы считаем, что основным вызовом,

[1]Тезисы были опубликованы в день первого заседания Демократического совещания как визитная карточка «ЯБЛОКА».

основной проблемой и опасностью являются усиливающиеся тенденции построения в России системы имитации демократии, очередной «потемкинской деревни», сердцевиной которой является бюрократический авторитаризм.

Да, Россия прошла за последние 10 лет большой путь и многое изменила в своей жизни — ушла от коммунистической идеологии, сформулировала демократические ориентиры в Конституции. Однако те, кто проводил реформы в последние 10 лет, так и не создали надежного демократического фундамента ни в государственном, ни в общественном устройстве, ни в рыночной экономике. В реальности дальше формальной, крайне неустойчивой демократии Россия пока не пошла. Легко появляются авторитарно-бюрократические настроения и тенденции, создаются манипулируемые имитационные системы, вытесняющие трудно поддающиеся управлению гражданские организации.

В целом это следствие некомпетентных решений, циничного, корыстного, идеологически вульгарного подхода к реформам. Важнейшие элементы демократии в России похожи на карикатуру. Парламент, который в секунду исполняет все, что ему поручено. Партия-победитель, которая создается за месяц до выборов. Федерализм, который больше похож на феодализм, когда отношения между центром и регионами строятся на личных отношениях между губернатором и президентом страны. Правовое государство, которое действует избирательно, находит своих противников и разбирается с ними с помощью правовых инструментов так, что на любого гражданина страны в нужный момент можно открыть уголовное дело. Зависимая судебная система, которая снимает неугодного властям кандидата за день до выборов.

Что же в результате? От реформ выиграло меньшинство. Огромное большинство людей постигло разочарование. Страна получила феномен неустойчивой демократии.

Какие могут быть варианты развития у системы неустойчивой демократии? Их три. Дефективная демократия. Так называемая авторитарная модернизация. И третий — нелегко достигаемый, но устойчивый демократический путь развития.

Говорить о дефективной демократии много не стоит. Она у нас перед глазами.

Авторитарный соблазн очень четко проступает как одно из возможных направлений. И пример с ОЯТ, и многие события последнего времени это доказывают. Такой сценарий нашептывают президенту авантюристы и глуповатые плагиаторы-политологи. Смысл их бормотания в том, что нужно не уничтожать демократические и гражданские институты, как раньше, а приспосабливать их к нуждам полицейско-олигархического властвующего клана. А если приспособить не удается — тогда заменять, вытеснять, имитировать послушными, искусственно созданными партиями, журналистскими союзами, гражданскими организациями, подконтрольными оплачиваемыми СМИ и т.п. Это направление неизбежно приведет к созданию в России полицейского государства.

Порядка от этого, конечно, не будет. Будет огромная бюрократическая конструкция, когда одни бюрократы будут наблюдать за другими, одни представители будут плодить других, и так до самого маленького поселка. Возрастает коррупция, еще сильнее деградируют государственные механизмы.

Путь построения авторитарно-бюрократической системы, обернутой в имитационную обложку, — это путь к необратимому отставанию нашей страны. Несвободные, оболваненные люди, которыми манипули-

руют, не могут создать конкурентоспособную экономику XXI века.

Единственное, за что стоит бороться, — это устойчивое демократическое, либеральное и потому социально ориентированное направление развития нашей страны. Все прочие сценарии разовьются сами, без наших усилий.

Чтобы достичь указанных целей, нужен другой курс, чем в последние десять лет. Нужно, наконец, извлечь уроки из грубых ошибок последних десяти лет, выбросить на свалку бредни любителей пиночетовщины и реализовать новый либерально-демократический курс реформ для большинства. Все наши действия должны проверяться на то, являются ли они благоприятными для большинства наших сограждан, дают ли им возможность быть свободными и просто выполнять свое ежедневное дело, не совершая при этом каждый раз подвиг.

Основные элементы этого курса я и хотел предложить. Таких элементов четыре.

Первый. Бескомпромиссная защита свободы и прав человека, стремление к справедливости и подчинение государства интересам граждан.

Человек рождается свободным и равным всем другим. Он одарен способностью независимо мыслить и действовать, отличать правду от лжи.

Мы исходим из того, что настоящим фундаментом общества является уважение к человеческой личности и уважение к семье.

Личная свобода гражданина гарантируется посредством независимости законодательной и судебной власти от администрации, а политическая свобода — путем свободных и честных выборов при должном уважении к правам и мнениям меньшинства.

Свобода слова, совести, выбора союзов и профессии, равноправие мужчин и женщин так же, как и уважение языка, веры, законов и обычаев национальных меньшинств, являются для нас абсолютным моральным и политическим императивом.

Мы понимаем под свободой право на частное владение собственностью и право заниматься частной предпринимательской деятельностью, извлекать из нее возможно полный доход.

Важным элементом нашего представления о свободе является и то, что государство должно стоять на службе у граждан и быть только их инструментом, ни в коем случае не препятствуя их самостоятельному и свободному развитию.

Мы не верим в абсолютную силу и власть. Мы считаем, что основой законной и устойчивой власти является согласие. Но чрезмерная концентрация в одних руках необъятной власти душит и подавляет это согласие. Чтобы сделать его реальным, власть должна быть рассредоточена посредством различного рода демократически ответственных институтов и учреждений.

Мы убеждены, что ценности свободы могут привести к моральному обновлению российского общества, если мы докажем, что свобода во имя личности не тождественна эгоизму, что это свобода в контексте общества, означающая ответственность и товарищескую солидарность.

Для нас свобода — это отстаивание права гражданина на современное и разнообразное образование в соответствии с его способностями независимо от материального положения; защита и страхование каждого на случай болезни, безработицы, нетрудоспособности, по старости; право на обеспечение качественным жильем и постоянное улучшение окружающей среды.

Второй. Неотъемлемым принципом построения устойчивой демократии в России является свободная

рыночная экономика. Это частная собственность и гарантии частной собственности; открытая, прозрачная, равноправная конкуренция; минимальное вмешательство государства в хозяйственную жизнь; гарантии инвесторам; жестко прописанные и соблюдаемые правила гражданского оборота земли, демонополизация рынков, свободная торговля, снижение налогов и их упрощение, отмена валютных ограничений, реальное дерегулирование. Мы настаиваем на либеральной концепции рынка, но ни один из ее принципов сегодня не реализован.

Особое внимание мы уделяем и более справедливому для общества распределению доходов, образующихся в виде ренты от добычи и продажи природных ресурсов, и либерализации доступа к ним, отказу от экономической политики последних тридцати лет, основанной почти исключительно на их экспорте.

Говоря о новом курсе, мы заявляем: там, где огромное количество людей страдает от нищеты, болезней, бедности, безработицы, неквалифицированного труда, — там подрывается и нарушается свобода. Судить о том, как функционирует рыночная экономика, нужно по ее способности обеспечивать большее количество благ, чем любая другая система, и их более справедливое рыночное распределение.

Насколько наша рыночная экономика решает эту задачу? Малокомпетентная попытка управлять экономикой исключительно с помощью денежных инструментов привела к тому, что экономическая политика отделена от интересов общества в целом и в особенности его бедных слоев.

Третий. Для нас бесспорно, что Россия — европейская страна. Европейский вектор в развитии России в качестве практической политики означает ориентацию на социально-экономическое устройство Европы.

Европейский путь показывает, как преодолеть социальное неравенство между регионами и группами населения и выйти к устойчивому развитию страны, как создать предусмотренное нашей Конституцией социальное государство.

Кроме географической принадлежности, социально-экономической ориентации есть еще и геополитическая сторона дела. Россия имеет самые протяженные границы с самыми нестабильными регионами мира, граничит, наверное, с половиной беднейшего населения планеты, располагая при этом 60 процентами мировых, экономически выгодных природных ресурсов. Это требует от нас особого внимания к нашим отношениям с Европой, включая отношения в области стратегической безопасности.

Думаю, в XXI веке в мире будет два крупнейших центра экономической силы — Северная Америка и Азия. И если Европа намерена на равных конкурировать с ними, а не оказаться на задворках экономического развития, у нее есть только один способ — экономическая и политическая интеграция с Россией.

Для России — это путь сохранения целостности, независимости, национальной идентичности и путь к процветанию. Для Европы — путь к конкурентоспособности, если хотите, к экономическому выживанию в будущем. Здесь наши интересы сходятся, и мы будем предлагать конкретные экономические, военные и политические проекты.

Четвертый. Наше общероссийское демократическое движение. Задачи, которые мы ставим, можно выполнить при активной консолидации российских демократов. Почему это стало сейчас возможным?

Многие годы мы занимали очень жесткую позицию. «ЯБЛОКО» отвергало экономическую политику последних 10 лет, считая ее некомпетентной, реали-

зующей сценарий бандитского, криминального рынка. Было много теоретических споров. Но 17 августа 1998 года сама жизнь подвела итог под этой дискуссией. Бездарное и корыстное проведение экономической реформы в России привело к огромному кризису долгов. Дефолт похоронил ту позицию, с которой все это время выступали наши экономические оппоненты.

Мы готовы сотрудничать со всеми, кто умеет извлекать уроки из прошлого. Мы фактически работаем в этом направлении. Первым шагом может стать постоянное демократическое совещание. За один стол сядут представители всех политических организаций демократического толка, негосударственные организации, гражданские, правозащитные, экологические организации. Впервые за последние 10 лет они смогут на равных, никого не подавляя, обсудить ключевые вопросы развития страны.

* * *

Принципиальная черта Нового Демократического Курса заключается прежде всего в понимании, что демократические институты в России не могут быть устойчивыми и продуктивными без поддержки этих институтов большинством населения. Все российские демократы должны, наконец, понять, что проведение реформ для узкого круга лиц ведет к реакции и необратимому отставанию и что следует повернуться лицом к большинству. Новый Демократический Курс — это курс, который защищает не только тех, кто уже получил выгоды от реформ, но и в первую очередь тех, кто пока еще этих выгод не получил.

Практически это требует от нас обратить особое внимание на реформу ЖКХ, пенсионную реформу, референдум по ОЯТ, ликвидацию бюрократической зарегулированности, малое и среднее предпринимательство.

* * *

«ЯБЛОКО» не считает, что либеральная демократия является совершенной и безупречной системой. Но она самая подходящая и удобная для нормальной жизни, для свободы, для творчества, для человеческого достоинства, для социальной справедливости.

«ЯБЛОКО» не считает, что либеральная демократия может решить все проблемы России. Но мы убеждены в том, что это направление — единственное, которое поможет решить четыре главные задачи, стоящие перед нашим отечеством в XXI веке:

- радикальное улучшение демографической ситуации;
- освоение Сибири;
- защита наших границ и сохранение целостности страны;
- полноправное вхождение в Европейское сообщество.

Мы еще раз подтверждаем неизменность наших ценностей. Это свобода, ответственность, терпимость, социальная справедливость и равенство возможностей. Мы еще раз подчеркиваем нашу обоснованную европейским опытом уверенность, что создание в России процветающего государства есть демократическая, либеральная задача. Нам с вами требуется огромное терпение, трудолюбие, умение сотрудничать в условиях свободы, открытое сознание и понимание реальных, действительных нужд граждан, их болей и забот.

ЛИБЕРАЛИЗМ ДЛЯ ВСЕХ

«Общая газета», 28 июня 2001 года

«Союз союзов»

Один из главных итогов завершающегося десятилетия российских реформ — разочарование людей в демократических принципах и либеральных ценностях. За эти десять лет Россия прошла немалый путь. Остались в прошлом тоталитарная политическая система и планово-распределительная экономика.

Однако взамен появилось совсем не то, о чем мечтали люди, голосовавшие за демократию в 1990—1991 годах. Оказавшись у власти, номенклатурные «демократы» перестали обращать внимание на мнение большинства населения страны, навязали ему свое представление о свободе и либеральных реформах. В результате в России сложился режим неустойчивой демократии, не опирающийся на поддержку со стороны граждан.

Неустойчивая система может существовать достаточно долго в форме дефективной демократии. Однако раньше или позже в российских условиях она окончательно превратится в имитацию, обертку авторитарно-бюрократической системы.

Сегодня признаков движения по этому пути достаточно много. После образования пропрезидентской «коалиции четырех» парламент окончательно превращается в марионетку исполнительной власти. Избирательное применение закона как инструмента борь-

бы с политическими оппонентами стало обычной практикой, как и снятие неугодного центру кандидата непосредственно перед выборами.

На очереди — дополнение уже выстроенной властной вертикали горизонталью, включение в систему корпоративного государства гражданских структур. 12 июня в Кремле прошла встреча президента с представителями отобранных кремлевской администрацией общественных организаций, объединяющих спортсменов, филателистов, политологов, женщин, аквалангистов и т.п. Присутствовали там и «Идущие вместе», от сверхусердной поддержки которых президентские структуры раньше открещивались. В ходе встречи прозвучала идея создания некоего «Союза общественных союзов».

Все это прямой путь к превращению гражданских организаций в одну из составных частей корпоративного государства, замене гражданского общества общественностью советского образца. «Союз союзов» будет претендовать на монополию в третьем (гражданском) секторе, станет подобием творческих союзов советского времени — не член Союза писателей, значит, и не писатель, а тунеядец Бродский; не входишь в «Союз союзов», значит, никакого отношения к гражданскому обществу не имеешь. Критерием же отбора и включения в состав избранных, безусловно, будет лояльность, которая уже сейчас становится ценой за получение льгот, привилегий, финансовой помощи.

Более чем реальна и опасность подмены классических демократических процедур разнообразными формами прямой демократии — собраниями общественности, всенародными обсуждениями. Вряд ли случайно вброшена для публичного обсуждения идея замены представительных органов власти ежегодным собранием «самых уважаемых представителей общественности».

В соседней Белоруссии эта идея уже реализуется. В традицию входят организуемые властью Всебелорусские народные собрания. Участвующая в них «прогрессивная общественность» прямо противопоставляется «неконструктивным», то есть несогласным с президентом силам. В докладе Лукашенко на втором Собрании, состоявшемся в мае, один из разделов называется «Формирование гражданского общества», но его большая часть посвящена совсем другим вопросам — необходимости использования «форм непосредственной демократии», «утверждению идеологии, которая основывается не на платформе какой-то одной партии, а на основе испытанных временем универсальных нравственных и духовых ценностей нашего народа».

Приспособимся?

Особую опасность я вижу в том, что курс на сворачивание демократии внутри страны начинает получать если не оправдание то обоснование даже в глазах тех, кто в принципе, придерживается весьма демократических взглядов.

Одни думают: может быть, все происходящее и лучше для России. В элементах авторитаризма усматривается некая самобытность, даже загадочность.

Другие приходят к выводу, что ничего с происходящим не поделать, значит, надо приспосабливаться. Вполне некоммунистические издания и журналисты анализируют возможность жизни в условиях управляемой демократии, законы функционирования полуторапартийной системы. При этом в отличие от идеологов управляемой демократии никакого восторга они не испытывают, просто не видят иного варианта развития событий.

Это, на наш взгляд, псевдоинтеллигентская попытка оправдать действия власти с помощью мифа о непохожести России на кого бы то ни было, «третьем» пути, воплощение которого может очень дорого стоить нашей стране.

Происходит довольно быстрое возвращение во времена двоемыслия, когда настоящие взгляды человека не имели никакого отношения к тому, что он говорит публично, когда комсомольские секретари днем произносили «правильные» речи, а вечером ругали Советскую власть. Жить в соответствии со своими взглядами тогда автоматически значило включаться в борьбу, а на это не все способны.

Да, преимущество демократии, одно из ее важнейших достоинств в том, что жизнь в соответствии со своими взглядами, в ладу с собственной совестью не требует ежедневного подвига и жертв, это норма. Сегодня мы от этой нормы далеки.

Все эти качества важны и сейчас, однако самое важное сегодня для политиков-демократов — привлечь на свою сторону граждан. Первое, что нужно сделать для этого, — повернуться лицом к людям.

Отношение политиков, людей во власти к народу — это сфера, которая за последние десять лет претерпела самые минимальные изменения, если они вообще были. Яркий тому пример — рассмотрение в Думе пакета законов о ввозе в Россию отработавшего ядерного топлива.

Его обычно комментируют как очередное свидетельство ориентации законодательной власти на исполнительную. Однако проблема серьезнее. Она состоит в том, что мышление наших политиков и стиль политики с советских времен, по большому счету, не изменились. Сторонники законопроекта предлагали не прислушиваться к мнению 90% граждан страны, а убеждать их в том, что решение принято правильное. При этом разъяснения, по их мнению, должны были даваться не в ходе открытой дискуссии, а в качестве политинформации. По сути депутаты «Единства», «Отечества» и другие показали, что воспринимают свое попадание в Думу не как выбор, а как назначение администрацией президента или губернатором, мэром. Иначе обращали бы внимание на результаты социологических опросов, согласно которым только 3,4% избирателей проголосуют снова за депутата, который поддержал этот закон.

Смысл демократической политики в том, чтобы учитывать мнение и интересы людей, ориентироваться на них, а если есть необходимость разъяснять какую-то позицию, то делать это в открытой дискуссии. При этом убеждения и разъяснения должны даваться до, а не после принятия решения. Если же убедить не удается, то это проблема власти, которую никак нельзя перекладывать на плечи граждан.

Впрочем, прежде чем добиваться этого от сегодняшней власти, демократам необходимо вспомнить, что в последние 10 лет «железной рукой к счастью» людей пытались и пытаются вести уже совсем не коммунисты, традиционно считающиеся нашими главными оппонентами.

Время назад...

Несмотря на легко возникающие ассоциации с не таким уж далеким прошлым, заблуждением было бы жестко увязывать все активнее формирующуюся имитационную демократию с откатом назад.

Такая концепция в значительной степени искажает суть дела, позволяет сторонникам действующей власти (особенно справа) переводить поток критики в более или менее безопасное русло: авторитарные эле-

менты называются хотя и опасными, но пережитками прежних времен, полный возврат к которым тут же признается невозможным, потому что президент «позиционирует себя как либерал».

Между тем наиболее реальная опасность — это формирование новой авторитарной или тоталитарной системы, вполне совместимой с банальной рыночной экономикой (вопрос об эффективности такой экономики и ее соответствии вызовам XXI века — отдельный). В то время как большая часть критического потенциала обрушивается на коммунистов, начинает формироваться правонационалистический фланг политики, гораздо более динамичный и опасный как с точки зрения «свежести» идей, так и с точки зрения контактов с действующей властью. Идеи пиночетовщины все последнее десятилетие не утрачивали популярности среди представителей российской элиты, а сегодня они кажутся особенно востребованными. Игнорирование интересов большинства населения страны, дальнейший отказ государства от социальных обязательств, перспектива которого явно прослеживается, например, в проекте жилищно-коммунальной реформы, неизбежно вызовет углубление раскола в обществе. Сохранение экономически неэффективной, непрозрачной крупной собственности за нынешними «ваучерными» и «залоговыми» владельцами все более явно предлагают сделать платой за свободу.

К сожалению, готова пойти на такую сделку и часть демократов, те, кто называет себя прагматиками. Как эта позиция реализуется на практике, мы видели во время разгрома НТВ. Сторонникам такой точки зрения я хотел бы напомнить, что демократы иногда собираются под лозунгом «За вашу и нашу свободу», но не «За нашу и вашу собственность». Что же касается прагматичных сделок, то в 1999 году, когда часть

российских демократов выступила под флагом возрождения в Чечне российской армии, им тоже казалось, что это временно, ради успеха на выборах. Тот «прагматизм» — принципы в обмен на проценты — стал началом пути ко многим сегодняшним политическим проблемам.

Говоря об «опасности справа», нельзя не затронуть тему либерализма как экономической политики, ведь приверженность ей российской власти — главный аргумент ее правых сторонников. Почему-то принято считать либеральной ту экономическую политику, которая проводилась в нашей стране в последние десять лет. Судя по программным документам, принятым на организационном съезде СПС, идеологи правых верны ей до сих пор. Своей главной задачей СПС объявляет «защиту завоеваний молодого российского капитализма», а главной угрозой ему — «социальное иждивенчество, несовместимое со свободой». Помогать, по их мнению, нужно лишь тем, кто входит в составленный ими «исчерпывающий список» — старикам, обездоленным детям, инвалидам, жертвам войн, природных и техногенных катастроф.

Такого либерализма в соседней с нами Европе давно не существует. Европейские либералы пришли к принципиально иной системе взглядов, осознав, что только часть общества способна обеспечить себя благодаря позициям, которые она занимает на свободном рынке. Они поняли, что существование в обществе привилегированных групп, достигающих преимущества за счет потерь и страданий других, на фоне массового обнищания, несовместимо с подлинной свободой. Они признали, что либерализм без равенства стартовых условий невозможен.

Концепция социального государства заняла одно из приоритетных мест в программах либеральных

партий. Европейские либералы видят свой идеал в рыночном хозяйстве с эффективными социальными результатами и стремятся к высоким темпам социального прогресса, особенно в здравоохранении, образовании и науке.

Для нашей страны, в которой доля населения, адаптированная к условиям рынка, значительно ниже, чем в западных странах, эти идеи особенно актуальны. Российские политики сегодня просто обязаны понимать, что не может быть подлинных политических свобод в стране с таким большим числом людей, живущих за чертой бедности, почти полным отсутствием малой и средней частной собственности и предпринимательства, деградирующим образованием.

В наших условиях есть только один путь к устойчивой, реальной демократии – реформы, улучшающие ежедневную жизнь большинства, а следовательно, реформы современного европейского либерально-демократического направления.

ДЕМОКРАТИЯ ДЛЯ ТОЛСТЫХ

«Новая газета», № 59, 20 августа 2001 года

Десять лет назад в нашей стране прекратила свое существование коммунистическая форма правления: ЦК, обкомы, райкомы, коммунистическое правительство.

Заговор высших советских чиновников, который назвали путчем, быстро превратился в фарс и без особых усилий в течение двух-трех дней потерял всякий смысл.

После почти 80 лет Россия навсегда освободилась от коммунистической формы правления – и в этом историческое значение августовских дней.

Десятки миллионов людей искренне и с огромной надеждой поддержали изменения.

Трое граждан России тогда заплатили за них жизнью.

Многое изменилось с тех пор, но заложить устойчивый фундамент демократии в России нам не удалось.

Даже наоборот: чувства свободы и права, собственного достоинства и равенства возможностей, появившиеся у людей в конце 80-х, довольно быстро вновь ушли из нашей жизни. Государственная политика по стилистике и зачастую по содержанию очень напоминает идеи и призывы ГКЧП. О чем неудавшиеся путчисты с одобрением и энтузиазмом начали рассказывать на своих пресс-конференциях. А на Ваганьковском кладбище официально под гимн Советского Союза будут вспоминать погибших в августе 1991 года.

* * *

Десять лет каждый порядочный человек — и особенно каждый непорядочный, — твердил о демократии в России. Заявления о демократических убеждениях стали входным билетом для тех, кто хочет бывать за границей и быть принятым в приличном обществе: для политиков, олигархов, политологов, бюрократов, высших государственных деятелей и мелких чиновников, гэкачепистов.

Но для нас, россиян, было бы величайшим самообманом считать, что в России уже появилась демократия.

Исчезновение формальной коммунистической власти в августе 1991 года — лишь одна из многочисленных предпосылок к возникновению демократии в России. Остальные, увы, не состоялись.

* * *

Демократия — это не система, не доктрина, это даже не учение, которое можно преподавать и усвоить.

Демократия — это не одержанная победа, не однажды достигнутый результат, но задача, которая должна решаться снова и снова.

Это образ мысли, образ жизни, который усваиваешь только тогда, когда живешь им, начиная от личных отношений с людьми и вплоть до межгосударственных.

Наши «крутые политики» и «люди дела», которые хотят, чтобы наконец-то был «порядок», чтобы принимались «сильные» решения, теперь цинично морщатся относительно этой «болтовни». И снова, уже в XXI веке, точно так же, как почти все 80 лет Советской власти, они поносят демократов, у которых только слова, а не дела.

Однако без диалога, без стремления к взаимному пониманию и уважению, без этой сущности демократии, дела наших властей предержащих демократических политиков, во власти «позиционирующих себя либералами», в конечном счете свелись к кровавой войне на Северном Кавказе, не имеющей ни конца, ни смысла, и периодически наступающим жестоким экономическим кризисам, приводящим ко всеобщему обнищанию и разорению нарождающегося российского предпринимательства. Вот это и есть дела, которыми так гордятся.

Но существуют же формальные процедуры, например, выборы и голосования, новая конституция наконец? Выборы, голосования в Думе, основанные не на дискуссии, сопоставлении точек зрения, а на откровенной пропаганде и манипулировании массами, подтасовках, никакого отношения к реальной демократии не имеют. Так же как и машина для голосования большинства. Правота этого манипулируемого большинства лишь в том, что его больше, и потому его решения — силовые.

Власть и деньги заставляют уважать себя. Перед успехом люди не могут устоять.

Очень и очень многие в 20-е и 30-е годы восхищались Муссолини и Гитлером. Разве они не заставили поезда ходить по расписанию, не ликвидировали безработицу, не создали стабильности на рынках? Разве не хлопали в ладоши даже европейцы-интеллектуалы самой демократической в мире так называемой Сталинской Конституции?

Только чем все это закончилось...

* * *

Самый сильный у нас продолжает считаться самым правым. Самый толстый — самым умным. Таких демократий не бывает.

Мы почти не продвинулись вперед с августа 1991 года.

Радоваться нечему. Но есть о чем подумать.

О ВЫЗОВЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА

Заявление от 12 сентября 2001 года

Объединение «ЯБЛОКО» глубоко сочувствует и соболезнует всем, кто пострадал, потерял родных и близких в результате чудовищной террористической акции на территории США. Это трагедия для любого, кто считает себя человеком.

Те, кто совершил это и прошлые преступления, в том числе на территории России, противопоставляют себя не одной стране, но всему человечеству, его традициям, истории, культуре, морали. Противоречия, существующие сегодня во взаимоотношениях между цивилизованными странами — в частности, Россией и США, — должны отступить на второй план перед вызовом терроризма, уже заявившего о себе как о главной опасности XXI века.

Как бы это ни было трудно, сегодня нельзя поддаваться эмоциям. Мы обращаемся к руководству стран Запада с призывом избежать неадекватных ответных мер, способных привести к эскалации напряжения в конфликтных точках планеты, увеличить массовую поддержку террористов, что может повлечь еще более тяжелые последствия.

Реальное противостояние глобальному злу терроризма требует консолидации усилий всего мирового сообщества. Требуются качественно новые решения, которые могут быть найдены только совместными усилиями мирового сообщества. «ЯБЛОКО» поддержи-

вает инициативу срочного созыва Совета Безопасности ООН и считает необходимым в ближайшее время поставить вопрос о создании под эгидой ООН глобального антитеррористического центра, координирующего деятельность национальных спецслужб.

События в США показывают, что развитие современного терроризма опережает совершенствование методов борьбы с ним. Традиционные представления об организации, целях и способах действий террористов должны постоянно пересматриваться. Для России случившееся – сигнал не только к усилению обычных мер безопасности, но и к действиям, упреждающим применение новых террористических «технологий». Особое внимание правительства и спецслужб должно быть уделено системам обеспечения безопасности на внутренних рейсах гражданской авиации, в местах многочисленного скопления людей, на всех радиационно опасных объектах (включая АЭС), химических производствах и т.д.

Мы считаем, что Россия должна заявить о себе как об одном из лидеров мирового антитеррористического движения, главная задача которого – добиться, чтобы наступившее столетие не вошло в историю как «век международного терроризма».

Председатель Объединения «ЯБЛОКО»
Г.А. Явлинский

О ПОЗИЦИИ «ЯБЛОКА» ПО БЮДЖЕТУ-2002

«Экономика и жизнь», 19 сентября 2001 года

Правительственный бюджет при детальном анализе производит весьма противоречивое впечатление.

У «ЯБЛОКА» нет существенных разногласий по прогнозам ВВП или инфляции на будущий год. Хотя мы считаем, что правительство и Центральный банк должны проводить гораздо более активную политику.

Главное, какими будут доходы и как они будут распределены.

Анализ, который мы провели, показывает, что правительство по-прежнему существенно занижает доходы. Вместо того чтобы структурно и системно осуществлять налоговую реформу, повышать коэффициент собираемости по каждому виду налогов и легализовать теневой сектор экономики, в правительстве предпочитают вначале искусственно занижать налоги, а потом доблестно рапортовать о своих победах. Это безответственный и несовременный стиль работы.

Вторая большая проблема – проблема долга. В начале XXI века Россия должна расплачиваться за ошибки прежних правительств. От выплаты долга зависит курс рубля, инфляция, привлекательность нашей страны для инвестиций. Из материалов, представленных правительством, непонятно, как оно собирается выплачивать и реструктурировать долг. Эта неясность породит в будущем множество химер, неуверенность в твердости национальной валюты, снизит инвестиционную привлекательность страны.

В расходной части бюджета, на первый взгляд,

полная определенность и позитивные сдвиги, которых «ЯБЛОКО» добивалось последние годы. Например, приоритеты, которые наша фракция выделяла в бюджете-2001, отмечены как приоритеты правительства в бюджете-2002. Это судебно-правовая реформа, финансирование которой увеличено на 66% (при инфляции порядка 18%). Несомненной победой является увеличение расходов на образование в два раза. Мы уже пять лет об этом говорим — это инвестиции в будущее, предотвращение утечки мозгов.

Следует отметить также повышение заработной платы бюджетникам. Однако на это надо смотреть хотя бы в рамках элементарной двуходовки. Проанализировав правительственный документ, мы обращаем внимание на целый ряд решений, которые фактически приведут к массовому повышению коммунальных тарифов для населения с начала 2002 года. А это значит, что повышение заработной платы бюджетникам будет тут же съедено. Упомянутые решения приведут к обогащению монополистов, а не к реальной структурной реформе жилищно-коммунального сектора, так как никакого плана реформы ЖКХ, кроме повышения тарифов, не существует.

Еще одна проблема, о которой мы говорим очень давно (мы детально прорабатывали эту тему в альтернативном проекте бюджета «ЯБЛОКА» на 2001 год), к сожалению, не решена в этом бюджете — это проблема военной реформы. С одной стороны, раскрывается часть военного бюджета (мы это предлагали и приветствуем), а с другой стороны, по целому ряду позиций военные статьи засекречиваются, причем абсолютно бессмысленно. Например, мы должны информировать мировое сообщество, как мы уничтожаем химическое оружие, но для российских граждан эта статья — тайна. Ничего не делается для перехода

на контрактную армию, для реализации военной реформы. Военные расходы уменьшаются, так что непонятно, как правительство собирается выполнять наказ президента о сокращении вооруженных сил, об их профессионализации. Налицо полное бездействие российского правительства в важнейшем для российского будущего вопросе.

По-прежнему остается закрытой невоенная часть бюджета Минатома. Мы это связываем с политикой правительства по ввозу отработавшего ядерного топлива. В бюджете в принципе не решаются вопросы ликвидации и переработки российского ОЯТ. Это несомненный минус.

Непонятно, почему так сильно растут расходы на представительские нужды.

Одним словом, бюджет нуждается в существенной доработке. «ЯБЛОКО» представило свои предложения по дополнительным доходам и уточнению расходов правительству и будет продолжать эту работу.

ВОЙНА С НАРОДОМ ПОБЕДНОЙ НЕ БЫВАЕТ

«Новая газета», 1 октября 2001 года

То, что случилось в Соединенных Штатах, не имеет никаких оправданий.

Не имеет значения, какие политические и религиозные мотивы, какая жажда мести лежат в основе этой акции. Уничтожение огромного числа безвинных и совершенно беззащитных людей не имеет объяснения и не может быть ничем мотивировано.

Такое понимание должно стать общей платформой для обсуждения участия России в борьбе с мировым терроризмом.

Существуют разные точки зрения на формы участия нашей страны в этой борьбе. Но нужно ясно понимать, что сегодня отношение к нам всего мира во многом зависит от нашей позиции в этом вопросе. Наша нерешительность, промедление, двусмысленность могут стимулировать террористические действия.

Международный терроризм должен получать международный отпор. Иначе с ним не справиться. В этом вопросе не должно быть места рудиментам холодной войны. Поэтому мы поддерживаем заявления президента России от 11 сентября и его консультации с лидерами европейских государств.

Убежден, что ни Россия, ни Соединенные Штаты не должны руководствоваться чувством мести при выработке программы действий по борьбе с терроризмом. Что же может быть критерием? Национальные интересы наших стран. С точки зрения борьбы с международным терроризмом они совпадают.

Для России — это уничтожение баз террористов, где бы они ни находились, и особенно внутри нашей страны либо в непосредственной близости к ней. При этом наш интерес и в том, чтобы антитеррористические действия не привели к дестабилизации на наших границах или в странах — наших союзниках.

Наш горький опыт, о котором мы сегодня предательски умалчиваем, хотя у нас подобные трагедии происходят буквально каждый день, говорит о том, что широкомасштабные военные операции в борьбе с терроризмом неэффективны. Они не противодействуют террору. Война с целым народом приводит к обратному результату. Это должно стать исходным пунктом международной антитеррористической операции.

Нельзя возложить ответственность за то, что произошло в США, ни на арабские страны в целом, ни на мусульманские государства. Более того, участие арабских стран в процессе создания международной антитеррористической коалиции особенно важно.

Строго соблюдая международные договоры и процедуры, Россия должна участвовать в выработке плана по борьбе с терроризмом, чтобы готовиться координировать деятельность своих спецслужб. Думаю, это может предотвратить принятие необдуманных и непредсказуемых по последствиям решений. Не надо ждать, какой план нам пришлют.

Многие говорят, что терроризм — невидимый враг. Но нас он видит очень хорошо. У терроризма есть ячейки по всему миру, система коммуникаций, переправки оружия, финансовых средств — это очень сложная сеть. Бороться с таким врагом исключительно сложно.

У террористов нет моральных ограничений, у них есть только технические ограничения. А мы, борясь с террористами, должны оставаться людьми — людьми демократических убеждений, людьми, для которых уважение к человеческой жизни — высшая ценность, людьми, защищающими либеральные свободы. Только так мы сможем постоянно увеличивать число своих сторонников и потому вести настоящую, реальную борьбу с системой террора.

Да, сегодня решения принимаются не в Государственной Думе и, к сожалению, даже не в России. Но от имени фракции «ЯБЛОКО» мы предлагаем, чтобы Государственная Дума в самое ближайшее время приняла решение о немедленном выделении средств в пределах бюджета текущего года на оборудование границы на Кавказе, на оборудование границы со Средней Азией, на охрану атомных объектов и станций, на укрепление безопасности авиаперевозок. Наши расчеты показывают, что государство сегодня может выделить на это до одного миллиарда долларов. Это конкретная задача.

А террористы-фанатики должны понимать: мы будем так же защищать жизни своих граждан и свои ценности, как они защищают свои.

ДОСТУПНОЕ НАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДЕТЯМ ВСЕЙ ПЛАНЕТЫ

Выступление на международной конференции «Форум-2000». Прага, 16 октября 2001 года

На прошлой неделе в Праге состоялось заседание международной конференции «Форум-2000». Пятый год президент Чехии Вацлав Гавел собирает для обсуждения узловых вопросов мировой политики «decision makers» – людей, влияющих на принятие государственных решений.

В этом году на форум, посвященный проблемам прав человека в свете изменений, произошедших в мире после 11 сентября, были приглашены экс-президент ФРГ, подписавший договор об объединении Германий Рихард фон Вайцзекер, экс-президент ЮАР, положивший конец эпохе апартеида, Фредерик де Клерк, экс-президент США Билл Клинтон, министр иностранных дел Израиля Шимон Перес, лидер иракской оппозиции шейх Моххамед Моххамед Али, философ и политолог Фрэнсис Фукуяма.

Итоги работы Форума за пять лет подведены в Пражской декларации, обращенной к государствам, международным институтам и всем людям доброй воли. В текст Декларации вошла поправка Григория Явлинского:

«Статья 10. Всеобщее начальное образование.

Организация Объединенных Наций вместе с другими международными организациями и правительствами стран-членов ООН должны реализовать про-

грамму, которая гарантирует доступное начальное образование детям всей планеты в целях уничтожения невежества, нищеты и терроризма, который произрастает на этой почве».

Реализация этой статьи станет событием мирового масштаба. Необходимость образовательной программы Г. Явлинский обосновал в своем выступлении на Форуме (публикуется с сокращениями).

Тема этой части форума — «Международные организации и институты и права человека». Если бы конференция происходила до 11 сентября, мы обсуждали бы институциональные проблемы мировой политики, взаимодействие международных организаций, структурные проблемы ООН и ее способность проводить политику, основанную на принципе соблюдения прав человека.

Было бы важно обсудить, почему европейские политики так много говорят о правах человека, используя это как ширму, а на самом деле осуществляют так называемую «реальную политику», входящую в прямое противоречие с ценностями, о которых они так любят заявлять.

Мы обсуждали бы, например, почему Парламентская ассамблея Совета Европы так неэффективна в таком сложном и важном деле, как решение чеченской проблемы, и почему влияние ПАСЕ падает. Мы должны были бы обсудить проблему институционального подхода к правам человека, в особенности, отношения между политикой прав человека и национальными государствами. Кризис в данной области очевиден как никогда. В частности, важно было бы обсудить такую проблему, как создание государственной бюрократией лжедемократии, управляемой демократии, или, как мы говорим, «потемкинской деревни». Надо было бы задаться вопросом, как этому противостоять.

Все это исключительно важно, но после 11 сентября наша дискуссия должна быть о другом.

* * *

По моему мнению, терроризм по своей сути представляет собой вызов всей концепции прав человека и гуманистической традиции в целом. Это вызов тому, что лежит в основе государственного устройства европейских стран и многих стран мира.

Обычно во время войны обе стороны используют друг против друга практически одинаковые методы и средства. Побеждает сильнейший.

Сегодня мы столкнулись с явлением другого рода. У террористов нет никаких ограничений, кроме технических. Мы же обязаны действовать в рамках наших демократических принципов, ценностей и взглядов — всего того, что мы называем правами человека. Война с терроризмом не должна разрушить достижения человечества в этой области.

Для тех, кто, возможно, захочет воспользоваться войной с терроризмом как прикрытием для подавления политической оппозиции или достижения иных политических целей, не может быть никаких оправданий. И мы очень скоро увидим первые признаки таких попыток, если не будем внимательно следить за тем, как ведется антитеррористическая деятельность.

Мы должны твердо стоять на том, что борьба с терроризмом должна вестись без уступок и измены базовым ценностям прав человека. Это должно стать главной целью и девизом и государств, и международных институтов.

...Сегодня я слушал дискуссию о богатых и бедных и вытекающих из этого проблемах. Я не хочу никого обидеть, но должен сказать, что данная мысль верна и в то же время банальна. Думаю, так будет

всегда: всегда будут богатые и бедные. Сегодняшняя бедность отлична от той, которая существовала сотни лет назад. Я думаю, что и через триста лет человечество будет стоять перед этой проблемой. Это заложено в самой природе человеческого общества. Это ни хорошо и ни плохо, это просто факт человеческой жизни, просто одни люди способнее других, у некоторых рост 2 метра, а у других — 1,60. Что с этим поделать?

Тем не менее в связи с сегодняшней дискуссией я хотел бы сказать, что существует принцип, с которым абсолютно всем необходимо согласиться: «не может быть оправдания — ни религиозного, ни политического, ни какого-либо другого — убийству невинных беззащитных людей!» Именно это должно быть исходным пунктом любой дискуссии. Было бы абсолютно непродуктивно и даже контрпродуктивно начать рассуждать о том, что в мире есть богатые и бедные, что это оправдывает или объясняет произошедшее. Да, многому есть объяснение, но не акту убийства невинных безоружных людей. Это вообще недопустимо! В этом смысле причиной терроризма является не бедность, а подлость.

Что мы можем сделать сегодня на этом форуме для предотвращения роста терроризма и одновременного сохранения и укрепления политики прав человека? Серьезность ситуации призывает нас обсудить практические решения некоторых важных проблем.

Первое. Я предлагаю внести в Пражскую Декларацию пункт о доступности, в том числе и бесплатности начального образования для детей во всем мире. Образование — самый короткий, наиболее эффективный и значимый путь предотвращения терроризма. Как экономист могу привести цифры, доказывающие, что у человечества достаточно финансовых средств,

чтобы немедленно развернуть образовательные программы по всему миру — «Доступность начального образования для всех детей планеты без исключения». Об этом надо задуматься уже сегодня: деньги есть, проблема обозначена и мы должны ее решить! Это сложно, но не думаю, что в нынешней ситуации вообще есть простые решения.

Второе. Включить в Декларацию форума пункт о продовольственной программе для беднейших стран. Я имею в виду не продовольственную помощь, а продовольственную программу. Странно, когда продовольственная помощь приходит только с началом войны. Почему мы должны ждать, пока разразится война?!

Сама дискуссия по этим двум проблемам могла бы помочь в борьбе с терроризмом.

Еще один важный вопрос. Скоро в Нью-Йорке состоится встреча религиозных лидеров, на которой, по всей видимости, будут обсуждаться вопросы противостояния терроризму.

Но я считаю, что такая конференция должна проходить где-нибудь в Аммане или другой мусульманской стране, а не в Нью-Йорке. Такой уж сейчас момент.

Полагаю, что одним из наиболее эффективных инструментов в ограничении масштабов терроризма могли бы стать теологические трактовки и объяснения. Это должно произойти на самом высоком уровне во всех конфессиях, и особенно в исламе. Я думаю, что люди, занимающие самые высокие позиции в исламе, одной из величайших религий мира, должны еще и еще раз объяснять на самом высоком уровне, что убийство невинных людей не имеет ничего общего с исламом и не может ни в коей мере и никак быть вознаграждено — ни на земле, ни на небе, ни сегодня, ни через тысячу лет. Все двусмысленности в трактовке священных писаний ислама должны быть устране-

ны. Это чрезвычайно важно, и если мы действительно хотим что-то сделать, мы не должны закрывать глаза на это. Я думаю, что это имеет прямое отношение к нашей сегодняшней дискуссии.

И в заключение я хотел бы обратить ваше внимание на то, что Афганистан граничит с ядерными державами — Пакистаном, Индией, Китаем и практически с Россией. Две другие ядерные державы — Соединенные Штаты и Великобритания — принимают участие в военной акции против Афганистана. Все это в совокупности: теракты в США, распространение сибирской язвы, война в Афганистане — красноречиво говорят о ситуации в мире.

Я думаю, настало время не только для заявлений и не только для военных действий. Думаю, наш форум был бы чрезвычайно полезен, если бы мы включили в повестку дня обсуждение практических шагов в деле борьбы с терроризмом.

СТРОИТЬ ДЕМОКРАТИЮ НЕ ХОТЯТ, ПОЭТОМУ СТРОЯТ «ПОТЕМКИНСКУЮ ДЕРЕВНЮ»

«Московский комсомолец», 18 октября 2001 года

Помните, как десять лет назад на перестроечном небосклоне сияли десятки политических звезд — ораторов, мыслителей, возглавлявших десятки собственных партий? Где они теперь?

Кто-то превратился в олигарха, кто-то — читает лекции в Америке... В большой политике, как ни странно, остался с тех пор всего один человек — Явлинский. Единственный, кто дошагал до сегодняшнего дня вместе со своей партией — с тем же «ЯБЛОКОМ», каким оно было с самого начала.

Конечно, отдельные люди иногда менялись. Кто-то приходил, кто-то уходил, последними словами ругая Явлинского. Давным-давно ушел таким образом Юрий Болдырев, давший названию партии свою букву «Б». Сейчас уходит Вячеслав Игрунов, занимавшийся партстроительством. Но это все обычная текучка — в любом коллективе амбициозные люди порой ссорятся, хлопают дверями. Ерунда, о которой даже говорить не стоит. Через месяц все то, что сейчас пытаются раздувать соперники, забудется напрочь, а «ЯБЛОКО» останется таким, как было. Это случалось уже не раз, но ни одна из подобных историй не повлияла на удивительное политическое долгожительство Явлинского и его партии. Будто есть у них какой-то несгибаемый стержень убеждений, которые не

подвергаются сомнениям и позволяют сохранять цельность и последовательность, несмотря на любые изменения политической среды.

Явлинский в последнее время редко дает интервью. И раз уж нам предоставилась возможность задать ему вопросы, мы старались спрашивать о главном: о войне, о политике президента Путина, об ошибках и достижениях. О том, куда нам надо идти и куда мы идем на самом деле.

1. Война и терроризм

— Как вы думаете, какой результат будет иметь антитеррористическая операция США? Победят американцы терроризм?

— Тема «антитеррористической операции» состоит из двух частей. Одна часть — военная операция, которая началась и будет так или иначе идти. Другая часть — причины терроризма. Об этом сейчас в мире мало говорят.

— Терроризм — оружие слабых. Сильные придушили слабых. Слабые, не имея адекватных сил и средств, стали отвечать тем, чем могут, то есть террором. Тогда сильные сказали: ах так, ну мы еще сильнее вас придушим. В ответ они, соответственно, получат еще более страшный террор. Другими словами, я не вижу логики в действиях США. А для вас в них все понятно и обоснованно?

— Есть публичная сторона дела. Есть общественное мнение. Буш должен показать, что он защищает своих граждан, поэтому он дает вот такой ответ на террор — военно-технический. Но сейчас все больше будет появляться размышлений о проблеме существа дела — о причинах террора. Эта проблема тоже распадается на две части. Одна часть — болезни общества, которые порождают базу терроризма. Это касается всех обществ. В той же Америке есть секты самоубийц. Дети расстреливают друг друга в школах... В каждом обществе есть те, кто обделен, кто не может добиться справедливости. Посмотрите, что случилось в Швейцарии после 11 сентября — какой-то человек застрелил четырнадцать депутатов. Хотя, казалось бы, Швейцария! Такое уравновешенное, благополучное общество! Но болезни и там есть, и события в Нью-Йорке, похоже, сдвинули какую-то психологическую заслонку.

Есть болезни общества — это первое. Кроме того, есть то, о чем вы говорите: слабые, обделенные, угнетенные, которые иногда думают, что террор — единственный способ компенсировать свою униженность.

— Чеченский терроризм имеет те же корни. Политика, которая проводится в отношении Чечни, — насколько она эффективна и перспективна?

— Политика в Чечне абсолютно тупиковая, крайне бессмысленная и опасная. Все, кто поддержал эту политику в 99-м году, несут всю меру ответственности, включая политические силы, которые на этом прошли в Думу. Включая журналистов, которые подзуживали и подпихивали, а теперь попрятались по щелям и не знают, что сказать. Включая военных, которые опять обещали несбыточное.

— Президенту наврали, а он поверил? Ладно, пускай президент виноват меньше всех, но теперь-то что делать?

— Трудно поверить, что за два года нельзя было обезвредить лидеров террористов — Басаева, Хаттаба. Похоже, не было политического решения. Почему? Не знаю. Но не было так, чтоб Путин вызвал директора

ФСБ, командующего группировкой, министра обороны, министра внутренних дел и сказал: «Все. Через месяц лидеры террористов должны быть обезврежены. А если нет, то — все. В отставку. На пенсию». И не как некоторых — на рыбу, на мясо, на яйца. А если было такое решение, почему они не на пенсии?

Второе. Я думаю, это уже не та война, которую вы видели в 94–96-м. Это уже далеко не только чеченцы, которые защищают — или думают, что защищают, — свой образ жизни. Сейчас очень многое изменилось. Появился агрессивный фундаментализм... Все шире открывает свою пасть кавказский капкан. Грузины двинулись в Абхазию, а Рогозин заявил, что «невозможно решать проблему сепаратизма военным путем». Вы не падаете со стула?

— Падаю. После того как мы разбомбили всю Чечню, решая проблему сепаратизма, звучит просто восхитительно.

— Но это значит, что русские не позволят, чтоб грузины захватили Абхазию. А грузины, значит, не помогут закрыть границу с Чечней. Капкан. Поэтому задача политического решения остается главной. Но дело зашло так далеко, что теперь нужна огромная предварительная работа, чтобы переговоры с Масхадовым и другими были позитивными. Спекулировать на тему переговоров не следует.

2. Внутреннее и внешнее

— Как вы оцениваете внешнюю политику президента?

— Неделю назад в Брюсселе Владимир Путин сделал исключительно важные шаги. Он фактически заключил союз с Западом, подписал важнейшие соглашения, запустил «Евроньюс» на русском языке, подписал соглашения о городах-побратимах, о содействии нашей научно-технической продукции. Вообще сейчас, во время мирового кризиса, поведение президента обнадеживает. Все шаги президента, начиная с 11 сентября, я поддерживаю. Одна проблема: я не знаю, насколько все это серьезно. Не знаю, под влиянием каких мотивов были сделаны эти шаги и не повернется ли все вспять через два дня.

— Вы как-то для себя разделяете президента и команду его советников-помощников?

— Президент, конечно, несет ответственность за них за всех. Они либо делают то, что он им позволяет, либо он их не контролирует. Но я должен сказать, что сам по себе президент иногда оказывается гораздо прогрессивнее, чем вся его компания вместе взятая.

— Внутренняя политика вас тоже радует?

— По внутренней политике есть серьезные разногласия: Чечня, отказ немедленно начать переводить армию на профессиональную основу, ввоз ядерных отходов, контроль над СМИ, особенно над телевидением, манипулирование на выборах всех уровней, судебная система как хозрасчетный инструмент сведения счетов, отказ расследовать катастрофу «Курска»...

— По-моему, то, что вы сказали, объединяет общая причина: выстраивая свою внутреннюю политику, власти абсолютно не считаются с политическими (и неполитическими) силами общества.

— Правильно. Знаете, какая главная работа у президента России? Согласование интересов. Он согласовывает различные интересы и соблюдает баланс

между ними. На этом балансе как раз и вырабатывается вектор «здорового» направления развития, в котором будут учтены интересы всех. Вместо этого власти сейчас манипулируют разными силами. Вместо высшей математики у них начальная арифметика. Сложим правых с центристами — задавим левых. Сложим левых с центристами — задавим правых. Построились? Вот, у нас демократическое общество.

На самом деле это не демократическое общество, а «потемкинская деревня». Строить демократию они не хотят, она для них противопоказана во всех смыслах. Поэтому они строят «потемкинскую деревню».

*— По-вашему, власти **не хотят** строить демократию? Или хотят, но **не понимают**, как ее строить?*

— Я хотел бы раскрыть это слово, которое вы произнесли, — «не понимают». Поскольку последние десять лет у нас правили только люди, которые раньше были членами ЦК КПСС, головы у них оставались прежними, а страна была уже совсем другая. Столкновение старого способа думания с реальной жизнью страны в течение последних десяти лет привело к двум войнам, одной гиперинфляции, двум дефолтам и к началу гражданской войны в 93-м году. Сегодняшнее непонимание — это та же номенклатурно-коммунистическая голова пытается рулить изменившейся жизнью. Их столкновение приводит ко всяким чудесам типа назначений уполномоченных президента в округах.

— В администрации президента сейчас работают вовсе не старые люди. Павловский — он же не коммунист. Как раз новый человек.

— Это другое. Он зарабатывает деньги. Умело приспосабливается к «голове». Смотрит, как она устроена, чего она хочет, и в пределах этого мастерит — чтоб «голову» удовлетворить. Примитивным советским позывам придает современную форму бомондного типа. «Чего вы хотите? — КПСС хотим. — Сейчас сделаем». Пожалуйста, «Единство» с «Отечеством», правящая партия, главная цель которой — поддерживать политику президента. Осовремененная КПСС.

— Если это так ясно, что вся внутренняя политика — «потемкинские деревни», совковые позывы в современной форме, — то почему граждане соглашаются играть в эту игру? К примеру, затея кремлевской администрации с Гражданским форумом. Ясно, что «потемкинская деревня». Но уважаемые организации тем не менее согласны участвовать.

— Гражданские организации бывают разные. Аквалангисты, филателисты, пчеловоды, кролиководы, друзья чистоты во дворах... Если государство поворачивается к ним лицом, я очень это поддерживаю. Им надо идти на этот форум, и я хотел бы, чтоб Путин внимательно прислушался к кролиководам, пчеловодам и аквалангистам и внял им. И чтоб в регионах губернаторы тоже провели такие форумы, и дали им помещения и немножко денег, и не гоняли бы их, и разрешали им что-то делать. Я бы очень, очень этого хотел. Но есть другая часть гражданского общества, которая возникла, чтобы следить за властью.

— Правозащитники?

— В том числе и они. Это люди, независимые от власти. Они за этой властью наблюдают. Они следят — насколько власть выполняет законы, касающиеся человека и его свободы. Вот такие организации не должны строиться. Для того чтоб их Путин слушал, не надо их звать ни на какой форум, а надо сказать, что

с завтрашнего дня на канале РТР им предоставляется один час в неделю, чтобы они там в прямом эфире говорили все, что хотят. Им нужен доступ к общественному мнению, чтобы они могли говорить, в чем власть поступает неправильно.

— И что это изменит?

— Если они будут вот так выступать по телевидению и критиковать власть, это и есть обращение к Путину. С ними же поступают совсем по-другому. Хотят завести их в Кремлевский дворец и там с ними фотографироваться. А потом тех, кто плохо оденется или не придет на следующую съемку, — выкинут. А всех остальных — оставят. А общество тем временем с болью и кровью начнет рожать новые такие структуры.

Ведь в советское время тоже всякие были комитеты. Комитет советских женщин, Комитет защиты мира, фонды культуры... Но общество все равно всегда рождало людей, которые считали смыслом своей жизни соблюдение прав человека. Посмотрим. Но думаю, что все, что обюрократилось за последние годы, присосалось к комфортным условиям жизни в правозащитной сфере — все сгинет там, в Кремлевском дворце съездов. А те, кто настоящие, — пускай и с потерями, но сохранятся.

3. Россия и Запад

— Считается, что «ЯБЛОКО» — прозападная партия. Думая о переустройстве России, «ЯБЛОКО» смотрит на западные страны, их ценности и на правила, по которым они живут.

— Мы готовы посмотреть куда-нибудь еще, но что-то нигде ничего не видать...

— Что такое для вас — «западные ценности»?

— Христианские. Десять заповедей — если вы о ценностях. А если говорить об устройстве общества, то это разделение властей, независимый суд, возможность выбрать своего кандидата — без подтасовок, возможность писать и говорить все, что считаешь нужным, возможность контролировать собственное правительство, создать комиссию, чтобы выяснить, почему «Курск» затонул.

— Но и у нас те же христианские ценности, те же заповеди, но почему-то в устройстве общества они никак не воплощаются. «Не воруй», но все равно воруют. «Не убий», но все равно убивают... Может, это все-таки — не наше? Может, нам просто не подходят эти ценности?

— Ага, нам подходит, чтоб взятки брать. Чтоб все виды властей находились в свальном грехе. Все — исполнительные, законодательные — в одну кучу.

— Сейчас у нас общество действительно устроено именно так. И меняться, по-моему, оно не собирается...

— Рано еще. Мало времени прошло после семидесяти лет. У нас ведь всю советскую систему ценностей обрушили, а потом с причмокиванием и пританцовыванием десять лет кричали, что неважно, откуда берутся деньги. Главное — чтоб они были. У нас прославляли самых крутых, самых олигархических. Хотя понятно было, что олигархи ничего не создали своими руками, а «поучаствовали в перераспределении» друг с другом. А граждане как к этому отнеслись? Посмотрели и решили, что, наверное, это правильно. И тоже стали «перераспределять»... У нас ведь есть такая тусовка (называется политическая элита) — это тоже толпа, только друго-

го уровня. Просто толпа обычная обсуждает цены на водку и на картошку, а эта толпа обсуждает цены на нефть...

Вы хотите окончательный ответ? Я дам. Только вы потом опять меня спросите: «Почему?». Так вот, у нас не получается, как на Западе, потому что *ложь* пронизывает абсолютно все клетки и все обстоятельства нашей жизни.

— Почему?

— Потому что людей сделали неверующими. И не только в Бога не верят люди, но и в собственные возможности, силы, в собственную страну. При всем квасном патриотизме, которого у нас хоть отбавляй, большинство людей ни во что не верит. Поэтому стараются устроить личную жизнь и не думают, что будет со страной в целом.

— Это единственное, чем Россия отличается от Европы?

— Мы обладаем теми же недостатками, которыми обладают общества Германии, Франции, Англии и прочих западных стран. Весь список их недостатков у нас есть. И еще есть свой, дополнительный. Но у нас все эти недостатки в сто раз сильнее. Поэтому когда я говорю: давайте пойдем по тому пути, который прошли эти страны, — я не имею в виду, что мы таким образом ликвидируем все наши недостатки. Но давайте их хотя бы уменьшать — до того уровня, как у них.

А совсем от них избавиться мы не можем. События с терроризмом показывают, что есть коренные проблемы общества вообще. Мирового, человеческого. С ними надо разбираться отдельно.

Но наше правительство и наш президент — ничем не хуже английского или американского. Разница в том, что у них есть судебная система, а у нас нет. У них есть

парламент, у нас — непонятно что такое. У них есть контроль за бюджетом — у нас нет. Поэтому президенты и правительства одинаковые, а ведут себя совершенно по-разному...

Как можно врать без конца по любому поводу? А у нас врут. Но если бы в стране было пятьдесят телекомпаний, и каждая свое глаголила, это вранье исчезло бы. Его бы сразу обнаружили. А когда у нас все монополизировано и все «Новости» говорят одно и то же — тогда чего же...

— Почему же вы тогда говорите, что у нас президент и правительство ничуть не хуже, если они как раз нацелены на то, чтоб не было пятидесяти телекомпаний, а было — три, и все выполняли указания Кремля?

— Дело в том, что наши люди все позволяют, а их — нет. Попробуйте у них подчинить телевидение правительству — граждане не дадут. А у нас — пожалуйста. Но если у них люди позволят то же, что и у нас, их политики будут вести себя, как наши. У руководителей западных государств нет задачи — создать новое общество. К ним нынешнее устройство перешло по наследству... Вообще, в иностранцах меня всегда удивляло, как легко они готовы рассказать, что должно быть, но понятия не имеют о том, к а к это сделать.

«Вам нужна банковская система!» Я спрашиваю: «А как у вас-то появились банки?» Никто не знает. Я не нашел никого, кто бы мне мог объяснить, как появились первые банковские, финансовые учреждения. Но один очень известный банк ответил — это когда я прижал их в углу и спросил: «С чего начинался ваш банк?» Они сказали: «Если вы никогда никому не расскажете, мы вам скажем. Наш банк начинался с работорговли». Первый капитал — на рабах. ...То есть

это не совсем так, что они не знают. Просто не с руки объяснять... А я им говорю: «Вот мы как раз сейчас именно на этом этапе!»

— Зачем тогда ругать наших олигархов за то, что они поучаствовали в переделе, если это был хоть и бандитский, но закономерный этап?

— Просто есть такое понятие — человеческий опыт. Хотелось бы не все делать с самого начала. Конечно, можно оставить все так, как идет. Тогда через триста лет у нас, может быть, будет как в Америке сейчас... Но смысл, который я вижу в своей работе, в том, чтоб не проходить весь путь — триста лет — как они, а сократить его, обойти самые болезненные точки...

— Вы исходите из того, что у России нет иного пути, кроме западного. Просто западные страны ступили на эту дорогу раньше, поэтому они впереди, а все остальные тоже туда придут, только позже. Но есть иные точки зрения. К примеру, сейчас в моде «теория цивилизаций». Россия — не западная цивилизация, а особая — православная, славянская, поэтому западный путь развития ей не подходит.

— Какая у нас другая цивилизация? Приезжают русские в Америку, живут там точно так же, как все... Конечно, у России — свои особенности, свои традиции. Но помимо этого есть еще общечеловеческие законы жизни. Их лучше не нарушать.

— Что такое «законы жизни»?

— Опыт человечества. Просто нельзя безнаказанно экспериментировать над жизнью. Нельзя попробовать фашизм, коммунизм, бандитский капитализм. Это не проходит просто так. Это уничтожает ткань жизни народа.

Человек не является суверенным, он не может строить свою жизнь так, как ему хочется. Он получил жизнь. Жизнь — это дар. Его можно использовать по определенным правилам. Если правила не соблюдать, ты этот дар потеряешь.

Так и общество. Когда наше общество не хочет прислушиваться к историческому опыту человечества, оно очень страдает.

— Другими словами, вы категорически не согласны с тем, что у России должен быть свой, особый путь развития?

— У нас все будет по-нашему, с учетом всех российских особенностей и традиций. Но идти надо в ту сторону, куда идут европейские страны. Через это движение и преломляются все особенности и традиции. Потому что если просто их констатировать — тогда надо сказать, что у нас есть таинственный особый путь. Смысл его заключается в том, чтоб как можно больше народу морить, обижать, лицемерить, манипулировать людьми. Еще обязательно пугать, стращать наше собственное население. Обязательно ползать, пресмыкаться перед иностранцами и облизывать им ботинки и за это их же ненавидеть. Вот такой, что ли, наш особый путь?

— Куда сегодня направлен вектор нашей внутренней политики? Равнение на Европу? Или на Азию?

— А пойдите поговорите с нашей э-ли-той. Они все говорят: ну конечно, надо в Европу, мы уже в Европе. Но в Европу — это что для них означает? Кофе с круассаном на Елисейских полях, вилла, счет в банке в Германии. Это — мы в Европе. А в душу нашу таинственную — не суйся. Гадили сами себе — и будем

гадить. Мы так любим. И, кстати, почему вы не признаете нашу экономику рыночной?..

— Но как это изменить? Людям не нужны иллюзорный рынок, обманное повышение зарплаты. Нужно реальное.

— Никто ничего менять не будет. Властям это не нужно. Все так и будет тянуться, как сейчас. Путин замирится с Америкой, и Штаты нас защитят — чтоб нас не разодрали на куски наши проблемы. Президент все правильно делает. Законсервированное положение. Оно будет тянуться сколько хочешь.

А потом наступит новая политическая реальность. Когда мы совсем отстанем.

4. Люди и власти

— Каким образом граждане могут заставить власть слышать и слушать себя? Я сейчас имею в виду местных руководителей. Скажем, нужно во дворе сделать стоянку для машин, потому что их столько, что пройти к подъезду невозможно. Вместо этого приходят рабочие и делают газончик. Власти не считаются с людьми даже в таких мелочах. Газонной фирме надо дать заработать — это аргумент, потому что с него они имеют навар. А что жильцам нужно — их не волнует.

— Заставить власти слушаться можно выборами, пикетами, общественными акциями, демонстрациями. Дальше начинается терроризм — оружие слабых.

— В начале перестройки был такой случай. Чиновнику мэрии обиженный проситель голову отрезал. Но серьезно: есть масса вещей, от которых

люди страдают. Они не знают, как добиться от властей решения своих проблем. Они ходят поодиночке по инстанциям, пишут какие-то письма, глотают сердечные капли, и все на них плюют.

— Граждане должны вступать в их собственные общественные объединения, организации. Если бы в городах существовали многочисленные организации горожан, у которых был бы свой представитель, свой лидер, они могли бы добиваться своего у власти. И мэр, и губернатор стали бы с ними разговаривать. А если они не могут этого сделать, они не будут с ними разговаривать. Вот и все. Так весь мир устроен. Во всем мире именно так люди добиваются своего.

— Но даже от Лужкова не все зависит. Множество проблем он не может решить, потому что для этого нужно менять законы федерального уровня.

— Замечательно. У Лужкова целая фракция — «Отечество». Пускай она вносит новый закон в Думу. А люди пускай приходят к Думе, звонят Явлинскому, Петрову, Сидорову и просят: вот, «Отечество» внесло такой-то закон, пожалуйста, проголосуйте за него.

— Ага, а потом в Думу прибывает гонец от администрации президента и говорит, что такой закон нам не нужен, поэтому, пожалуйста, не принимайте его, товарищи депутаты. И, конечно, они его не принимают.

— А тогда пускай эти люди больше никогда не голосуют за тех депутатов, которые их обманули и предали их интересы.

— Если вы не делаете то, что мы хотим, — мы за вас не голосуем. Не важно, кто будет избран

потом, после вас, но вы — не будете. Других вариантов нет?

— Другого не бывает. Это и есть западные ценности. В тех странах, где это все работает, — оно и работает. А где не работает — там и живут черт-те как. Как в Латинской Америке... Люди должны объединяться. Вместе они — сила. Если они не предают друг друга, они многого могут добиться.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО ДЛЯ ПОКАЗА ПРЕЗИДЕНТУ ПОСТРОЕНО!

«Общая газета», 22 ноября 2001 года

В среду, за час до сдачи этого номера «ОГ» в печать, в Москве начал работу Гражданский форум. Самая вместительная аудитория столицы — Государственный Кремлевский дворец, как и планировалось, был заполнен до отказа. Поучаствовать в работе форума приехали около 5 тысяч человек, которые представляют почти 3 тысячи общественных организаций различного профиля. Их тепло поприветствовал Президент России Владимир Путин, прибывший в ГКД с большой группой государственных руководителей. Начался, как объявили устроители мероприятия, диалог власти с гражданским обществом. Согласно регламенту он займет два дня. До чего стороны договорятся и как будут жить дальше — покажет, естественно, время. А накануне форума редакция поинтересовалась, что думает о кремлевском сборе граждан лидер партии «ЯБЛОКО» Григорий Явлинский.

— Григорий Алексеевич, доводилось слышать, что Гражданский форум — перехваченная инициатива «ЯБЛОКА», то есть адаптированная версия вашего Демократического совещания.

— Мне так не кажется. Во всяком случае, на график работы Демократического совещания Гражданский форум никак не повлиял. Скоро у нас будет очередное заседание, мы работаем по той повестке, кото-

рую приняли с самого начала. Демократическое совещание — постоянный диалог политических партий демократической ориентации и гражданских организаций, а кремлевский форум — это пока ведь разовое мероприятие, на мой взгляд, чисто имиджевое. Если бы инициаторы этой пиар-акции пришли со своей идеей к президенту после 11 сентября, он бы, я уверен, посоветовал им не заниматься пустяками. Но форум начали готовить еще летом, когда был скандал с НТВ, когда дела в Чечне шли так, что нас критиковали во всем мире, когда приезжал Ким Чен Ир... В это время надо было что-то придумать, чтобы поправить международный имидж президента. И решили показать его строителем гражданского общества. После 11 сентября с мировым имиджем у нашего президента все в порядке, и необходимость в этом грандиозном представлении отпала. Но поскольку мероприятие объявлено, проведена оргработа, выделены большие деньги, отменять форум, понятное дело, неудобно.

— А почему вы не хотите поверить, что это в самом деле попытка наладить диалог власти со структурами гражданского общества?

— Потому что не понимаю, какой может быть диалог, когда в одном месте собирают пять тысяч человек, представляющих великое множество самых разнообразных интересов. Есть, скажем, общества пчеловодов, кролиководов, аквалангистов, защитников дикой фауны — они делают нужное, полезное дело и, видимо, нуждаются в поддержке со стороны государства. Кому-то надо помочь с помещением, кому-то — деньгами. А есть гражданские объединения, задача которых — контролировать действия власти. Например, правозащитные организации. У них с государством, что называется, особые отношения. Вы, власть,

хотите слышать голос правозащитников? Отлично. Дайте «Мемориалу» час эфира на государственном телеканале и слушайте на здоровье. Но нет, эфира правозащитникам не дают, доклады их не читают, на их съезды не ходят, зато приглашают в Кремль пообщаться. Вот такой это диалог...

— В последние дни организаторы форума много говорили о том, что президент не использует ресурс своей популярности. Он располагает огромной поддержкой общества, но нет механизмов, посредством которых можно было бы реализовать этот потенциал в практических целях. Следовательно, мобилизация независимых гражданских организаций — это попытка построить такой механизм. При этом никто, правда, не говорит о тех целях, во имя которых проводится эта мобилизация.

— Можно с уверенностью сказать, что ни одну из задач по строительству современной, конкурентоспособной страны без опоры на гражданское общество решить нельзя. А что конкретно имеют в виду устроители этого действа, мне неизвестно. Белорусский президент Лукашенко, например, тоже любит опираться на общественность. Это такая специальная, «передовая общественность», отобранная для приятного общения с президентом. На ее «глас» он потом ссылается в споре со своими противниками. Не знаю, может быть, и организаторы форума ставят ту же задачу — подменить гражданское общество «передовой общественностью». Но не думаю, что это у них получится. Среди участников этого мероприятия много людей с большим жизненным опытом, они вряд ли захотят, чтобы ими манипулировали. Надеюсь, что здравомыслящие люди не станут зацикливаться на

Гражданском форуме. Это частное, одноразовое мероприятие, оно пройдет, а задачи взаимодействия гражданских организаций и проблемы, которые перед ними стоят, останутся.

ДРУЖБА НА ВРЕМЯ ИЛИ СОЮЗ НАВСЕГДА? РОССИЯ И ЗАПАД ПОСЛЕ 11 СЕНТЯБРЯ

«Общая газета», 24 января 2002 года

Наша партия сразу же и безоговорочно поддержала позицию, выраженную президентом В. Путиным в его телевизионном обращении 11 сентября, — солидарность с США в борьбе с международным терроризмом, курс на сближение с Западом, на установление с ним партнерских, а, желательно, и союзнических отношений.

Во-первых, потому что это была единственно возможная нравственная реакция на трагедию Нью-Йорка и Вашингтона, и к чести нашей страны президент проявил ее немедленно и не раздумывая. В отличие от значительной части нашей политической элиты, которая, не скрывая своего злорадства, пустилась в лицемерные рассуждения о том, что «американцев жалко, а Америку нет».

Во-вторых, потому что решение поддержать глобальную антитеррористическую коалицию было исключительно прагматичным с точки зрения интересов национальной безопасности России. Напомню, что еще за год до сентябрьских событий руководство Совета безопасности РФ публично обсуждало вопрос о возможной бомбардировке лагерей террористов и позиций талибов в Афганистане. При современном состоянии нашей нереформированной армии такая акция привела бы страну к очень опасному для нас развитию событий. Но угроза безопасности России остава-

лась актуальной, и Министерство обороны планировало создание 50-тысячной группировки на южном направлении.

Оказанная Россией США и их союзникам поддержка, в том числе и военная, сыграла ключевую роль в разгроме структуры Аль-Каиды и поддерживающего ее режима талибов. Тем самым была решена и важнейшая задача безопасности России. Дипломатический ресурс, созданный инициативой президента России, позволил использовать в наших интересах военный и экономический потенциал США.

Но помимо прагматического аспекта выбор, сделанный российским руководителем в сентябре прошлого года, может носить стратегический, ценностный характер. Это выбор в пользу долгосрочного союза с западной, с европейской цивилизацией, органичной частью которой Россия является. Для нас несомненно, что великая русская культура — составная часть европейской культуры и достояние европейской цивилизации, которые, в свою очередь, без нее немыслимы.

Мы будем поддерживать и отстаивать этот долгосрочный стратегический курс, потому что мы убеждены, что Россия, которая имеет самые протяженные границы с самыми нестабильными регионами мира, сможет решить проблемы своей безопасности только в рамках союза с Западом, так же как и страны Запада нуждаются в союзе с ведущей евразийской державой.

Но мы выступаем за этот курс еще и потому, что, если этот выбор будет последовательным и долгосрочным, он неизбежно позитивно повлияет и на внутреннее развитие страны. Такой курс в исторической перспективе будет несовместим с системой олигархического капитализма, обрекающего на нищету подавляющее большинство народа, с построением управляемой демократии, с ограничением свободы слова и прав человека.

В то же время есть серьезные вопросы, на которые необходимо дать понятные ответы уже сейчас.

А насколько искренне страны Запада, и прежде всего его бесспорный лидер США, готовы к стратегическому союзу с Россией, союзу, в котором будут отражены взаимные интересы его участников?

А не несет ли глобальная борьба с терроризмом угрозу демократическим институтам в странах, ведущих эту борьбу? Не готовы ли будут их правительства ради успеха в этой борьбе пойти на ограничения свобод и прав своих граждан? И если подобные опасения возникают в странах с вековыми демократическими традициями, то что говорить о нашей России, в которой слова «права человека» все еще вызывают условный рефлекс — «имена, фамилии, явки!».

И, наконец, никакие союзы не могут позволить нам закрывать глаза на нашу национальную катастрофу — войну в Чечне, тем более списывать ее по графе «борьба с международным терроризмом».

Начнем с первого вопроса. Что касается Европы, то ответ сегодня — да. И ведущие европейские лидеры (Блэр, Шрёдер, Ширак), и общественное мнение европейских стран заинтересованы в стратегическом союзе с Россией.

Ситуация в российско-американских отношениях сложней. Позиция поддержки США в борьбе с терроризмом была высоко оценена американским обществом, что нашло свое отражение в выражениях благодарности президента Джорджа Буша своему российскому коллеге во время его визита в США.

Но нельзя не обращать внимание на то, что внутри республиканской администрации имеется достаточно влиятельная группа носителей сильно идеологизи-

рованных, догматических взглядов во внешней политике. Было бы неверно называть эту группу антироссийской. Ее философия унилатерализма не имеет специально антироссийской направленности, а носит, если можно так выразиться, глобальный характер. Она создает проблему даже в американо-европейских отношениях. Суть этой философии — в стремлении США освободиться от любых международно-правовых ограничений, в том числе союзнических, в области контроля над вооружениями да и в других сферах безопасности. Это уже не критика устаревшего Договора о ПРО 1972 года, а принципиальное неприятие любых возможных договоров в области международной безопасности. На такой базе действительно трудно создать что-либо надежное на длительный период.

В этой связи принципиальной и показательной будет судьба ведущихся сейчас российско-американских переговоров по сокращению стратегических вооружений. Они представляются мне в чем-то зеркальным отражением переговоров по проблеме ПРО. Позиция с нашей стороны на этих переговорах все эти годы была негибкой, догматической и плохо аргументированной. Раз за разом упуская возможности выгодных для России компромиссов и развязок, наши представители хором повторяли заученное заклинание: «Договор о ПРО 1972 года — краеугольный камень стратегической стабильности». Такой же негибкой, догматической и слабо аргументированной является позиция тех американских официальных лиц, которые сегодня повторяют новое, уже американское заклинание: «Мы друзья, а какие же договоры нужны друзьям?».

У российской дипломатии в этом вопросе сейчас интеллектуально сильная позиция, и у нее есть все основания убедить американское руководство и большинство американского истеблишмента в ее справедливости и разумности, в том числе и с точки зрения американских национальных интересов в сфере безопасности.

Теперь к вопросу об угрозе демократическим институтам. Такая угроза действительно существует. Вообще надо сказать, что в любом государстве исполнительная власть, уверенная в своей непогрешимости и знании «того, как лучше», инстинктивно стремится к ограничению демократических прав и свобод своих граждан. Поэтому счастливые и несчастливые страны отличаются не инстинктами своих правителей, а степенью зрелости гражданского общества, способного обуздать эти инстинкты. И в целом за западные общества в этом отношении можно не беспокоиться. Попытки администраций ряда западных стран резко расширить под предлогом чрезвычайщины свои полномочия в области контроля над информацией и повседневной жизнью граждан уже натолкнулись на адекватное сопротивление и в обществе, и в конгрессе, и в палате общин, и со стороны международных правозащитных организаций. Наше общество, к сожалению, обладает гораздо меньшим иммунитетом к авторитарным административным недугам.

Наоборот, целый ряд событий последнего времени — «шпионские» процессы, «выдавливание» независимых средств массовой информации, профанация правосудия — говорит прямо-таки о каком-то пиршестве консервативных «силовиков», то ли берущих реванш за свое поражение в определении курса российской внешней политики, то ли спешащих использовать свой шанс под прикрытием борьбы с терроризмом.

Мы будем самым решительным образом бороться с этими тревожными и слишком знакомыми из нашей истории тенденциями. Россия не может стать стабиль-

ной, экономически процветающей страной без становления правового государства и появления развитого гражданского общества.

Она не может стать такой страной и без политического решения чеченской проблемы. Фактор международного терроризма присутствует в чеченском конфликте. Но было бы сознательным и безответственным самообманом рассматривать этот конфликт исключительно в контексте современной борьбы с международным терроризмом. Он продолжается уже не одну сотню лет.

Многие наши политики сейчас с удовольствием констатируют, что Запад стал слабее критиковать действия России в Чечне, или, наоборот, с раздражением отмечают возобновление этой критики. Но ни то ни другое не имеет ни малейшего отношения к реальной трагедии российско-чеченского конфликта. Нас должно беспокоить не то, что скажут о действиях Москвы Буш, или Ширак, или даже Совет Европы. Нас должно беспокоить, что скажут об этих действиях семьи наших погибающих каждый день солдат и офицеров, молодые люди, призываемые на действительную службу, честные и профессиональные командиры, российские ученые и специалисты. Нас должно беспокоить, что скажут об этих действиях российские граждане в чеченских городах и селах, в лагерях беженцев в Ингушетии, что скажет российское общество в целом. Ничего хорошего о них никто уже не скажет.

А у России впервые за последние полтора столетия был шанс выиграть эту войну в умах и сердцах жителей Чечни в сентябре–октябре 1999 года. Беженцы из Чечни тогда проклинали Басаева и Хаттаба. Мы тогда предлагали остановить войска на Тереке, налаживать жизнь на севере Чечни и вести переговоры с Масхадовым, изолируя силы, связанные с международным терроризмом.

Сегодня, уже в гораздо худшей для России ситуации, после всех бомбардировок и зачисток, мы снова предлагаем переговоры, потому что просто нет другого решения. Мы уверены: раньше или позже в Москве будет организована специальная конференция на самом высоком уровне, с участием всех заинтересованных сторон для поиска решения по Чечне. У кого теперь хватит цинизма, как у Чубайса в 1999 году, сказать, что в Чечне «возрождается российская армия»? Все знают, что она там разлагается, что вся призывная система терпит крах прежде всего из-за дедовщины и Чечни.

И это еще одна сторона проблемы. Не может страна, не имеющая современной профессиональной армии, быть чьим-либо серьезным союзником. Военная реформа не должна быть отдана на откуп тем, кто ее сознательно саботирует.

Новый внешнеполитический, а по существу цивилизационный выбор российского президента имеет шанс на успех только при наличии серьезной поддержки со стороны нарождающегося гражданского общества. Требуются не комплименты и аплодисменты, а ежедневная борьба за утверждение в нашей жизни тех ценностей, которые этот выбор предполагает: социально ориентированная рыночная экономика, политические свободы, права человека и уважение достоинства человеческой личности. Тем более что силы, категорически отвергающие эти ценности, влиятельны и могущественны во всех эшелонах власти.

ТЕЛЕВИДЕНИЕ «ДА-ДА-НЕТ-ДА»

«Новая газета», 18 февраля 2002 года

В последние годы телевидение превратилось в мощный институт манипулирования общественным сознанием. Это началось примерно с 1993 года, после памятного референдума «да-да-нет-да» и событий у Белого дома. К 96-му году ТВ стало уже боевым инструментом, с помощью которого Борис Ельцин был избран на второй президентский срок.

В 1999 году телевидение стало даже не инструментом, а заточкой, орудуя которой политтехнологи перекраивают представления людей об их же собственных интересах. ТВ сыграло решающую роль в выборных кампаниях 1999 и 2000 годов. Оно использовалось для создания военной истерии осенью 1999-го, на волне которой начались широкомасштабные действия на Северном Кавказе.

С помощью электронных СМИ можно добиваться любых целей. Этот опыт, скорее всего, и ляжет в основу нового опасного направления грязной политики, которое называется: управление человеческим выбором. Это чревато созданием тоталитарных систем с демократическим фасадом. Этаких «потемкинских деревень», когда все атрибуты гражданского общества вроде бы налицо: Конституция, парламент, суды и т.д., а работать они будут так, как нужно двум десяткам людей, приближенных к власти.

В классической тоталитарной системе, которую долгое время представлял собой Советский Союз, все

делалось более откровенно. Там существовало одно Центральное телевидение. Особенность нынешней системы состоит в том, что она не уничтожает демократические институты, а приспосабливает их к себе.

Так происходит и с ТВ. Сегодня государство не национализирует каналы, оставляя их частными по форме, но теми же агитпроповскими — по существу, по содержанию. Смена собственников НТВ весной 2001 года и ТВ-6 зимой 2002 года со всеми их судами, исками, финансовыми разборками имела единственную цель: установление контроля над этими федеральными каналами.

Люди, конечно, чувствуют, что их сознанием манипулируют. Не все это понимают, но чувствуют многие. Манипуляторы тоже понимают, что их возможности небеспредельны, что политические подтасовки однажды становятся поперек горла. Значит, нужно что-то такое, чтобы люди телевидение смотрели. С этим связана очень серьезная моральная деградация телевидения.

Телевидение демонстрирует чуждые национальному восприятию образцы поведения, нелучшие западные культурные стандарты, культ насилия, низменные — не страсти даже, а инстинкты.

Все это затрудняет сохранение нравственности в обществе, особенно подрастающего поколения. Политическая манипуляция обеспечивается, «подпирается» низкопробным развлечением — оно легче заглатывается. Общественная мораль деградирует гораздо быстрее, чем приживается нравственность. Камень тяжело толкать в гору, но просто — толкнуть вниз.

В чем губительность такой политики? Это путь к необратимому отставанию нашей страны. Оболваненные, дезориентированные, неспособные сравнивать, анализировать, самостоятельно рассуждать, люди не в состоянии создавать экономику XXI века.

Люди, которые открывают газету и не могут понять, какой материал проплачен, а какой нет, какая информация — провокация, а какая достоверна, — такие люди не способны делать открытия, создавать новые технологии, они не способны вывести страну на уровень ведущих государств мира. Их лишают этой возможности, используя электронные средства массовой информации во имя корыстных политических целей.

Здесь нет противоречия: дескать, какая же власть не нуждается в образованном, духовно развитом народе! Наша власть зиждется на экспорте природных ресурсов, и поэтому ей этого вполне достаточно. В Японии пришлось бы либо создать индустрию «Сони», либо погибнуть. В Голландии — научиться выращивать тюльпаны. А в России всегда можно вывезти лишнюю тонну нефти и «решить вопрос». И не нужны никакие новые технологии. Нужно, чтобы народ был ручным.

А вот чтобы народ перестал быть ручным, средства массовой информации должны стать общественно контролируемыми, телевидение — на самом деле общественным. Примеры есть в Великобритании, Германии.

Нет возможности ввести в России платное телевидение — оставьте рекламу, но ограничьте межпрограммными блоками, как это делается на общественном немецком телевидении. Вопрос с финансированием можно решить. Гораздо важнее выработать действенный механизм общественного контроля за СМИ.

ДВА ГОДА РАБОТЫ ПРЕЗИДЕНТА

Специально для сайта www.yavlinsky.ru
23 марта 2002 года

Основное достижение президента — внешняя политика, направленная на сближение с Западом. Эта линия была избрана президентом вопреки сопротивлению политической элиты и собственного окружения. Вектор внешней политики может иметь стратегическую перспективу и стать прологом к становлению России как европейского государства в самом широком смысле слова — от соблюдения прав человека до уровня благосостояния граждан.

Однако серьезное движение в Европу возможно только при условии, что внешнеполитические шаги будут сопровождаться действительно глубокими изменениями во внутренней политике. Таких изменений, кроме отдельных шагов в экономике, пока нет. Проблемы, накопленные за последние десять лет, не решаются, а откладываются, а значит усугубляются.

Построение управляемой демократии, прикрытием которой служат превращенные в пустую формальность демократические институты и процедуры, не решает и не может решить ни одной проблемы. Это относится к плачевной ситуации с судебной системой — она по-прежнему исполняет заказы руководства. У нас не существует разделения властей — вся власть сосредоточена в Кремле. Правительство — чисто техническое, представляет главным образом интересы монополий и крупнейшего, соединенного с властью бизнеса. Оче-

видна неудача федеративной реформы, строительства «вертикали власти»: Совет Федерации стал абсолютно неработоспособным, представителей президента в федеральных округах нельзя назвать значимыми политическими фигурами даже в отдельных регионах. Для региональных выборов обычной практикой стало использование самых грязных технологий с участием судов, прокуратуры и правоохранительных органов. При этом лояльным к Кремлю губернаторам и президентам позволяется не только продолжать произвол, но и избираться на третий срок.

Ежедневно гибнут люди в Чечне — и российские солдаты, и мирные жители, каждый день творится правовой произвол.

Очевидно, что внешнеполитическая линия президента ведет Россию вперед, а коррумпированная российская бюрократия — назад. Долго так продолжаться не может. От того, чья возьмет, будет зависеть положение России в XXI веке, а возможно, и само ее существование.

Как бы там ни было, после двух лет пребывания у власти Владимир Путин сохранил поддержку 60 процентов граждан. Это является его безусловным политическим достижением, позволяющим сделать все необходимое для страны.

ДВЕРЬ В ЕВРОПУ НАХОДИТСЯ В ВАШИНГТОНЕ

«Общая газета», 16 мая 2002 года

Визит Буша: о чем нужно договориться

После 11 сентября 2001 года во внешней политике России произошел крутой поворот. Вопреки проводившейся еще летом линии, символом которой стало путешествие через всю страну бронепоезда Ким Чен Ира, вопреки мнению тех, кто называет себя политической элитой, Владимир Путин безоговорочно поддержал США в их борьбе с террористами Бен Ладена и талибами.

Самая первая реакция на события, произошедшие в Нью-Йорке и Вашингтоне, и решения, принятые президентом в течение двух недель после 11 сентября, обозначили серьезные изменения в системе координат российской власти. 24 сентября на встрече президента с лидерами парламентских фракций и президиумом Госсовета один из участников предложил поддержать «Талибан». 18 высказались за сохранение нейтралитета России по отношению к схватке американцев с террористами. Только двое говорили о необходимости участия нашей страны в антитеррористической коалиции. Эффективная и многосторонняя поддержка антитеррористических усилий США в Афганистане стала результатом самостоятельного решения российского президента.

У этого решения есть очевидная тактическая логика. Режим талибов, связанный с террористическими группировками в Средней Азии и на Кавказе, представлял непосредственную угрозу безопасности России. Может быть, впервые в своей истории наша страна получила возможность дипломатическими средствами, используя военную силу другого государства, справиться, по крайней мере, с одной из своих многочисленных проблем.

Однако дело не только в тактике. Сентябрьские и последующие решения могут стать предпосылками для стратегической линии на сохранение и реализацию потенциальной возможности выживания России как суверенного современного государства в XXI веке. Понятно, что я имею в виду: явное и недвусмысленное движение России на Запад.

Традиционно отношения между Россией и Западом развивались в рамках существующей с XVIII века модели. Страны Запада вступали с Россией во временные союзы, использовали ее военные возможности, но в то же время всегда сохраняли дистанцию, стремились ограничивать и контролировать Россию. Последние 10 лет, к сожалению, мало что изменили.

Западные политики воспринимали и воспринимают Россию как страну из другого мира. В зависимости от ситуации она может быть дружественной и враждебной, но всегда остается чужой. Это свойственно европейцам, которые, несмотря на встречи без галстуков друга Бориса с другом Гельмутом, последовательно вели политику расширения НАТО на восток. Но наиболее наглядно это проявлялось в политике американской администрации, независимо от того, кто — республиканец или демократ — занимал Белый дом.

Запад никогда не верил в страну, делая ставку только на отношения с группировкой, находящейся у

власти, с сильной рукой в Кремле, способной держать страну под контролем. Кремлевская команда воспринималась как единственная сила, способная вести Россию по пути демократических реформ и во времена Горбачева, и при Ельцине. Разочарование в узкой группе реформаторов, присвоивших себе монополию на демократию и рынок, стало для них разочарованием в России.

После 11 сентября и поворота в российской внешней политике возник закономерный вопрос: что изменилось в отношении Запада к России? Пока по большому счету — ничего. За высказываниями и действиями представителей Запада стоят прежние недоверие, непонимание и опасения.

Надо признать, что для недоверия имеется веская причина. Россия по-прежнему остается непредсказуемой для Запада. Сразу должен сказать, что, на мой взгляд, эта проблема не имеет никакого отношения к российскому народу, к людям, живущим в нашей стране. Они мало чем отличаются от жителей любой европейской страны или американцев. У нас те же заботы — будущее детей и здоровье родителей, работа, дом, безопасность. Даже наша главная беда — бедность — вещь для них понятная, хотя в значительной степени уже пережитая и побежденная. Дело в другом.

Непредсказуемость — политическое выражение внутренних проблем российской власти и элиты. Изменения во внешней политике не коснулись курса на построение «управляемой демократии» внутри страны. В России отсутствует реальная свобода слова. Нет средств массовой информации, способных систематически доносить до большинства населения альтернативную позиции власти точку зрения на важнейшие вопросы жизни страны. Выборы, в особенности региональные, превращаются в формальный ритуал на-

значения на должность заранее отобранного кандидата. Суды орудуют законом как инструментом исполнения политического заказа.

Это означает, что любая группировка, оказавшаяся у рычагов управления подцензурными СМИ, подконтрольными выборами, послушными судами, сможет очень быстро развернуть страну куда угодно — к национализму, милитаризму, пиночетовскому капитализму. Сможет оказывать значительное давление или даже сместить и законно избранного президента, если он будет мешать начавшемуся повороту. Ведь не он же лично контролирует чиновников-исполнителей, не он звонит на телевидение.

Российский бизнес, в особенности крупный, своим прошлым и настоящим буквально повязан с властью. В течение 10 лет сложилась модель экономики, в которой без особых отношений с властью невозможно было добиться ничего существенного. Она существует и сейчас, и в ней очень мало места для независимых самостоятельных людей, не говоря уже о среднем классе.

Политическая элита напоминает тринадцатилетнего подростка со всеми свойственными его возрасту многочисленными комплексами. Он обижен на весь мир, а в особенности на взрослых (их роль, конечно же, отводится Западу), которые его не понимают, учат жить, ограничивают его свободу, а денег на карманные расходы дают крайне мало. Время идет, а «элита» не становится взрослой, потому что общество, выросшее во лжи, вообще не становится взрослым, как не становятся большими деревья, растущие без солнца.

Наконец, нестабильной и непредсказуемой Россию делает происходящее в Чечне. Там все зашло в тупик. Выходом рано или поздно станет конференция в Мос-

кве о политическом урегулировании на основе Конституции России и российских законов с участием всех заинтересованных сторон под председательством президента России. Но сегодня движения в этом направлении нет.

Пока дела обстоят таким образом, не стоит удивляться, что нас хотят по возможности использовать, но не желают иметь с нами дело не только как с союзниками, но даже как с серьезными партнерами.

Означает ли это, что Западу следует дожидаться, пока Россия созреет, сама справится со своими проблемами, после чего скромно позвонит и скажет: я готова, примете меня к себе? Нет. Этого никогда не будет, да и ждать некогда. Ситуация складывается так, что первое и, возможно, самое принципиальное решение о признании России страной, принадлежащей к западному сообществу, необходимо принимать буквально сейчас.

При этом принимать Россию на борт придется, несмотря на все ее сложности, вместе с ними, такую, какова она сегодня.

Принять Россию для Запада значит согласиться, по крайней мере, с двумя тезисами. Во-первых, Западу надо признать наличие жизненно важного для России приоритета — безопасности сегодняшних границ, отделяющих ее от самых нестабильных, опасных и непредсказуемых регионов мира. Во-вторых, необходимы принципиальное понимание и практическая готовность к тому, что через 15—20 лет Россия в качестве полноправного члена войдет во все экономические, политические и военные европейские структуры.

Первым шагом в этом направлении могло бы стать подписание во время визита в Москву президента Буша документа о военно-политическом союзе между Россией и США. По форме это может быть соглашение,

меморандум или договор. Главное заключается в том, что это должно быть нечто качественно иное, чем вежливое сотрудничество в рамках НАТО или соглашение, касающееся только проблемы вооружений. Речь идет о совместной декларации об общем понимании свободы, демократии, прав человека как фундаментальных принципов мироустройства в XXI веке, общих приоритетах и угрозах, о взаимных гарантиях безопасности в случае террористической или военной агрессии.

Подписание такого соглашения вполне реально. Переговоры о заключении политического союза с США ведутся уже более полугода в Вашингтоне, Лондоне, Берлине.

Россия – США – Европа

Что же это, Россия будет защищать США от Мексики, а Америка Россию от Китая — с усмешкой спросит читатель. Звучит действительно забавно, только ведь, забавляясь подобным образом, можно «просмеять» будущее. Пора уже понять, что на ситуацию надо смотреть в соответствии с реалиями нового времени, а не прошлого века.

Несомненно, США — самая сильная во всех отношениях страна мира, единственная сверхдержава, обладатель действительно впечатляющей оборонной мощи, связываться с которой в традиционном военном смысле вряд ли кто-то станет. Но вооруженные силы США, как, кстати, и СССР, были ориентированы на войну определенного типа, предназначались для защиты, условно говоря, от крупных и очень крупных зверей — медведей, львов, тигров, крокодилов и носорогов.

События 11 сентября показали, что современные проблемы безопасности связаны не с крупными хищниками, а со смертельно ядовитыми комарами. Из-за инерции мышления понять, что это качественно новая ситуация, довольно трудно. Один из американских стратегов, согласившись с этой «комариной» аналогией, сказал мне: «Мы будем уничтожать их гнезда». Он не знает, что у комаров нет гнезда — они живут и плодятся на болоте, и единственный способ борьбы с ними — болото осушить. Борьба с сегодняшней террористической угрозой отличается от военной науки прошлого века так же, как ирригация отличается от охоты на медведя или льва.

С такой работой без России не справиться. Помимо чисто военных задач, в решении которых Россия, к сожалению, сегодня может принять лишь весьма ограниченное участие, скорее даже символическое (здесь американцы действительно, по всей видимости, будут справляться сами), необходимы: дипломатическая поддержка и участие в санкциях против тех, кто поддерживает террористов, предоставление разведывательной информации, помощь в контроле за финансовыми потоками и установлении источников и путей финансирования террористов, гарантии нераспространения различных видов вооружений и технологий, лишение террористических организаций даже потенциальной возможности использования территории страны, многое другое. Наконец, важна просто политическая поддержка. Одни только военные действия без такой помощи превращаются в вытирание с пола воды, хлещущей из открытого крана. Пусть тряпка велика, а швабра самая современная, все равно лучше закрыть кран, чем бесконечно собирать воду с пола.

Помимо непосредственной помощи в борьбе с терроризмом США, в случае заключения союза с Росси-

ей, смогут наконец добиться ликвидации монополии ОПЕК на мировом рынке нефти и, следовательно, освободиться от энергетической зависимости.

Будут созданы новые, более совершенные, чем сейчас, механизмы, гарантирующие нераспространение оружия массового поражения.

Произойдет стабилизация положения Китая в системе международных отношений — Китай останется великой державой, но не будет иметь возможности качественно изменить геополитический расклад в Азиатско-Тихоокеанском регионе, что в конечном счете приведет к улучшению отношений США с Китаем.

Кроме того, западные политики не могут не понимать, что слабость России — угроза безопасности всего мира. Чем слабее Россия, тем больше терроризма в мире, и наоборот. Сейчас террористические структуры выдавливаются с привычных для них мест и вынуждены осваивать новые территории. В России есть все, что их интересует, — территория, все виды оружия и средства их производства, необходимые материалы и, что особенно важно, очень грамотные специалисты соответствующей квалификации, подготовленные еще в советское время. Они крайне бедны и абсолютно дезориентированы нравственно и политически. Добавьте к этому масштабы российской коррупции, и станет ясно — если этот процесс пойдет (а он, очень возможно, уже пошел), справиться с ним будет невероятно трудно. Можно ли представить, какую цену придется платить в борьбе с терроризмом при таком или похожем развитии событий не только России, но и США, и Европе?

Несомненно, и Россия заинтересована в предотвращении террористической угрозы. Но дело не только в этом. Внешнеполитический курс, обозначенный после 11 сентября, объективно выгоден России, более

того, он единственно возможен с точки зрения интересов страны в сколько-нибудь отдаленной перспективе. Долговременное военно-политическое партнерство с США — это:

— безопасность наших протяженных границ и сохранение территориальной целостности страны, то есть сохранение российской государственности;

— укрепление российского суверенитета в Сибири и на Дальнем Востоке, инвестиционный прорыв в освоение восточных земель;

— возможности выхода России на ведущие позиции в мировой энергетике и участия российской науки и индустрии высоких технологий в реализации самых передовых и перспективных проектов;

— четкая ориентация российских вооруженных сил на интеграцию в военную систему Западного мира, значительно облегчающая создание современной армии;

— повышение статуса России на международной арене.

Полноценный союз с США и Западным миром может стать фактором становления в России реальной демократии и более полной реализации внутреннего потенциала страны. Это, возможно, единственный способ обеспечить нормальное завершение российских реформ, которые 10 лет проводились таким образом, что, похоже, полностью исчерпали реформаторскую энергию российского народа. Неизбежными станут кадровые перемены в большинстве госструктур, чиновники которых просто не способны проводить политику, ориентированную на союз с Западом.

Помимо собственно интересов России, США и Европы, существуют проблемы мирового масштаба, которые невозможно окончательно решить без теснейшего сотрудничества всех трех сил. Это ситуация на Балканах, палестино-израильский конфликт, пробле-

мы в отношениях между Индией и Пакистаном, экологические проблемы, международная преступность и наркоторговля, проблемы, связанные с непредсказуемыми тоталитарными режимами.

Я не хочу сказать, что Россия сможет сыграть в решении этих проблем роль сверхдержавы, считающей весь мир зоной своих жизненных интересов. Нет. Просто Россия может облегчить решение этих проблем, если будет ему способствовать, и осложнить их до предела, если будет действовать контрпродуктивно.

Трагическое развитие событий в Югославии в 1999 году продолжалось ровно до тех пор, пока Ельцин не сказал Милошевичу «хватит», после чего югославская армия покинула Косово. А ведь к тому моменту на повестке дня всерьез стоял вопрос о начале наземной операции НАТО. Ее удалось избежать, и я уверен, что с помощью России можно было бы предотвратить бомбардировки Югославии и гибель ни в чем не повинных людей. Для этого вместо глупостей в Рамбуйе осенью 1998 года надо было искать политическое решение в Москве, с Ельциным. Это было вполне возможно.

В целом же список стратегически важных результатов российско-американского союза получается очень внушительным. По-моему, игра стоит свеч. Это многие понимают.

И, возможно, самое неожиданное. Без российско-американского соглашения о стратегическом партнерстве, без создания прочной, внятной схемы отношений с США невозможна интеграция России в Европу. Нравится это кому-то или нет, но, так сказать, санкцию на вхождение в Европейский клуб дают в Вашингтоне.

Конечно, Америка это совсем не Европа — во многих случаях у них разные культурные, этические,

политические ориентации и даже принципы. Но базовые, фундаментальные ценности общие, что и является основой незыблемого союза. Для европейских стран давно сложившиеся прочные отношения с США всегда будут приоритетными, несмотря на наличие неизбежных противоречий, прежде всего в экономической области. Эти противоречия не определяющие, они похожи на неизбежные семейные ссоры давно живущих друг с другом супругов. Поэтому, пока отношения с США не прояснены, никакой реальной интеграции России в Европу не будет. Российско-американский договор о стратегическом партнерстве является для европейских стран и их правительств необходимым предварительным условием начала реального политического, военного и экономического сближения с Россией, своеобразным опознавательным знаком, показывающим — это свои, можно перестать опасаться и начать открывать дверь.

Специально хочу обратить внимание: договоренности с США и даже договор о какой-то форме союза не обеспечит никакого автоматизма при принятии решений о включении России в Европейский союз — он необходим, но совершенно недостаточен. Достаточным условием могут стать только столь же решительные изменения во внутренней политике, как и во внешней. Отмена негласной политической цензуры на ведущих телевизионных каналах и в других СМИ, прекращение манипуляций и фальсификаций на выборах всех уровней, обеспечение реальной независимости правосудия, реальное наступление на коррупцию, отделение бизнеса от власти и создание конкурентной среды... В целом речь должна идти о замене сохранившихся сталинско-византийских методов управления страной на современные, открытые, либерально-демократические, о построении государства и всей

системы принятия решений на приоритете защиты и соблюдения прав человека. Только это будет реальным движением в сторону будущего объединения с Европой.

Это ни в коем случае не означает, что европейские страны и структуры должны немедленно прекратить критику наступления на свободу слова или происходящего в Чечне. Критика такого рода не является показателем враждебности и уж тем более главным ее критерием. Отсутствие такой критики в условиях правового беспредела в Чечне, наступления на свободу слова может означать лишь подтверждение отношения к России как к стране из другого мира, которой должно управлять «твердой рукой».

Россия никогда не будет ни такой, как, например, Германия, ни такой, как, например, Польша, она не будет похожа ни на одну европейскую страну. Тем более Россия никогда не будет такой, как Америка. Мы в чем-то лучше их, а в чем-то хуже. Но настоящее взаимопонимание и партнерство возможно только на основе реально действующей во внутренней и внешней политике одинаковой системы ценностей и приоритетов. Общая система ценностей так же необходима для эффективного партнерства, как единые для всех таблица умножения или способ исчисления времени.

Опять «разрядка напряженности»?

Союза с Западом совершенно определенно хочет президент Путин, чьей политической воли в нынешних условиях почти достаточно. У него есть поддержка, общественное мнение, в целом, на его стороне.

После 11 сентября Россия подает Западу очень

внятные сигналы. Военные базы выведены с Кубы и из Вьетнама. Реакция на выход США из договора по ПРО была гораздо более спокойной, чем можно было ожидать при стереотипном подходе к российско-американским отношениям: в иные времена это стало бы достаточным поводом для чего-нибудь вроде разворота над Атлантикой. Планы вступления в НАТО балтийских государств уже не вызывают громких заявлений. Очень спокойно и убедительно российский президент ведет свою линию на подписание содержательного, юридически обязывающего документа в ходе переговоров о сокращении стратегических вооружений. Истерики не было ни тогда, когда американцы говорили о нежелании подписывать какие-либо обязывающие соглашения вообще, ни тогда, когда они объявили о намерении складировать снятые с ракет боеголовки. Владимир Путин не считает трагедией присутствие американских военных не только в Средней Азии, но и в Грузии. Четко сказано, что согласованная военная операция против режима Хусейна не станет поводом для прекращения участия России в антитеррористической коалиции.

Все это делается вопреки позиции и мнению практически всего окружения президента — многих чиновников МИДа, военных, политиков. Это совершенно определенно рука, поданная российским президентом Западному миру.

Этот жест замечен. Теперь американцы поняли, что руку не нужно отталкивать, и размышляют о возможности достижения стратегических договоренностей. Об этом говорит, например, все же принятое решение о готовности подписать обязывающий договор о сокращении стратегических вооружений. Более того, заместитель госсекретаря Джон Болтон во время визита в Москву сделал заявления, позволяющие ду-

мать о возможности долгосрочного стратегического и военного партнерства. Достаточно успешно проходили предваряющие майский саммит переговоры Игоря Иванова в Вашингтоне и Георгия Мамедова в Женеве.

Американо-российское сближение и установление партнерских отношений поддерживают влиятельные и авторитетные люди в Вашингтоне, такие как Генри Киссинджер. Политик, которого никогда нельзя было подозревать в особо теплых чувствах к нашей стране, сегодня отстаивает идею стратегического союза России и Запада как прагматик, признающий ее в наибольшей мере соответствующей сегодняшним интересам Запада.

А что же Европа? Можно с полной уверенностью утверждать, что Великобритания и Германия поддержат и будут приветствовать заключение стратегического военно-политического союза России и США. Европа в целом заинтересована в основательной и серьезной интеграции с Россией, но понимает, что без урегулирования отношений между Россией и США это невозможно. Очевидно, что после заключения такого соглашения темпы сближения между Россией и Европой многократно возрастут.

Европейцам сегодня сложно заниматься еще и российскими делами, им и своих хватает. Совсем не ясна ситуация с координацией действий внутри объединенной Европы: непонятно, как определять общую внешнюю политику, в каких формах будет происходить интеграция с новыми странами, вступающими в Евросоюз, как их принимать и зачем, как вообще принимать решения. Позиции национальных государств достаточно сильно различаются, нет единого центра принятия оперативных и обязательных для всех членов Евросоюза решений. И чем серьезнее внешний вызов, тем более ощутимыми становятся эти проблемы.

Пока европейцы разбираются со своими трудностями, нам и необходимо выполнить предварительное условие — создать прочные отношения с США. Если Путин и Буш возьмутся за это серьезно, то, по крайней мере, двое их европейских коллег — Блэр и Шрёдер — сделают все, чтобы российско-американский союз состоялся.

Конечно, это не будет легко. И Россия, и европейские страны будут сталкиваться с проблемами, обусловленными новым международным статусом США. Америка сегодня объективно в очень непростом положении. Сложно быть единственной сверхдержавой и одновременно стабильным партнером. Обеспечение безопасности в XXI веке — это долговременное совместное предприятие, участники которого должны работать друг с другом не просто потому, что они друг другу нравятся, и даже не потому, что они принадлежат к одной цивилизации, а по той простой причине, что проблемы, стоящие перед ними, нельзя решить иначе. Создать такое предприятие, научиться быть старшим, но партнером — главный вызов, стоящий перед США в начале нового века. История показывает, что США умеют отвечать на трудные вызовы времени. Было рабство. Была Великая депрессия. Была сегрегация. В каждом из этих случаев был найден мудрый ответ на вызов. Есть надежда на то, что найдется он и сейчас.

Может, однако, ничего серьезного так и не произойти. Вообще, все открывшиеся после 11 сентября возможности стратегического сближения России с США и Западным миром — это очень хрупкие ростки. За ними трудно ухаживать, зато легко уничтожить. Инерция противостояния, накопленная в прошлом веке да и раньше, такова, что вернуться назад гораздо легче, чем двигаться вперед: к возвращению

все готово — стереотипы мышления, поведения, заученные фразы.

Самое простое — это подмена серьезного современного политического процесса хорошо знакомой советской разоруженческой политикой: подсчет боеголовок, носителей и провозглашение победы «советско-российской дипломатии в борьбе за мир между Россией и США». Помните — «разрядка напряженности»?

Разоруженческая политика как внешнеполитическая концепция в нынешних условиях совершенно бессмысленна. Это рациональный, но технический вопрос, не сопоставимый по своему значению с политико-ценностной логикой. Поэтому если переговоры 23 — 26 мая завершатся соглашением по разоружению, по НАТО, по «Джексону — Вэнику» и общими декларациями, то это будет означать, что потенциал возможностей, образовавшихся после 11 сентября, утрачен и все вернулось на круги своя, к договоренностям вроде тех, которые заключались в 70-е годы.

Реализация открывшихся возможностей — это персональная ответственность лидеров России, США, стран Европы.

Самая тяжелая доля ответственности у Владимира Путина, потому что в случае с Россией речь идет не только о безопасности, но о самом существовании страны. Путин критикует правительство за отсутствие стратегического подхода к экономическому курсу, предложений, которые дали бы возможность сократить отставание от индустриально развитых стран. Это правильно, но наш главный шанс преодолеть это отставание — в руках самого Путина.

Огромное расхождение между внешней и внутренней политикой российской власти не может существовать очень долго. Вариантов немного. Либо внутренняя политика будет приведена в соответствие с внешнеполитическим курсом на сближение с демократическими странами, либо наоборот — решения, принятые после 11 сентября, окажутся временным зигзагом, подлежащим исправлению.

В первом случае Россия будет постепенно становиться европейской страной с точки зрения демократических процедур, развития экономики и уровня жизни людей.

Во втором случае символом внешней политики снова станет привычный и логичный для авторитаризма бронепоезд.

Надо понимать, что у президента Путина нет окончательной уверенности в том, будет ли подписан документ о партнерстве, насколько полной будет его реализация, насколько реальной окажется поддержка движения России на Запад. Именно это заставляет его не сжигать мосты, сохранять прежнее окружение как возможность отхода. Особенности внутренней политики российской власти наглядно демонстрируют, каким будет направление отхода, если альянс с Западом не состоится. Очевидно, что на этом направлении нет перспективы для России, но и другого пути у президента, который хочет сохранить власть, в случае неудачи альянса не будет.

В каком положении окажется президент и его власть в результате такого отхода, не повторится ли Форос — такой вопрос станет актуальным.

Но сегодня шанс еще есть. Президент Путин может сделать важнейший выбор и открыть для России уже не окно, а дверь в Европу.

ОБ ИТОГАХ ГОДА ПОСЛЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ АТАКИ НА США

«The Moscow Times», 11 сентября 2002 года

11 сентября скорее не изменило мир, а проявило уже существующие проблемы. Человечеству был дан ясный сигнал: необходимо решать основную проблему XXI века. Эта проблема – растущий разрыв на планете между нищетой, ухудшением качества жизни, сокращением ее продолжительности, болезнями, с одной стороны, и обеспеченностью, процветанием, технологическим прогрессом, образованностью, ростом интеллектуального потенциала, с другой. Иначе говоря, это разрыв между жителями большего количества стран, жизнь которых ухудшается, и гражданами развитых стран.

Конечно, террор не имеет никаких объяснений или оправданий, его причина не в бедности, а в подлости. Но не видеть, на каком фоне эта подлость развивается и чем питается, по меньшей мере, близоруко.

После 11 сентября вырос международный авторитет России, благодаря правильной и ясной позиции во внешней политике, которую занял президент.

За последний год военные усилия по борьбе с терроризмом, прежде всего в Афганистане, не дали существенных результатов. Потому что эта проблема не решается только военной силой. Сила необходима, но совершенно недостаточна. А по другим направлениям сделано явно мало.

Сталкиваясь с неспособностью решения самых острых проблем, политики все чаще вольно или невольно создают ситуацию политического фарса.

За истекший год все увидели, что НАТО – неэффективная военно-политическая организация, что отношения между США и Европой не так безоблачны, как казалось ранее, что США во многих вопросах пытаются проводить свой курс изолированно от международного сообщества. Хотя сейчас для уменьшения угрозы терроризма и укрепления стабильности в мире нужно тесное взаимодействие и кооперация США, Европы, России.

Итог прошедшего года коротко: проблемы стали яснее, их сложность обнажилась. Нужно приближать их решение.

SI VIS PACEM, PARA BELLUM. К СИТУАЦИИ ВОКРУГ ИРАКА

Специально для сайта www.yavlinsky.ru
23 сентября 2002 года

В ситуации вокруг Ирака наметился сдвиг. Вопрос о направлении в страну инспекторов ООН почти решен, хотя его и нужно довести до логического завершения: инспекторы должны начать работать без каких бы то ни было предварительных условий, получить самые широкие полномочия, не встречать никаких препятствий в своей работе.

Однако это лишь первый шаг к распутыванию сложнейшего узла проблем. Верить Саддаму нельзя. Поэтому нужно продолжать действовать практически. Не обмениваться ультиматумами, не заниматься уговорами, а активно действовать. Второму этапу действий международного сообщества должна быть посвящена новая резолюция ООН, принятие которой необходимо.

Понятно, что война, гибель мирных людей – абсолютное зло. Нужно сделать максимум возможного для того, чтобы этого избежать, но цели – обеспечения безопасности и смены иракского режима – обязательно достичь.

Смысл новой резолюции ООН, на наш взгляд, – решительная подготовка и осуществление широкого международного военного присутствия в регионе с целью стабилизации ситуации и контроля за ней на всем протяжении длительного переходного периода.

Что касается боевых действий, то международные силы, конечно, должны быть готовы и к такому развитию событий.

Надо понимать: особенности диктатора советского типа, которым является Саддам, таковы, что без жесткого, по крайней мере косвенного, силового давления повлиять на него невозможно. Только тогда, когда он поймет, что утрата нефти и власти — это вопрос техники, можно ждать каких-то изменений.

Именно такая стратегия, основанная на решимости и готовности действовать, может предотвратить войну в том прямом и примитивном смысле, о котором сейчас часто идет спор. Классическая формула «Si vis pacem, para bellum» в этом случае, к сожалению, актуальна.

Наконец, исключительно важно качественно усилить политическую проработку проблемы. Поскольку это нужно делать одновременно с размещением международных сил, которое продлится 2–3 месяца, время еще есть.

Во-первых, необходимо определить, что будет происходить в Ираке в случае устранения режима Саддама, учитывая противоречия интересов различных сил внутри Ирака, все сложности взаимоотношений между ними. Это вопрос исключительно серьезный.

Во-вторых, нужно постоянно обсуждать иракскую проблему, находя общий язык с такими политиками, как Шредер, с Россией, арабским миром, Китаем.

Если речь с ними вести не о банальной войне, а о формировании коалиции международных сил и косвенном давлении на Саддама в сочетании с работой инспекторов и хотя бы какими-то изменениями внутри Ирака, разговор будет продуктивным.

И последнее. Должен быть дан ответ на вопрос о нефти, по поводу распределения которой уже сейчас начинаются конфликты: что кому достанется, что будет происходить на рынках, что будет с ценами.

Только предприняв все эти шаги, можно опять добиться согласия в антитеррористической коалиции и, главное, точно понять, насколько возможны положительные изменения в Ираке, на что пойдет Саддам, насколько он готов к изменениям, какова реально судьба его режима. Надо действовать.

СИММЕТРИЧНАЯ ОШИБКА ГРУЗИИ. О СИТУАЦИИ ВОКРУГ ПАНКИССКОГО УЩЕЛЬЯ

«The Moscow Times», 23 сентября 2002 года

Военные действия России против Грузии недопустимы. Сомнительные результаты военной операции несопоставимы с потерями, которые понесет Россия политически как во внутреннем, так и в международном плане, распространив войну в Чечне на соседнее независимое государство. Двести лет мы жили в одном государстве, семьдесят из них — при Советской власти. Человеческие, культурные, нравственные последствия этого шага будут разрушительны для наших народов.

Ситуация в Панкисском ущелье в Грузии не является ключевым вопросом для окончания войны в Чечне. По нашим данным, боевиков и террористов в самой Чечне и сопредельных территориях не меньше, а намного больше, чем в Панкиси. Боевики, террористы и наемники, оружие, финансовые потоки проникают в Чечню не только и не столько из Грузии. Не нужно забывать, что это Чечня породила фактор Панкиси, а не наоборот.

Однако сегодня военные предлагают президенту именно такое решение. Они пытаются скрыть от президента свою неспособность решить поставленные перед ними задачи в Чечне и в качестве отвлекающего общественное мнение трюка хотят использовать удар по Грузии. Дорогая авантюра!

Есть ли вообще грузинская проблема в этом смысле? Есть, безусловно. Определенные силы в Грузии оказывают политическую поддержку активным противникам конституционных институтов России. Часть чеченских боевиков нелегально ушли на территорию Грузии. Вместо того, чтобы их преследовать, Тбилиси предоставлял им свободу действий и использовал как силовой фактор во внутриполитической борьбе.

Чеченские повстанцы в Грузии должны быть разоружены, террористы обезврежены и судимы. В этом смысл политического сотрудничества руководства России и руководства Грузии. Россия может и должна оказывать на Грузию давление, используя правоохранительные органы. Но это никак не вопрос военного столкновения двух государств.

Кстати, недальновидное и безответственное вмешательство российских структур в Абхазии, Аджарии и Южной Осетии бесперспективно и очень опасно. В ответ на то, что российская политическая элита потакает сепаратистским настроениям, Тбилиси считает возможным давать политическое прикрытие чеченским террористам. Однако Тбилиси, полагаясь на поддержку международного сообщества, напрасно пытается вести себя симметрично и повторяет ошибки России.

Потенциал России несопоставим с возможностями ее соседей. И именно поэтому все, что происходит в этом регионе, требует от нее повышенной ответственности.

Путин должен договориться с Шеварднадзе. А дальше пусть работают правоохранительные структуры.

И это все.

МЕНЕДЖЕРЫ РАО «ЕЭС» ДОЛЖНЫ ОТВЕТИТЬ ПО ЗАКОНУ!

Выступление на заседании Государственной Думы по вопросу о реформе электроэнергетики 9 октября 2002 года

Уважаемые депутаты!

Фракция «ЯБЛОКО» выступает категорически против предложенного пакета законов. Подробный шестимесячный анализ, который проводила специально созданная нами группа, показал — пакет законов абсолютно неприемлем ни с социальной, ни с экономической, ни с политической точек зрения.

С социальной он неприемлем потому, что провоцирует бесконечный рост тарифов. Остановить его будет чрезвычайно сложно, если вообще возможно. Все разговоры и все ответственные заявления о том, что это будет всего лишь в несколько раз, напоминает мне разговоры 92-го года о том, что инфляция составит не более 200—300 процентов. А инфляция была 2600 процентов! Такой рост тарифов вызовет абсолютно тупиковую ситуацию в реформе жилищно-коммунального хозяйства. Реформа ЖКХ может быть осуществлена только на базе стопроцентной оплаты услуг населением при постоянном росте уровня оплаты. А в регионах, несмотря на все сегодняшние разговоры, устанавливается монополия на энергоснабжение.

Умышленно затушеваны непрофильные расходы РАО «ЕЭС» на телевидение, политические и просто пустые проекты.

С экономической точки зрения этот проект тоже является совершенно неприемлемым. Во-первых, он означает приватизацию и распродажу закрытого типа, непрозрачную, по типу залоговых аукционов и чековой приватизации. Да, как сегодня сказало правительство, он сравним с крупными законами последнего времени. Действительно по сути этот пакет из ряда чековой приватизации и залоговых аукционов.

Во-вторых, будут созданы так называемые электрические олигархи в каждом регионе, которые будут контролировать всю предпринимательскую, промышленную и производственную деятельность региона. Они получат возможность напрямую влиять на жизнь регионов в целом. Ни о какой конкуренции здесь речи идти не может.

Однако, как известно, лучшая оценка таких проектов — положение дел на рынках. Сегодня эта тема вообще не звучала. Давайте посмотрим, как объективно оценивает рынок ситуацию с этим законом и с положением РАО «ЕЭС».

С начала года индекс российской торговой системы вырос на 28%, а акции РАО «ЕЭС» за это же время упали почти на 50%. По прогнозу в конце года их стоимость составит от 1/4 до 1/8 части нынешней стоимости. За полтора года акции РАО «ЕЭС» потеряли 60% стоимости. Капитализация стоимости этой компании за 1,5–2 последних года упала в три раза. Государственная компания за два года потеряла 6 миллиардов долларов!

В любой без исключения стране мира менеджеры государственной компании, которая потеряла 6 миллиардов долларов, уже отвечали бы по закону. В нашей стране они вносят новый проект. Но этот проект достойно оценили рынки. И достойно оценили акционеры, которые, как вам известно, собирают собрание

о смене менеджеров компании и о приостановке рассмотрения этих законов.

Спрашивается: нужно ли реформировать РАО «ЕЭС»? Конечно нужно, еще бы! Еще как нужно! Но какая нужна реформа? Вместо всего этого форменного безобразия, которое вынесено на наше в вами рассмотрение, не раз предлагались грамотные, ответственные меры.

Первое. Закрепить законом, что монополизм в энергозамкнутых регионах запрещен. Он запрещен на уровне нормы 40% рынка для одной компании. Во всем мире сделано примерно так или именно так. Это же вещь очевидная. Ведь сегодня уже говорили, что рост тарифов связан с монополизмом. Вот и решение этой проблемы. Мы получили категорический отказ на внесение этих изменений в закон.

Второе. Принять закон об имуществе РАО «ЕЭС» на основе достойного аудита. Защитить акционеров и тем самым защитить государство и всю страну, четко установить, что профильное, что непрофильное, что делать с сетями, что с генерирующими мощностями.

Установить, что — трижды подчеркиваю! — все имущество РАО «ЕЭС» распродается только на открытых аукционах и конкурсах гласно. Мы должны остановить сговор, осуществляемый на наших глазах. Думаете, почему здесь такое вялое обсуждение? Потому что все вопросы уже решаются и с губернаторами, и с нынешними олигархами — о выводе активов из РАО, при том, что они сегодня недооценены, по подсчетам самого правительства, в 30 раз. В 30 раз!

Наконец, установить порядок принятия решений представителями от государства. Все эти предложения отвергнуты. И опять звучит категорическое нет.

Третье. Установить верхний и нижний предел движения тарифов, чтобы не допускать лавинообразных

изменений цен в экономике и для населения в целом. Это известно каждому студенту. Так же как известны были последствия приватизации и демонополизации экономики в 1992, 1993, 1994, 1995 годах. Произвольное монопольное установление тарифов, отсутствие рыночных регуляторов для электроэнергетики образуют провалы даже в таких мощных экономиках, как экономика США. Вспомните, что происходило в Калифорнии. И опять ответ: категорическое нет.

Таких предложений было внесено 15. Они принципиальные. Их принятия нельзя ожидать во втором чтении. Это пустые разговоры. Много раз мы вносили эти предложения. Трехсторонняя комиссия постоянно их обсуждала. И закончилось тем, что комиссия стала ширмой для принятия этих законов. А поэтому здесь дело не в реформе РАО «ЕЭС», дело в другом. И поэтому с политической точки зрения проект неприемлем.

Политический смысл проектов заключается в следующем. Раздать крупные части собственности узкому кругу лиц. Укрепить олигархическую структуру управления экономикой и страной путем дальнейшего слияния бизнеса и власти. Создать возможность давления буквально на все политические структуры и силы в России как в центре, так и в регионах, включая самого президента. Политическая суть предложений в создании экономической основы политического корпоративного авторитаризма в стране.

«ЯБЛОКО» призывает все ответственные силы, понимающие смысл этого проекта, отвергнуть его и вернуть на доработку для учета тех предложений, которые были высказаны, или аналогичных им. Благодарим вас за внимание.

ЧЕРНОБЫЛЬ – ПРИЗЫВ К ПОКАЯНИЮ

Специально для сайта www.yavlinsky.ru

«В Чернобыле что-то случилось, – сказала мне жена, – смотри, что они показывают». Программа «Время» скупо рассказывала, что на одном из реакторов произошла авария, но ничего страшного, подготовка к празднику 1 мая идет успешно, демонстрация состоится... Наш младший сын в это время был у бабушки во Львове.

Уже тогда было понятно, что городок, о котором никто не слышал, станет не просто символом технократических катастроф XX века, но приобретет более серьезное значение.

Сообщения о том, что строится саркофаг над реактором, невольно снова погружали нас во времена «звезды Полыни». В конце концов относиться к катастрофе на атомной станции, как к обычной аварии, только более крупной, казалось для многих единственно возможным способом пережить то, что случилось 26 апреля 1986 года.

Мы не удивились, что первыми рассказали об аварии «западные голоса», что если бы облако не пошло на Западную Европу, вряд ли бы мы вообще что-нибудь об этом узнали. Мы еще не знали, что им были покрыты часть Белоруссии, Брянская, часть Калужской, Орловской, Тульской, Псковской, Ленинградской областей... Мы привыкали жить в катастрофе.

Обломки реактора разлетелись куда более мощно,

чем казалось. Волна прошлась не только по нашей земле, вызывая все более серьезные разрушения как политические, так и нравственные.

Мы уже не те, что были до взрыва. Даже те, кто не схватил дозу радиации, не могут сказать, что их не коснулась катастрофа. Техническая авария у нас трансформировалась в нравственную, заражая душевным расслаблением, равнодушием, потерей нравственно ориентированного сознания. Придем ли мы в себя после этой катастрофы?

Ведь одного Чернобыльского взрыва было бы достаточно, чтобы задуматься, что такие события не происходят только по халатности. Не задумались. Не задумались и после землетрясения в Армении, и после гибели на глазах у всего Севастополя теплохода «Новороссийск», ни после Чечни...

Теперь к нам везут со всего света ядерные отходы. И мы принимаем это.

* * *

Вагоны с иностранным отработавшим ядерным топливом уже въезжают на территорию России. В ближайшие десять лет мы примем 20 тыс. тонн — по две тысячи тонн в год. При этом после переработки одной тонны ОЯТ образуется в четыре раза большее количество радиоактивных отходов — жидких, твердых, газообразных.

Ясно, что, польстившись на 20 млрд долларов, которые непонятно кто получит в уплату за ввезенное ОЯТ, Россия может заплатить гораздо больше.

Радиационное загрязнение грозит практически каждому российскому региону. Хранить и перерабатывать ОЯТ собираются в Красноярском крае и Челябинской области. В результате переработки 20 тыс. тонн зарубежного ОЯТ будут выделены миллионы кубометров

радиоактивных отходов. Уже сейчас ведется активная работа по созданию мест захоронения радиоактивных отходов в Челябинской, Астраханской, Самарской, Саратовской, Московской областях, Хабаровском крае, на Курильских островах и в других регионах России. По признанию авторов проекта ввоза зарубежного ОЯТ, только сохранение в России радиоактивных отходов, образующихся в результате переработки и хранения ОЯТ (а именно такой вариант закона пролоббировал Минатом), делает для международных транснациональных корпораций выгодными подобные проекты.

Перевозка смертоносного груза будет осуществляться по всей стране, от портов в Санкт-Петербурге, Мурманске, Новороссийске и Владивостоке по железным дорогам через Волгоград, Саратов, Самару, Тверь, Ярославль, Нижний Новгород, Пермь, Екатеринбург, Томск, Читу, Иркутск, Омск, Кемерово. При этом ни один субъект Российской Федерации не сможет запретить транспортировку или размещение на своей территории ядерных материалов.

Сегодня наше собственное ОЯТ хранится и перерабатывается только на горно-химическом комбинате в Железногорске (Красноярский край). Туда же будут ввезены иностранные ядерные отходы. Однако хранилище, рассчитанное на 6 тыс. тонн топлива, уже сейчас заполнено ровно наполовину. А если ударными темпами принимать по 2 тыс. тонн ОЯТ в год, то места на комбинате не останется через полтора года.

Говорят, что будут построено четырех новых хранилища, причем первое — уже в 2003 году. Между тем известно, что подобное строительство занимает минимум десять лет. Более того, пока мы будем «хоронить» в Железногорске иностранное топливо, свое придется оставлять на АЭС. Однако и там хранилища не бездонные.

Не лучше обстоит дело и с переработкой. Отечественные отходы перерабатывает только одно предприятие — завод «Маяк» в Челябинске. Близлежащие территории официально признаны самым радиоактивно загрязненным местом в мире (и это при том, что до сегодняшнего времени мощности завода работали на треть). Кроме того, Россия — единственная страна в мире, которая закачивает отходы под землю, на глубину 200—300 метров, поскольку у нас отсутствуют иные необходимые технологии. Такие могильники находятся в Димитровграде, Северске Томской области и Железногорске. Жидкие отходы сбрасываются в открытые пруды, а газообразные — в атмосферу.

Отдельную проблему представляет перевозка топлива. И в Челябинск, и в Железногорск ОЯТ будет перевозиться по одной и той же ветке. По данным МПС, эта ветка считается одной из наиболее аварийных в России. Едва ли к приезду ОЯТ железную дорогу приведут в божеский вид. Кстати, в Америке, где железнодорожные пути находятся в гораздо лучшем состоянии, с 11 сентября запрещена транспортировка любых радиоактивных веществ.

В России еще несколько лет назад было пресечено несколько попыток терактов на атомных станциях. Сегодня опасность возрастает многократно. Чтобы пустить в ход это страшное оружие, совсем не обязательно захватывать его.

Но не следует забывать и о другой, не меньшей, опасности — человеческой безалаберности. История российских атомных станций знает немало примеров, когда людская глупость или безответственность приводили к трагедиям.

* * *

Будто нам всем ввели вирус, который ослабляет волю, разум, душу, и он победил нас. Что происходит с нами?

Память о Чернобыле — это нарастающий призыв к покаянию, к душевному выздоровлению. Пока мы не поймем этого, смертоносное облако будет накрывать нашу страну.

ДЕМОДЕРНИЗАЦИЯ

Москва, апрель–октябрь 2002 года

Экономические успехи

Последние годы были для российской экономики относительно благоприятным периодом. После 7 лет глубокого спада производства в 1991–1998 годах российская экономика значительно улучшила свои показатели. За 2000–2001 год реальный ВВП вырос примерно на 14 процентов, а с учетом ожидаемого 4-процентного роста в 2002 году прирост ВВП за три года составил 19 процентов. Произошло заметное повышение уровня реальных доходов населения и потребительского спроса, сильно пострадавших в ходе кризиса 1998 года. Последние два года были также отмечены повышенным оптимизмом инвесторов как в экспортном секторе экономики, так и в некоторых обрабатывающих отраслях, активно конкурирующих с импортом на внутреннем рынке. Экспорт вот уже второй год превышает сто миллиардов долларов, обеспечивая крупное активное сальдо торгового и платежного балансов и нормализацию расчетов по внешнему долгу, а также относительную стабильность курса национальной валюты.

Существенное улучшение экономических показателей последних лет экономисты и политики обычно объясняют девальвацией рубля и высокими ценами на нефть. Это в принципе верно: толчок действитель-

но дали обстоятельства, которые можно назвать исключительными — быстрое обесценение рубля в конце 1998 – начале 1999 года (в три-четыре раза в течение считанных месяцев) и почти трехкратный рост мировых цен на нефть в течение 1999–2000 годов. Вместе с тем нельзя отрицать, что в последние годы и в самой российской экономической системе произошли положительные изменения.

Так, рост инвестиций в экспортно-сырьевом секторе, связанный с резким увеличением доходов в результате взлета мировых цен на сырье, постепенно вышел за его рамки и охватил ряд отраслей, работающих преимущественно на внутренний рынок. Все большую роль в экономической динамике начинает играть расширение внутреннего спроса, поддерживаемое как ростом доходов населения, так и инвестиционной активностью в реальном секторе. Более того, увеличение личного потребления населения превратилось сегодня в главный фактор увеличения производства.

За последние три года отчасти восстановилась сильно пострадавшая в ходе «августовского» кризиса инфраструктура банковской системы, наблюдается устойчивый рост ее основных стоимостных параметров – собственного капитала, объема привлеченных средств, в том числе и средств населения, кредитования реального сектора экономики. Снизилась зависимость банковского сектора от государственных финансов, возрастающую роль в его операциях играет обслуживание финансовых потоков в рамках частного сектора. Резко снизилась роль, которую в экономике играли различные формы неденежных расчетов, в первую очередь бартер, возросла значимость легальных финансовых потоков.

Одновременно происходит и формирование новых рыночных субъектов, в большей мере соответствующих потребностям современной рыночной экономики. Крупнейшие российские компании не только быстро увеличивают объемы своих продаж и прибыли, но и начинают превращаться в международные как по характеру операций, так и по составу участников. Фирмы, претендующие сегодня на роль «лица российского капитализма», начинают уделять все большее внимание своему публичному имиджу, причем не только посредством примитивной саморекламы и «работы» со средствами информации, но и стремлением уйти от наиболее одиозных форм отношений, свойственных так называемому «дикому» капитализму, участием в общественных акциях. Стремясь сформировать у зарубежных партнеров и у собственного населения положительный образ «нового российского капитала», нацеленного на построение в России демократической рыночной экономики, эти компании вольно или невольно налагают на себя и свою практику некоторые рамки, постепенно приучаясь работать в соответствии с принятыми в развитых странах нормами и формами.

Экономические проблемы

Однако, на мой взгляд, именно эти несомненные успехи и позитивные изменения одновременно продемонстрировали и продолжают демонстрировать нам принципиальную ограниченность потенциала созданной при Ельцине и укрепившейся в последние годы экономической системы. Кстати, прозвучавшая не так давно президентская критика в адрес правительства за относительно низкие темпы экономического роста в сущности означает политическое признание (осознанное или неосознанное) ее исчерпанности. Все при-

знаки указывают на то, что наблюдающийся рост в рамках сложившейся экономической системы не выводит и скорее всего не сможет без качественных изменений в ней вывести страну на решение наших прогрессирующих коренных проблем, и в том числе преодоления отставания от высокоразвитых и среднеразвитых экономик.

Темпы и характер роста

Прежде всего это относится к количественным параметрам роста. Темпы увеличения производства и доходов с учетом низкого исходного уровня и исключительно благоприятной внешней конъюнктуры можно охарактеризовать в лучшем случае как умеренные, но никак не высокие[1]. С исчезновением этих особых условий ежегодный прирост ВВП сокращается до 3–4%, что совершенно недостаточно для глубоких качественных сдвигов в экономике и обществе. Предусматриваемая даже оптимистическими сценариями МЭРТ среднесрочная экономическая динамика (рост до 6% в год) фактически означает, что, по крайней мере, в обозримом будущем разрыв, отделяющий Россию от развитых стран, существенно не сократится. Следовательно, кардинального улучшения положения

[1]Более чем скромный эффект экономического подъема последних двух-трех лет очевиден на фоне предшествующего огромного по своим масштабам ухудшения всех экономических и социальных показателей в 1990-е годы. Стоит напомнить, что за период 1991–1998 гг. валовой продукт страны сократился более чем на 40%, и даже после четырех лет экономического роста он составит немногим более двух третей от уровня 1990 г. Промышленное производство, по официальным данным, сократилось еще больше (в 1998 г. оно составляло 46% от уровня 1990 г.) и в обозримом будущем не восстановит реальные объемы, достигнутые в конце 1980-х годов.

в таких жизненно важных для нашей страны областях, как обеспечение полноценной занятости населения, которая бы соответствовала уровню накопленного человеческого капитала, достойного уровня жизни большинства граждан, стабилизации демографической ситуации, обеспечения безопасности границ и т.п., при сохранении нынешней ситуации ожидать не приходится.

Но даже такой умеренный рост в силу самой природы обеспечивающего его механизма является хрупким и неустойчивым. И дело здесь не только в чрезвычайно высокой зависимости экономики России от экспорта нефти и газа, а следовательно, и от цен на них на мировых рынках. Эта зависимость конечно есть и представляет собой серьезную проблему, но еще большее значение имеет другой фактор — в силу целого ряда причин, о некоторых из которых будет сказано ниже, рынок в условиях, сложившихся в России, является сильно сегментированным, а возможности каждого экономического субъекта выходить на новые сегменты уже поделенного и жестко охраняемого рынка — крайне ограниченными. В результате в стране так и не сложились условия для организации действительно масштабного современного производства, невозможного без выхода на крупные рынки. Именно по этой причине импульс, исходивший от экспортно-сырьевых отраслей, так и не породил, вопреки надеждам оптимистов, механизм взаимоподдерживающего быстрого роста основных промышленных отраслей. Увеличение доходов от экспорта в незначительной мере отразилось на доходах занятых в других отраслях экономики, а рост внутреннего спроса не превращается в действительно мощную движущую силу самораскручивающейся спирали роста.

Инвестиции и воспроизводство

Норма накопления в российской экономике по сравнению с 80-ми годами сократилась в разы. И даже на фоне инвестиционного подъема в 2000–2001 гг. ее величина составляла порядка 20%, что никак не соответствует потребностям обновления и модернизации материальной базы производства в реальном секторе экономики[2]. Учитывая падение реального объема ВВП, сокращение абсолютной величины капитальных вложений можно оценить как четырехкратное. Тот факт, что к концу десятилетия более 2/3 инвестиций в промышленности финансировалось за счет собственных средств предприятий; что предприятия почти не привлекают средства со стороны, говорит не столько о финансовой мощи российских промышленных предприятий, сколько о скромности их инвестиционных программ и отсутствии финансовых рынков.

Никак не компенсируется снижение объемов и изменение структуры инвестиций в основной капитал: более половины капитальных вложений в относительно благополучный период 2000–2001 годы произведены сырьедобывающими, главным образом экспортно-ориентированными компаниями, и узко нацелены на удовлетворение их собственных нужд. Институт финансового посредничества, который бы позволял перемещать капитал из отраслей с избыточными (над собственными потребностями в производительном инвестировании) текущими доходами в объективно перспективные отрасли, так и не сложился, а те формы, которые этот процесс принимает при отсутствии подобного института – покупка сырьевыми компаниями предприятий в непрофильных для них секторах (создание своего рода российских «чеболей») – вызывает большие сомнения в их эффективности и устойчивости.

[2]Средний возраст производственного оборудования в промышленности за период 1990–1999 г. увеличился с 11 до 18 лет, а доля оборудования, используемого в производстве более 20 лет, возросла с 15 до 35(!)%, (Российский статистический ежегодник 2000, с. 316.)

Структурный перекос в экономике

Становится все более очевидным, что наблюдающийся в последние годы рост никак не корректирует очевидный (и в определенном смысле угрожающий) структурный перекос экономики в пользу сырьевых отраслей. Хотя непосредственно доля сырьевых отраслей в формировании российского ВВП сравнительно невелика[3], именно на этот сектор, благополучие которого, по объективным причинам, сильно зависит от перепадов мировой конъюнктуры, приходится основная часть финансовых ресурсов, которыми располагают российские компании, денежных потоков и производственных инвестиций.

Доля этого комплекса в совокупных производственных инвестициях все эти годы была и остается заметно выше, чем в структуре производимой продукции. Так, в промышленности на электроэнергетику и экспортно-ориентированные топливно-сырьевые отрасли приходится почти 80% всех капиталовложений[4], а доля инвестиций в перерабатывающих отраслях – машиностроении, легкой и пищевой промышленности – не

[3]Так, в 2000–2001 гг. удельный вес топливной промышленности (включая нефтепереработку) в производстве ВВП не превышал 5 процентов, а топливно-сырьевого комплекса в широком смысле (если включать в него электроэнергетику, металлургический комплекс, химическую и нефтехимическую, а также лесную и целлюлозно-бумажную промышленность) – 15 процентов.

[4]Расчет Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования («Эксперт», 2002, № 31, с. 77).

превышает 15%. Это означает, что именно сырьевые отрасли на протяжении последних трех лет играли роль своеобразного локомотива промышленного роста, создавая львиную часть инвестиционного спроса на продукцию российского машиностроения и металлообработки.

Именно этим своим сектором российская экономика в максимальной степени включена сегодня в мировое хозяйство. В экспорте доля продукции топливно-сырьевых отраслей (в широком смысле, включая промышленную продукцию неглубокой переработки) составляет 70% и даже имеет тенденцию к повышению. При этом более половины всего объема экспорта приходится на сырую нефть и природный газ[5]. Благодаря этим отраслям поддерживается активное внешнеторговое сальдо, без которого было бы невозможно обслуживание крупного внешнего долга, накопленного за последние десятилетия.

Сырьевой сектор является сегодня крупнейшим генератором денежных доходов населения. Помимо значительного числа работников, непосредственно занятых добычей, транспортировкой и переработкой сырья, этот сектор кормит довольно обширную инфраструктуру — широкий круг трудоемких производств, основным или критически важным потребителем которых являются сам экспортно-сырьевой сектор либо занятые в нем. Падение доходов в топливно-сырьевом секторе в сегодняшних условиях мультипликативно порождает спад продаж в большом секторе производств, способных в своей сумме оказать определяющее влияние на состояние внутрихозяйственной конъюнктуры.

[5]Россия восстановила пиковые объемы добычи, достигнутые в советский период, и стала крупнейшим в мире экспортером сырой нефти, а доля России в мировом экспорте энергоресурсов более чем в три раза превышает ее долю в мировом ВВП.

Относительно небольшое число крупнейших компаний преимущественно сырьевого профиля начинают прямо или косвенно управлять все более значительной частью совокупных финансовых потоков[6]. В сферу, так или иначе подконтрольную этим компаниям, попадают уже не только потоки, непосредственно связанные с добычей и экспортом природных ресурсов, но и задействованные в смежных или обслуживающих их секторах, а то и просто в производствах с повышенной рентабельностью, технологически никак не связанных с основным профилем деятельности этих компаний.

Наконец, этот сектор критически важен и для состояния государственных финансов. Именно здесь собирается более половины всех косвенных налогов (включая платежи за пользование природными ресурсами), которые в свою очередь обеспечивают более половины совокупных бюджетных доходов, будучи особенно важным источником доходов федерального бюджета. Кроме того, как уже было сказано выше,

[6]В списке 200 крупнейших компаний, ежегодно составляемом журналом «Эксперт», 80 процентов составляют предприятия сырьевого сектора. Так, среди 50 крупнейших российских компаний по критерию объема реализации 14 действуют в топливной промышленности (только в первой десятке их восемь), 19 — в черной и цветной металлургии, 4 — в химии и нефтехимии. Эти отрасли безусловно доминируют в любом рейтинге крупнейших компаний России, в том числе по объемам прибыли и даже эффективности производства.

Похожую структуру имеет и структура рыночной капитализации российского бизнеса. Из 50 крупнейших по своей рыночной стоимости российских компаний на середину 2001 г. 20 компаний являются нефтегазодобывающими (кстати, они также занимают 10 из первых 16 строчек). В сумме они составляют более 70% суммарной капитализации всех российских компаний, акции которых присутствуют на рынке. Еще 7 компаний представляют черную и цветную металлургию и 3 — химию и нефтехимию.

именно данный сектор экономики позволяет поддерживать уровень валютных поступлений, необходимый для обслуживания внешних долгов.

Естественно, что столь значительная роль сырьевого сектора имеет и не менее значительные негативные последствия для экономики страны. Так, сохранение преобладающей доли топливно-сырьевого комплекса в совокупных производственных инвестициях означает, что в обозримом будущем именно он будет поглощать огромную часть ресурсов, направляемых на расширение и перевооружение производственной сферы. Кроме того, эффективность инвестиций в добывающие отрасли в силу объективных причин (удорожание разведки и добычи) будет неизбежно падать, а в условиях значительного удельного веса этих отраслей в общем объеме производства это будет вести к снижению эффективности производственных инвестиций и российской экономики в целом.

Высокая доля продукции топливно-сырьевого комплекса в экспорте не только ставит жесткие пределы его возможному росту, но и обрекает его на нестабильность, связанную с неизбежными резкими колебаниями мировых цен на эту продукцию. Не говоря уже о том, что при такой структуре обмена с внешним миром людской и интеллектуальный потенциал страны остается маловостребованным, а национальные ресурсы — недоиспользуемыми.

Наконец, еще большую угрозу экономическому росту и эффективности представляет доминирование в экономике крупных корпораций сырьевого профиля. Непосредственным следствием этого становится недопустимо высокая зависимость общей деловой конъюнктуры в стране от решений и настроений узкой группы высших управленцев этих компаний. Стоит «Газпрому», нефтяным компаниям и РАО

«ЕЭС» просто задержать реализацию своих инвестиционных проектов по причине недостаточной уверенности в перспективах мировых энергетических рынков или даже внутренних кадровых проблем, как по экономике прокатывается волна спада производственной активности в большинстве отраслей, прежде всего в машиностроении и нефтехимической промышленности, в металлургии и производстве строительных материалов. Следом ощутимо снижается и потребительский спрос, и механизм экономического роста надолго сбивается. С другой стороны, избыточный капитал, формирующийся в энергетическом, в первую очередь в нефтяном секторе, в подобных условиях не находит дороги в другие сектора и чаще всего легально или нелегально покидает пределы России, так как сырьевые компании предпочитают вести знакомый им бизнес за рубежом, нежели пытаться выходить в новые, незнакомые им сферы деятельности внутри страны.

Сказанное можно отнести и к государственным финансам — бюджетные доходы испытывают на себе сильное дестабилизирующее воздействие изменений в ценовой конъюнктуре, прежде всего колебаний цен на сырую нефть и ее производные, как непосредственно (через падение поступлений от соответствующих экспортных пошлин и налога на прибыль производителей), так и, в еще большей степени, опосредованно — через общее ухудшение конъюнктуры и замедление роста инвестиций и потребления.

Занятость. Доходы и социальная структура общества

Экономический рост того типа, который мы наблюдали в последние два года, не решил, да и не мог решить проблему занятости. Относительно низкие показатели уровня безработицы в стране не должны

никого обманывать — огромная масса трудоспособного населения в стране не только не имеет нормальной, достойно оплачиваемой работы, но и шансов получить ее до конца своей трудовой жизни. Сырьевая экономика востребует лишь малую толику тех человеческих ресурсов, которыми располагает сегодня страна, а потребности ее в квалифицированном труде вообще ничтожны в масштабе страны с таким населением, как Россия. Следовательно, система фактически обрекает не менее половины сегодняшних россиян на полулюмпенское существование в условиях застойной безработицы и средневекового самокормления с «шести соток». Остальным же она предлагает занятость главным образом в сфере обслуживания, причем преимущественно в виде рабочих мест, не требующих особой подготовки и квалификации, а значит — малооплачиваемых и не сопровождаемых сколько-нибудь ощутимыми социальными гарантиями.

В результате после почти четырех лет экономического роста показатели, характеризующие общественное благосостояние, остались в целом на очень низком уровне. Российский ВВП на душу населения соответствует среднему уровню для развивающихся стран и, грубо говоря, на порядок ниже среднего уровня группы развитых стран. По официальной статистике, соотношение средних размеров зарплат и пенсий с прожиточным минимумом практически не меняется, при этом средняя пенсия сегодня по-прежнему приблизительно на четверть ниже соответствующего прожиточного минимума.

При этом доходы распределяются крайне неравномерно. Разрыв между верхней и нижней децилями населения по уровню дохода является четырнадцатикратным и последние десять лет практически не снижается. Доля населения, которое живет в условиях абсолютной бедности, то есть испытывая затруднения с удовлетворением базовых потребностей, составляет не менее 35%.

Соответствующим образом сформировалась и социально-экономическая структура российского общества. Пять процентов населения, «оседлавших» сырьевые и финансовые потоки, имеют доходы, позволяющие им ощущать себя если не всесильными магнатами, то во всяком случае людьми, навсегда забывшими, что такое материальные вопросы. Еще 20—25% населения — это наш средний класс, который обязан своим относительным процветанием нынешней системе и, соответственно, является ее главной социальной опорой и защитником. Причем средний класс в этой системе представляют не инженеры, офицеры, врачи, учителя, научные работники, средние предприниматели, высококвалифицированные рабочие и фермеры, а работники сферы обслуживания, развлекательных услуг, чиновники и разного рода рантье. Остальные же 70—75% населения — это «старые» и «новые» бедные, подавляющая часть которых вполне в духе марксистской теории капитализма живет на уровне простого воспроизводства рабочей силы или даже ниже. О чем, кстати, красноречиво свидетельствует ситуация как с рождаемостью, так и со смертностью в большинстве российских регионов.

Самое же проблематичное в этом отношении то, что сложившаяся система не содержит никаких встроенных механизмов перераспределения доходов в национальном масштабе. Потребление благополучного слоя населения в лучшем случае на четверть состоит из товаров и услуг отечественного производства, да и те в основном ограничиваются продуктами питания и триединой формулой «ресторан—такси—девочки». В этих условиях надежды на обширный внутренний

рынок как главный механизм, обеспечивающий развитие вширь процессов экономического роста, при существующем порядке остаются беспочвенными.

Сокращение государственных расходов и мини-бюджет

Столь же безосновательными, на наш взгляд, являются и восторги по поводу улучшения состояния государственных финансов. При всех разговорах о бездефицитном бюджете, о решении проблемы госдолга, о финансовом оздоровлении государства нельзя не видеть, что это «оздоровление» было достигнуто за счет отказа от жизненно важных для цивилизованного государства расходов на образование, финансирование НИОКР, социальное обеспечение и здравоохранение. Да и расходы на оплату труда государственных служащих, на содержание армии и правоохранительных органов иначе как унизительными не назовешь. Более того, при той системе, которую мы имеем, страна и в перспективе обречена на такой же сбалансированный «мини-бюджет», доходов которого будет хронически не хватать даже на достойную оплату труда госслужащих, не говоря уже о самых необходимых инвестициях в будущий экономический рост, каковыми являются затраты на инфраструктуру, общее и профессиональное образование, финансирование НИОКР и т.д. С таким бюджетом у страны никогда не будет ни современных вооруженных сил, ни независимой судебной системы, ни честных и профессиональных правоохранительных органов, а самовоспроизводство порочной системы «неформальной» юстиции невозможно будет прервать даже с помощью самой искренней политической воли.

Другой важнейшей областью, принесенной в жертву финансовому «оздоровлению», является наука и

образование. По нашим оценкам, сделанным на основе официальной российской статистики, за последние 8–9 лет общественные расходы на образование в реальном исчислении сократились в среднем на 55%, а рост частных расходов на эти цели лишь в незначительной степени компенсировал сокращение соответствующих расходов федерального и местного бюджетов. В еще большей степени сократились государственные расходы на науку и научное обслуживание, резко упал престиж профессиональной научной и научно-производственной деятельности. Как следствие, заметно упало качество образования и степень общеобразовательной подготовки выпускников средней и высшей школ. Необходимость неофициальных доплат на школьное образование затруднило доступ к нему неимущих слоев населения, в результате чего число детей, оставивших школу, приблизилось к 10% от общего числа детей школьного возраста.

Результатом является нанесение огромного ущерба человеческим (трудовым и интеллектуальным) ресурсам страны. Трудоспособное население заметно сократилось количественно, а его структура, что еще более важно, ухудшилась в качественном отношении. Прекращение производственной деятельности в немногих высокотехнологичных отраслях бывшей советской экономики и деградация системы государственных научных учреждений (при почти полном отсутствии частных исследовательских центров) заставили огромное число высококвалифицированных специалистов сменить профиль деятельности. Причем, по данным некоторых опросов, не более 10% тех, кто потерял или вынужден был оставить работу в научных учреждениях России, нашел себе место в крупных частных компаниях или кредитных учреждениях. Остальные девять десятых заняты в мелком и мель-

чайшем бизнесе либо в официальных структурах, где их интеллектуальные способности оказываются невостребованными, а приобретенные ранее опыт и знания постепенно утрачиваются. Не менее миллиона человек эмигрировало из России (по данным отечественных компаний, профессионально занимающихся миграцией, поток выезжающих из России составлял в среднем 100 тыс. чел. в год), причем весьма значительную часть этой эмиграции составили образованные люди, которые до этого либо были заняты интеллектуальной деятельностью, либо получали высшее образование.

Наконец, хроническое недофинансирование содержания и развития объектов общественной инфраструктуры в этот период заметно ухудшило функционирование основных систем жизнеобеспечения, резко снизило уровень их надежности и безопасности, повысило риск возникновения техногенных и экологических катастроф.

Политическая экономия

В России нет хозяйственного механизма, присущего демократической рыночной экономике. Нынешняя экономика России — это смешанная экономика, но не в том смысле, в котором это слово употребляется в экономической теории, а в ином, специфическом значении — это экономика, в которой смешанной является сама логика экономического поведения. Это и капитализм, и не совсем капитализм, а в чем-то даже и совсем не капитализм. Это, безусловно, не правовая демократия, но одновременно и не анархия или засилье криминальной мафии, как иногда может показаться. Это общество, в котором есть понемногу всего — и

силы права, и силы обычая, и политического произвола, и криминала. Общество живет по «понятиям», т.е. по меркам, которые невозможно свести в четкую логическую систему и которые при этом еще находятся в состоянии постоянного изменения.

Многие несовместимые с современными представлениями об эффективной рыночной экономике отношения и институты, существующие в России с советских, а то и с досоветских времен, и сегодня представляют собой не столько рудимент прошлого, сколько полноценный элемент функционирующей экономической системы. На деле симбиоз коррумпированного чиновничества с непрозрачным бизнесом по-прежнему является фактором, определяющим характер использования весьма значительной части национальных ресурсов. Бюджет страны, даже будучи поставлен на несравненно более прочную основу, нежели в период, предшествовавший финансовому кризису 1998 г., остается опасно зависимым от финансового положения и переговорных позиций одного-двух десятков крупных сырьевых и инфраструктурных компаний, использующих национальные природные ресурсы и при этом практически вышедших из-под общественного контроля, а внешнее благополучие в банковском секторе во многом зиждется на лукавости применяемых методов и критериев финансовой отчетности и контроля.

На теневое довольствие бюрократии уходят значительные средства «теневого бюджета», формируемого крупными олигархическими структурами, которые в ответ получают управленческие решения, приносящие им в сотни раз больший доход.

На микроуровне хозяйственная деятельность в сегодняшней России — это не последовательный переход от административной экономики тоталитарного государства к современному («нормальному») западному об-

ществу, а скорее причудливая смесь институтов и отношений самых различных типов и уровней: современных и традиционных, рыночных и дорыночных, правовых и неправовых, цивилизованных гражданских и основанных на прямом насилии и т.д.

Спросите любого российского бизнесмена, по каким законам он живет и работает — и, если он искренен, он не сможет сформулировать четкий ответ. Прежде всего потому, что в России пока нет единых правил, придерживаясь которых, деловой человек (да и, кстати говоря, любой социально активный гражданин) может рассчитывать на успех и относительную безопасность. Где-то он действует на основе официального права, в чем-то полагается на силу власти, в чем-то — на инерцию привычных отношений, еще где-то просто инстинктивно нащупывает форму поведения, адекватную обстоятельствам и способную привести к успеху.

Другими словами, если России удалось избежать экономического коллапса и обеспечить определенную социальную и экономическую стабилизацию, это еще не означает, что долгосрочное развитие российской экономики и общества — лишь вопрос ресурсов и темпов. Застойная общественная система корпоративно-криминального типа с крайне неэффективным сегментированным рынком и отсутствием механизма долгосрочного воспроизводства и увеличения экономических ресурсов становится для сегодняшней России все более реальной перспективой, чем ее альтернатива — правовое государство с открытой динамичной экономикой и ответственной политической и экономической элитой.

При всей своей эклектичности и внешней нелогичности эта система обладает внутренней устойчивостью, она способна не только к самовоспроизводству, но и к определенному развитию — относительные успехи последних трех лет могут служить тому свидетельством. Через формирование значительного слоя влиятельных людей и групп, тем или иным образом извлекающих из системы немалую личную выгоду, она надежно закрепилась. Более того, не будет большим преувеличением сказать, что практически вся нынешняя российская элита так или иначе завязана на существующий порядок вещей и не может разрушить его без прямого или косвенного ущерба для себя.

Ведь речь здесь идет не только о высшем слое государственных чиновников или пресловутых олигархах — старых и новых. Группы интересов, взаимодействие между которыми определяет реальные условия хозяйствования, лишь частично связаны с официальными властными структурами различного уровня. Главным критерием, позволяющим сегодня той или иной группе участвовать в процессе организации общероссийской хозяйственной жизни, является реальный контроль над теми или иными ресурсами — хозяйственными территориями, объектами инфраструктуры, трудоспособным населением и денежными средствами.

Группы интересов могут быть организованы по разным признакам общности: по территориальному, отраслевому, корпоративному, клановому и т.п. У них может быть и самая разная степень внутренней интегрированности и самые различные формы их конкретной организации. Это могут быть и официальные органы власти, и полуофициальные структуры, включая общественные монополии различных уровней, и крупные частные предприятия, и разнообразные финансовые структуры с той или иной степенью государственного участия либо без него, и криминальные «бригады».

При всем многобразии форм все эти структуры, однако, объединяет два основных признака — реаль-

ный контроль над основными хозяйственными ресурсами и преимущественно внеэкономический, административный характер такого контроля. Главным признаком наличия контроля над ресурсами является физическая возможность способствовать или препятствовать их использованию в целях получения дохода. При этом основанием для контроля является не столько юридически оформленное право собственности на них, сколько возможность принуждения в отношении тех, кто не признает права группы на соответствующий контроль. Методы принуждения могут быть прямыми или косвенными, легальными или нелегальными, но в конечном счете сводятся к возможности использования экономического давления либо прямого насилия.

Другой особенностью такого рода структур является то, что их члены крайне редко извлекают доход непосредственно от использования хозяйственных ресурсов. Преимущественно они ограничиваются предоставлением права пользования этими ресурсами другим организациям с получением рентного дохода (в виде разного рода отчислений, взяток, «гонораров», регулярных и нерегулярных поборов и т.п.). Это не значит, конечно, что, например, все высшие чиновники повально берут взятки или банально разворовывают общественные фонды — система выстроена таким образом, что позволяет использовать административный ресурс и в более тонких, некриминальных формах. Впрочем, это не меняет сути явления, заключающейся в том, что доход извлекается не на основе производительной деятельности, а благодаря принадлежности к той или иной корпоративной общности.

В последние годы сложившаяся в период Ельцина экономическая система не только укрепилась, но и

приобрела устойчивость, позволяющую сформулировать ее основные общественно-политические черты.

1. Значительная, если не преобладающая, роль неформальных, официально не фиксируемых отношений: колоссальный разрыв между существующим законодательством и экономической реальностью.

«Игра» в экономике идет по своим, сложившимся за последние 10 лет правилам, которые под угрозой «стихийных санкций» более или менее полно соблюдаются всеми участниками хозяйственной деятельности. При этом нормы официально существующего хозяйственного права действуют в тех пределах и в той степени, в которых они не противоречат стихийно устоявшимся нормам экономического поведения. Совокупность этих правил, а также экономической активности, ведущейся в соответствии с ними, достаточно точно отражается термином «неформальная экономика», в рамках которой в России производится порядка половины валового национального продукта (более распространенное понятие «теневая экономика» несколько устарело, поскольку, главным образом, указывает на уклонение от официальной регистрации, отчетности и налогообложения).

2. Особое место, занимаемое системой мер неофициального принуждения.

Неформальная экономика с неизбежностью требует для своего функционирования «неформальной» же системы власти. Не только экономика, но и общество, государство начинают жить по неким неписаным правилам, когда и граждане (особенно социально активная их часть), и даже официальные органы действуют не по закону или другим юридическим актам, а на основе личных отношений, прецедента, способности к принуждению и тому подобным вещам. Когда же речь идет о крупных хозяйственных интересах, то

способность субъекта реально «проломить» свое решение или действие в конфронтации с конфликтующими интересами является зачастую единственным реально значимым фактором (внешняя видимость законности при этом может соблюдаться, а может и нет). Средством принуждения при этом может выступать административный ресурс, контроль над рынком или его субъектами или прямое насилие (криминал), но в любом случае оно базируется на неформальном праве — праве сильного.

3. Государство не выполняет и, более того, органически не способно выполнять роль беспристрастного арбитра в хозяйственных спорах и гаранта исполнения контрактов. Функцию последнего вынуждены брать на себя сами хозяйствующие субъекты, полагаясь исключительно на собственную силу или силу своих покровителей.

4. Доверие между экономическими субъектами находится на крайне низком уровне.

Поскольку гарантией исполнения обязательств является не государственная машина, а с неизбежностью ограниченные собственные силы и возможности экономических агентов, возникает ситуация системного дефицита доверия. Собственники и предприниматели не верят государству, государственные органы — бизнесу. Банки не доверяют клиентам, клиенты — банкам, предприятия — своим кредиторам и партнерам. Население вообще никому не верит и глубоко убеждено в том, что если сегодня его кто-то не обманул, то это только потому, что обманул вчера или собирается крупно обмануть завтра.

5. Необходимость собственными силами обеспечивать исполнение обязательств и опора на неформальное право с неизбежностью порождают олигархическую структуру экономики, когда не менее 70% производимого валового продукта так или иначе контролируется двумя-тремя десятками бизнес-структур, решения в которых принимаются несколькими сотнями лиц, составляющих деловую и административную элиту России.

6. В условиях подобной системы право собственности вообще и право частной собственности в частности не являются безусловными. Ни законопослушность, ни сравнительно добросовестное ведение дела, ни даже соблюдение неписаных понятий не могут гарантировать собственность от передела или изъятия более сильным в экономическом, политическом или административном плане субъектом. При наличии реального контроля над территорией, отраслью, инфраструктурой и т.п. заинтересованные группы легко овладевают правами собственника тех или иных объектов, используя для этого в том числе ангажированные или подконтрольные арбитражные суды, ложные банкротства, саботаж со стороны административных органов или трудовых коллективов и т.п. Периодически получающие огласку в прессе громкие конфликты вокруг отдельных предприятий — не более чем верхушка айсберга перманентного процесса перехода собственности из рук в руки по причинам, не связанным с хозяйственным управлением этой собственностью.

Политика

Любой студент знает, что для исправления ситуации необходимы: отвечающая своему назначению система судебных и правоохранительных органов; надзор за соблюдением экономического законодательства и жесткое пресечение любых его нарушений; конт-

роль за распределением и целевым использованием общественных ресурсов; прозрачная и четкая система налогового учета и финансового контроля и многое другое.

С этой точки зрения в ельцинский период не только не было предпринято необходимых мер для создания и обеспечения эффективности этих базовых институтов, но, напротив, произошла их явная деградация. Правоохранительная и судебная системы оказались отчасти приватизированными или коррумпированными, отчасти просто недееспособными. Органы финансового контроля превратились в инструмент давления на бизнес и граждан и полуфеодального их обложения официальными и неофициальными поборами, размер которых определяется не столько законом, сколько произвольными решениями и взаимным торгом. Государственные структуры оказались поставленными вне рамок общественного контроля, их чиновникам фактически было позволено использовать свое положение прежде всего для собственного обогащения.

Нового президента привели к власти как представителя вполне конкретной политической и экономической корпоративной группы на условиях ответственности перед ней и солидарности.

Активная государственническая и законническая риторика ничего не меняет. Главная забота новой-старой администрации по-прежнему борьба с собственными противниками, а также разработка и реализация различных политических сценариев по воздействию на население, центральные и региональные органы власти с единственной целью воспроизводства себя во власть и сохранения своего экономического положения.

Важнейшим же ее «достижением» за 2 года явля-

ется ликвидация публичной политики и политического плюрализма под предлогом обеспечения второго срока, а на самом деле для защиты своего абсолютно исключительного экономического положения.

Годы, прошедшие после финансового кризиса осени 1998 г. и особенно — после смены власти в Кремле, подтвердили, что устойчивостью обладает именно сама вышеописанная система, а не конкретные персонажи, бывшие в свое время ее публичным олицетворением. Так же как физическая ликвидация в 30-е годы виднейших представителей большевистской номенклатуры не меняла существа власти номенклатуры как корпорации, но лишь приводила к еще большей примитивизации и мельчанию. Финансовый и банковский кризис существенно подорвал влияние и возможности тех крупных представителей бизнеса, чье влияние основывалось исключительно на улавливании финансовых потоков через подконтрольные им банки. Смена лиц в Кремле отодвинула в сторону и тех олигархов, чье благосостояние было чересчур тесно завязано на благосклонные и заинтересованные действия тех фигур в правительстве и президентской администрации, которые в итоге передвижек были вынуждены отойти в тень. Возникли новые формы самоорганизации крупного бизнеса. В то же время сама система, при которой важнейшие решения принимаются на основе политической силы и разнообразных механизмов давления (или, как говорят в этой среде, «исходя из понятий и договоренностей»), не только сохранилась, но и в целом укрепилась. Неравные условия для компаний и групп, действующих в одном и том же бизнесе, с точки зрения условий налогообложения и доступа к тем или иным привлекательным ресурсам, сохраняются, несмотря на провозглашенный принцип «равноудаленности» их от вла-

сти, причем чем крупнее и влиятельнее та или иная группа, тем больше у нее возможностей для отступления от принципов универсальности бизнес-климата и чистоты конкуренции.

Поэтому вполне закономерно, что лозунг диктатуры закона так и остался лозунгом: ни одна влиятельная группа этого не требовала и не требует, и более того, в ней никак не заинтересована, поскольку в этом случае рискует многое потерять. Что же касается поддержки твердой и жесткой власти как верховного арбитра в частных спорах, то такая поддержка весьма условна и к тому же предполагает возможность влияния на эту твердую и жесткую власть. В основе ее лежит, помимо прочего, понимание того факта, что официальная власть не располагает и в обозримом будущем не будет располагать необходимым количеством ресурсов для того, чтобы играть роль единоличного независимого арбитра. Как и в последние «ельцинские» годы, официальная власть и при новом президенте опирается не столько на собственную мощь, сколько на использование одних групп в борьбе против других, что невозможно без взаимных уступок и компромиссов. Заявленное два года назад намерение вывести основные финансовые и ресурсные потоки в стране из-под контроля узких корпоративных групп и поставить их под надзор общества осталось нереализованным, а так называемая антиолигархическая кампания свелась к преследованию политически нелояльных руководителей медиабизнеса. Более того, появились признаки того, что исподволь разворачивается новый этап борьбы между корпоративными кланами за передел сфер влияния, прежде всего в экспортных отраслях.

Откуда же в таких условиях может появиться политическая воля для по-настоящему радикальной на-

логовой реформы, которая бы позволила привести официальное налогообложение в соответствие с реально выплачиваемыми в бюджет и «за бюджет» суммами, или для коренной ревизии системы валютного контроля, что помогло бы за счет частичной легализации экспорта капитала установить более жесткий контроль за финансами экспортеров и пресечь сокрытие и отмывание ими незаконно полученных и криминальных доходов.

Власть для самой власти и власть для экономики — это очень разные вещи. В первом случае — это прежде всего проблема собственной безопасности, то есть выживания и преемственности власти, ее внешней легитимности и неоспариваемости, способности пресекать случаи демонстративной нелояльности и неподчинения. Содержательная часть (то есть политика как таковая и возможности ее проведения в жизнь), конечно, тоже имеет значение, но в условиях, когда время, силы и средства власти ограничены, безусловный приоритет отдается именно решению собственных задач — задач для себя, а остальное — по остаточному принципу, что называется по мере возможности.

Для экономики же ситуация выглядит ровно наоборот: персональная стабильность власти, солидность ее внешней атрибутики — вопрос вторичный. Главное же — содержание законов, устанавливаемых властью, и отношение между ними и реальной жизнью, фактически существующими в обществе экономическими и юридическими отношениями. Однако именно в этом власть сегодня оказывается слабой и беспомощной — она не в состоянии реально контролировать не только упомянутые отношения, но и собственный аппарат, который живет по своим законам и представлениям, часто независимым от воли тех, кто находится на вершине властной пирамиды.

Перспективы

Весенняя полемика президента с правительством по поводу темпов экономического роста, на мой взгляд, чрезвычайно показательна. Премьер-министр был прав и не прав в своей дерзкой отповеди требованию президента проявить большую амбициозность в историческом соревновании с Португалией. Он прав, потому что в рамках сложившейся экономической системы любые попытки резко увеличить темпы роста ни к чему, кроме, в лучшем случае, очковтирательства, а в худшем, разрушения относительной стабильности, привести не могут. И он не прав, потому что именно его правительство персонифицирует все те принципиальные пороки системы, которые и обрекают страну на отставание.

Стране нужны не цифры. Нас в конечном счете интересует создание экономических возможностей для преодоления отставания или, иначе говоря, выживания страны, сохранение российской государственности и суверенитета. Для того чтобы понять это, достаточно посмотреть на карту и увидеть, что у России наиболее протяженные границы с наиболее опасными и непредсказуемыми регионами мира и в связи с этим оценить масштабы необходимых в ближайшие 10–12 лет затрат на вооруженные силы, жилищно-коммунальную инфраструктуру, медицину, образование, преодоление демографического кризиса, современное освоение Сибири и укрепление нашего экономического суверенитета на Дальнем Востоке.

Если анализировать результаты нашего экономического развития с этой точки зрения, то следует признать, что отставание от развитых стран увеличивается, а состояние перечисленных сфер становится все более критическим, по некоторым важным элементам необратимым.

При этом следует учитывать, что вот уже несколько лет в западной экономике наблюдается весьма серьезный спад. Немного раньше или немного позже ситуация у них изменится – вновь начнется рост. Тогда наше отставание станет просто разительным.

В России создан такой мутант рыночной экономики, который в принципе не в состоянии сейчас и не будет в состоянии никогда (если его не изменить коренным образом) сократить масштабы нашего отставания от развитых стран. Это отставание, вследствие созданной у нас экономической системы, будет увеличиваться.

В таких условиях требовать от нашего правительства решения задачи сокращения отставания за счет темпов роста – это то же самое, что добиваться от «Запорожца» такой же скорости, как у «Мерседеса».

У «Запорожца» такие конструктивные особенности, что он в принципе не может двигаться со скоростью более чем, например, 100 км в час. Можете давить на акселератор, менять бензин или водителя, проводить совещания – от этого ничего не изменится – предельная скорость останется прежней.

Точно такая же ситуация с нашей экономикой. Она устроена так, что сможет обеспечить приемлемый уровень жизни примерно для четвертой части населения России. Москва и еще максимум 1–2 крупных российских города, вероятно, смогут быть похожими на современные европейские мегаполисы.

Ресурсом социально-политической устойчивости этой системы есть и будут всего лишь 25% населения, они же будут обеспечивать ее воспроизводство. Конечно, если мировые цены на нефть и газ будут на высоте.

Для абсолютного большинства людей «рыночная экономика», построенная в России, не может сделать ничего.

Экономический потенциал российской рыночной системы в принципе не способен позволить не только создать новую, но даже сохранить имеющуюся национальную систему образования, науки, здравоохранения, вооруженные силы, жилищно-коммунальную инфраструктуру.

В обществе начинают происходить опасные процессы, ведущие к его глубокой демодернизации.

Заключение: а можно ли что-то изменить?

Все вышесказанное является по существу развернутой попыткой дефиниции современной российской социально-экономической системы. Подобное определение затруднено бедностью традиционного политэкономического словаря, оперирующего такими понятиями, как капитализм и социализм. Современные российское, китайское, японское общество, сталинская советская система, корейская система «чеболей» до кризиса 1997 года — вот далеко не полный перечень различных структур, каждая из которых обладала или обладает своей внутренней логикой и тем, что можно назвать локальной устойчивостью. Эти структуры возникают в различных традиционных обществах как ответ на вызовы модернизации, т.е. непрерывно нарастающего технического и информационного усложнения глобального социума. Как правило, на каких-то этапах им удается (другой вопрос, за счет чего и кого) решить определенные задачи модернизации. (Даже сталинская система присущим ей способом тяжелейших деформаций и преступлений решила задачу затянувшегося перехода России от аграрного к индустриальному обществу.) Аналогичная задача была решена в 70–90-е годы прошлого века

ценой колоссальной коррупции корейским корпоративным капитализмом — системой «чеболс».

Но те же системы обнаруживали свою несостоятельность, как только перед страной вставала задача перехода к постиндустриальному обществу. В этих противоречиях, а не в кознях злого Сороса, и заключалась фундаментальная причина кризиса в Юго-Восточной Азии в 1997 году[7].

Поэтому диким анахронизмом выглядит идущий сейчас процесс «чеболизации» российской экономики.

Современная российская система также возникла в результате кризиса советской модели, оказавшейся неспособной перейти в постиндустриальную стадию. Думаю, определенные исторические обстоятельства этого кризиса (агрессивная хищность партийно-гебистской номенклатуры, конвертировавшей свою абсолютную коллективную политическую власть в огромную экономическую власть своих индивидуальных членов, беспринципность новой «демократической» номенклатуры) привели к рождению локально устойчивой социально-экономической системы-мутанта, объективно нацеленной на демодернизацию общества.

Такая эволюция создает огромную опасность необратимой деградации общества. Во-первых, демодернизация ведет к вымыванию творчески активного слоя нации, способного задуматься над вектором движения страны и противостоять ему. Во-вторых, независимо от чьих-либо субъективных пожеланий подобная структура власти и общества неизбежно ведет к формированию его политической надстройки как полицейского государства, владеющего монополией на

[7] В вялотекущей, растянутой форме подобный кризис продолжается сейчас в Японии. Свой глубокий кризис предстоит пережить китайской системе.

информацию, то есть системы, в которой любой диспут о путях развития страны будет невозможен в принципе. Оба эти процесса стремительно происходят у нас на глазах.

Я уже отмечал, что вся российская элита так или иначе вовлечена в существующий порядок вещей и не может его разрушить без ущерба для себя. Сохранившаяся по ряду (в том числе и внешнеполитических) соображений демократическая декорация требует от нее раз в 4 года назначать главного менеджера режима, способного гарантировать сохранение существующей структуры.

При всей тщательной регламентированности процесса подбора и назначения «наследника» он несет тем не менее потенциальную угрозу для элиты и ее режима.

Президент РФ, работающий в Кремле, неизбежно начинает, во-первых, понимать, что у нас в стране происходит; а во-вторых, ощущать себя государственным деятелем — такая особенность у этих стен и у этой должности. В результате появляется носитель общегосударственных интересов и ценностей, может быть, единственный во всей властвующей политической элите. Но при этом он понимает, что ограничен теми, кто привел его к власти, что они на то, что он станет государственным деятелем, как раз и не рассчитывали. Если у него есть мужество, он может действовать решительно: вернуть свободу слова, обеспечить независимость суда, приглашать во власть приличных людей, сформировать правительство, не связанное с корпоративными кланами, организовать механизм «круглого стола» с участием и тех представителей элиты, которые готовы подняться над своими корыстными интересами, чтобы предотвратить сползание страны на задворки мировой цивилизации.

Может быть, в этом состоит один из последних шансов на то, что что-то еще можно сделать.

Опять надежда на «доброго царя», очередная попытка «борьбы за хорошего президента с плохими боярами и генералами»?

В определенной степени — да. Это предопределено особенностью реальной власти в России.

На что надежда?

На то, что «царь не будет соблюдать царскую дисциплину и окажется при этом умным человеком».

Есть ли основания надеяться?

Не знаю, не уверен, но лет пятнадцать тому что-то похожее уже было и привело к, казалось бы, невероятному — исчезла советская тоталитарная система.

Есть ли другие варианты?

Судите сами. Позитивной альтернативой «доброму царю» могут быть только люди, граждане, ведущие себя не по-советски (именно ведущие, а не только говорящие).

Что это значит?

Это значит обращение к нашей нравственности, ответственности, самому наличию жизненной позиции наконец.

Если мы как народ считаем, что все сегодня правильно или что иначе и быть у нас не может, и если мы все еще готовы голосовать на референдумах за увековечивание памяти палачей; молчать, а то и поддерживать, когда от нашего имени стирают с лица земли города и деревни на Северном Кавказе, повторяют залоговые аукционы и чековую приватизацию; если мы предпочитаем осмеивать за слабость всякого, кто не циник и не наглец, кто решается вести себя как интеллигент, и при этом любуемся собственной маргинальностью; если мы миримся с очевидной коррупцией, повседневной государственной ложью, раз-

растающейся ксенофобией и зачатками культа личности, отсутствием правосудия и прогрессирующей нищетой...

...Тогда реальной альтернативы «доброму царю» пока нет, а несколько сотен наиболее властных людей в стране всегда могут убедиться, что имеют «народную поддержку» на все что угодно, в том числе и на назначение народу другого менеджера, если им потребуется. А мы все — миллионы — от них ничем не отличаемся, просто хотели бы поменяться местами.

Это значит, что общество спит и все останется как есть.

Неизбежно, однако, что общество проснется.

Не будет ли поздно?

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЛЕЖИТ НА КАЖДОМ

О трагических событиях на Дубровке.
«Новая газета», № 81, 31 октября 2002 года

В Москве произошла страшная трагедия. Утраты, понесенные в ходе событий в театральном центре на улице Мельникова, невосполнимы. Мы приносим соболезнования всем, потерявшим в этой трагедии родных и близких.

Мы твердо считаем, что не может быть оправдания терроризму — ни политического, ни религиозного, ни благими целями, ни даже так называемыми «симметричными и ответными мерами», ни какого-либо другого. Убийству или угрозе, шантажу убийством ни в чем не повинных беззащитных людей оправданий не бывает. В этом смысле причиной терроризма является не бедность или страдания и даже не месть (которая направлена на виноватого), а безграничная подлость.

Мы понимаем, что тем, кто практически нес ответственность и осуществлял операцию по освобождению заложников, приходилось делать выбор между страшным и самым страшным. Этот выбор могла сделать только власть, и она сделала его так, как она могла.

Правильность этого выбора могут оценить только люди, пережившие трагедию, — заложники, их родственники, москвичи, граждане России, а в конечном счете — история. Оценка сложнейшей трагической ситуации политиками сегодня не может быть полной и объективной.

Являясь сторонниками разрешения подобных кризисов методами, в основе которых лежит использование всех способов, позволяющих освободить максимально возможное число заложников без вреда для них, мы разрабатывали иной вариант действий: постепенно, шаг за шагом вести переговорный процесс, в ходе которого можно было надеяться на поэтапное освобождение заложников или хотя бы их части.

Мы считали, что так называемые «требования», которые сводятся к тем или иным формам переговорного процесса или политическим жестам, уж, по крайней мере, обсуждаемы, когда дело касается жизни и здоровья людей.

Мы убеждены, что решение о применении мощной силовой акции, например штурма, должно приниматься исключительно по оперативным, а не политическим, личным мотивам или настроениям общественности в данный момент.

Можно ли с уверенностью утверждать, что на предлагаемом нами пути шансы избежать многочисленных жертв были высоки? Таких гарантий не мог дать никто. Но мы считали необходимым использовать весь ресурс такого рода, пока он не будет исчерпан.

Президент принял иное решение: государство не ведет никаких переговоров с террористами. В настоящий момент полностью оценить последствия этого решения еще невозможно. Трудно спорить о том, можно ли было исполнить его по-другому. Только тщательное выяснение всех деталей и факторов позволит выяснить логику принятия решений, возможно, очень тяжкую.

Однако уже сегодня совершенно определенно можно сказать, что ситуация с оказанием медицинской помощи пострадавшим и обращением с их родственниками была и остается на грани преступления. Врачи, спасающие жизни людей, должны иметь как можно более полную информацию о причинах их состояния. Родные пострадавших должны иметь как можно более полную информацию о судьбе своих близких.

В целом произошедшее 23–26 октября — наше общее поражение, наша общая трагедия. Ни один российский политик и даже ни один гражданин не может снять с себя ответственность за случившееся.

Проникновение многочисленного отряда террористов в центр Москвы свидетельствует о серьезном провале наших спецслужб, правоохранительной системы в целом. Мы считаем, что ключевой проблемой здесь является колоссальная коррупция. Без поименного определения ответственных и существенных кадровых изменений в высшем звене нормальная работа по обеспечению безопасности граждан невозможна.

Несомненно, вставшие на путь террора должны быть преданы правосудию либо, если это невозможно, — ликвидированы. Однако происшедшее с новой остротой ставит вопрос об урегулировании вооруженного конфликта в Чечне, о прекращении зачисток, пыток, похищения людей, внесудебных расправ, издевательств, беспредельного физического насилия — по существу о прекращении жесточайшей войны по изничтожению целого народа. Требуется многократная активизация всех усилий по поиску политических путей прекращения войны.

Из этой трагедии необходимо извлечь уроки.

ПЕРСПЕКТИВА

Выступление на Международной конференции «За прекращение войны и установление мира в Чеченской Республике». Москва, 9 ноября 2002 года

Война в Чечне и проблема насилия на Северном Кавказе является частью жизни нашего общества вот уже восемь лет. По масштабам ущерба, который события на Северном Кавказе и в Чечне нанесли российскому обществу, России как государству, России как части мирового сообщества, эта война не может сравниться ни с какими другими катаклизмами и катастрофами за многие десятилетия.

Оценивая так масштаб проблемы, мы исключительно серьезно относимся к подготовке предложений по выходу из кризиса. Поэтому с самого начала у нас были сомнения в уместности проведения этой конференции. Нас не устраивало отсутствие внятной концепции, чем может завершиться конференция, способа ее организации. Возможности влияния гражданского общества в России на ситуацию в Чечне крайне малы. Поэтому нужно иметь четкие представления, как реально может повлиять на сложившуюся ситуацию то или иное событие и мероприятие, которое проводится в этой связи. Оно не должно «замылиться».

Но теракт в Москве самым серьезным образом повлиял на все происходящее в нашей стране. И будет влиять еще в большей степени. Это потребовало нашего присутствия на этой конференции. Во-первых,

нам важно представить к обсуждению некоторые ключевые проблемы и оценки. Во-вторых, начинающаяся полугосударственная кампания по разжиганию межнациональной розни — исключительно опасное для России направление. Попытки создания государственной и полугосударственной пропагандой «низших» рас, «неприемлемых» национальностей представляются самой опасной угрозой. Разжигание межнациональной розни, какие бы трагические события при этом не использовались, с нашей точки зрения, являются преступлением. И с точки зрения закона тоже.

Приношу глубокие соболезнования всем близким погибших в результате теракта в Москве, тем, кто в больницах. Рана не заживет еще очень-очень долго.

Что же нужно сделать, чтобы сегодняшняя конференция имела практическое значение?

Мы не оцениваем происшедшее в терминах «успешно проведенной операции» или победы. Такие оценки нельзя применять к тому, что произошло в Москве. Это колоссальная трагедия и наше общее поражение. Все мы — присутствующие здесь, все политики, все граждане вообще — несем, пусть и разную, но собственную меру ответственности за то, что происходит в стране, и на Северном Кавказе, и в Москве. Ложь, которая окутывает эти события, неотвеченные вопросы, которых все больше и больше, только усугубляют ощущение трагедии. Рецепт ее ясен — государство стало выше человека, как это бывало и раньше. Точнее, осталось выше человека.

Для рассмотрения вопросов, связанных с ситуацией на Северном Кавказе, важно дать определенную оценку терроризму. Мы считаем, что терроризм не имеет никаких оправданий: ни политических, ни религиозных, ни моральных, ни родственных. Нельзя его оравдать и местью. В конце концов месть должна

быть направлена на тех, кто ее заслуживает, а не на совершенно ни в чем не повинных беззащитных и безоружных людей. Террористы, как правило, здоровые, хорошо подготовленные и вооруженные, сытые и хорошо оплачиваемые люди. Причиной терроризма является не бедность и страдания, а подлость и только подлость.

Почему теракт стал возможен в Москве? Прежде всего, из-за коррупции. В основе теракта и войны в Чечне — во многом, если не в главном — лежит тотальная коррупция сверху донизу. Ее корни не только в Чечне, на Северном Кавказе, они и в Москве. И здесь, в Москве, наверно, самые мощные. Война не закончится, пока она выгодна, какие бы красивые умные планы ни придумывали. Пришло время переходить от школярских заявлений к точным постановкам проблем и задач.

Вам известна позиция партии «ЯБЛОКО», которую я имею честь представлять. С 1994 года ни на день, ни на месяц, ни на одну избирательную кампанию мы не отступали от нашей позиции. Иногда это стоило дорого. Наша позиция в том, что мирное гражданское население в Чечне — это граждане России, которые должны быть ограждены от тех непомерных и невыразимых страданий, которые испытывают. Мы всегда утверждали, что в деле урегулирования в Чечне не могут быть использованы только военные методы, другого решения, кроме мирного процесса, в конечном счете, не может быть. Но прежде чем говорить о мирном процессе, нужно прекратить зачистки, пытки, внесудебные расправы, похищения людей, физическую расправу над населением, казни. Иначе все разговоры — лишь добрые или недобрые пожелания.

Понятно, что в политическом процессе могут участвовать с противной стороны только те, с кем вою-

ешь. А не те, кого туда назначаешь, чтобы вести переговоры. Такие переговоры вообще не являются политическими.

Еще до событий в Москве мы полагали, что важнейшей задачей в этой области является абсолютная необходимость показать людям перспективу. И не только перспективу окончания войны, но — и как там можно будет жить, что можно будет делать детям и внукам. Мы, готовя предложения по достижению стабильности — по Пакту стабильности на Северном Кавказе, рассматриваем в числе приоритетных проблемы гарантии прав собственности на недвижимость и землю, гарантии стабильности при расселении, гарантии прав на безопасность и на жизнь в ее биологическом понимании. Мы считаем, что принципиальной является концепция гражданских прав человека и индивидуума и абсолютного приоритета именно этих прав над всеми другими традиционно сложившимися правами и подходами.

Для того чтобы в Южном федеральном округе достичь хотя бы минимального уровня жизни, существующего в Российской Федерации, понадобится не менее 86 млрд руб. в год. Для того, чтобы такие средства образовались, валовый региональный продукт должен возрасти на 215 млрд руб. в год. Это с учетом того, что доходы населения будут в среднем как в России — до 40% ВВП. Для всех северокавказских республик это означает рост валового продукта примерно в 5 раз.

Почему это так важно? Потому что официальная безработица в России — 10%, в Дагестане — 25%, каждый четвертый; в Ингушетии — 32%, каждый третий; в Северной Осетии — 28%, в Карачаево-Черкессии — 20%, Ставропольский край — 14%, Ростов — 15%, Краснодарский край — 13%. В этом — ключевая проблема.

Чтобы поправить ситуацию на Северном Кавказе, сохраняя темпы роста на общероссийском уровне в 4—6% в год, понадобится более 30 лет.

Сюда нужно включить модернизацию здравоохранения, развитие сети медицинских центров, расходы на переселенческую политику и организацию спецпереселенческого фонда по предоставлению жителям земли, создание транспортной инфраструктуры, современной хотя бы для России инфраструктуры связи. В этом случае речь должна идти о том, что нам на ближайшие 10 лет — а только эта цифра может иметь практическое значение — понадобится примерно 2 триллиона руб., т.е. 20% валового внутреннего продукта уровня 2002 года. Тогда через 10 лет этот регион станет экономически самостоятельным.

Мне очень хотелось бы привлечь ваше внимание именно к таким вопросам, потому что без них все остальное, во-первых, уже известно; а во-вторых — просто неосуществимо. Они являются важнейшим элементом глубокого политического процесса.

Но еще раз повторю: события в Москве внесли огромные изменения во всю российскую политику. Во многих случаях они только начинают разворачиваться. Если мы хотим действительно повлиять на принятие решений по урегулированию на Северном Кавказе, мы должны соизмерять наши практические, вполне разумные предложения с масштабом событий в стране. Реальность такова, что многие из них, если не все, не смогут работать, учитывая сегодняшние тенденции. Невозможность практического обсуждения в конструктивном плане целого ряда предложений диктует необходимость очень взвешенной и глубоко продуманной позиции, выработки ее в контексте реалий, которые сегодня существуют в стране.

У нас с вами больше нет возможностей устраивать

подобные конференции каждые три месяца или полгода. Они на этом теряют свое содержание и смысл. Думаю, на сегодняшнем заседании нужно выслушать основные доклады. Но принятие резолюций и политическая дискуссия по этим вопросам должны состояться позже. Важно, чтобы решения, которые здесь могут быть приняты, и процесс, который может быть инициирован, были реальными практическими шагами, а не просто декларацией.

Конференции следует обдумать, когда следует проводить всестороннюю политическую дискуссию, в каком контексте, при каких предпосылках и условиях, когда принимать основные практические резолюции. «ЯБЛОКО» со своей стороны готово взять на себя всю практическую подготовку проведения соответствующего форума, когда для этого созреют политические условия.

Если мы отнесемся к этому серьезно и мужественно, мирный процесс в России в конце концов одолеет самую большую трагедию нашей современной истории.

Благодарю всех, кто осмелился сегодня прийти на это заседание.

ЧЕЧНЯ: ЧТО ВПЕРЕДИ?

«Новая газета», 10 февраля 2003 года

Вопрос об урегулировании ситуации в Чечне сегодня обсуждается в контексте намеченного на март референдума по Конституции республики. Споры о дате проведения референдума и сообщения о ходе подготовки к нему заменяют дискуссию о более широком политическом процессе. Его частью может стать и конституционный референдум, правда, назначать его в таком случае нужно на другое время и готовить по-другому.

Я был бы рад ошибиться, но обязан высказать наши опасения.

Очевидно, что провести через полтора месяца успешное голосование, добиться положительных результатов, сделать так, чтобы мартовский референдум стал началом политического процесса, ведущего к окончанию кровопролития, в такие короткие сроки и в той ситуации, которая сложилась в Чечне сегодня, нереально. По многим причинам.

Сколько нужно преодолеть блокпостов, чтобы прийти на участок для голосования? Каковы шансы при этом остаться в живых? Насколько опасно и вообще возможно создавать во время войны участки для голосования?

Еще важнее то, что большинство населения не понимает, о чем идет речь. Существует огромный разрыв между представлениями о жизни жителей Чечни и тем, что предлагается на этом референдуме. Половина населения Чечни по-прежнему считает, что Мас-

хадов их президент. Люди очень далеки от референдума, он не воспринимается как общее дело. Думаю, мало кто в Чечне видел проект конституции, и даже если необходимое число экземпляров будет напечатано в ближайшее время, нормального обсуждения не получится, возможности внесения поправок не будет.

Между тем проект чеченской конституции должен быть подробно обсужден как в республике, так и на федеральном уровне, ведь Чечня – субъект Российской Федерации. А сейчас вряд ли найдется российский политик, знакомый с ним.

Снятие из резолюции ПАСЕ рекомендации перенести референдум на более поздний срок вызывает только беспокойство. Рекомендация исчезла не потому, что российская делегация доказала способность федеральных и местных властей обеспечить приемлемые условия для проведения референдума. В принятой резолюции по-прежнему говорится: «Ассамблея озабочена тем, что необходимые условия для проведения такого референдума едва ли могут быть обеспечены до назначенной даты». Просто ПАСЕ отказалась и от участия в решении вопроса о дате референдума, и от направления на него наблюдателей, и от признания его результатов.

Существует опасность сворачивания дискуссии об урегулировании в Чечне вообще. Отставка лорда Джадда использована как предлог для роспуска комиссии Дума – ПАСЕ, занимающейся проблемами Чечни. Ликвидация этой комиссии, учитывая прекращение работы в республике группы содействия ОБСЕ, ведет к фактически полному устранению европейских структур из сферы чеченского урегулирования.

Сейчас ПАСЕ не только сняла с себя ответственность за действия российских властей, но и создала предпосылки для серьезного обострения ситуации в

будущем. Непризнанный международно референдум в Чечне – источник длительной и жесткой нестабильности, стимул для боевиков и структур их поддержки из-за рубежа.

Если бы референдум способствовал прекращению «зачисток», введению в правовое русло ситуации в республике, особенно в сфере отношения сотрудников силовых ведомств к гражданскому населению, прекращению пыток и казней, похищению людей, грабежей, насилия всех видов, то он принес бы пользу.

Однако все перечисленное выше – это необходимые предварительные условия, которые должны быть обеспечены до проведения референдума. Сейчас такие условия не созданы и вряд ли они будут созданы к марту.

Несвоевременный и неподготовленный референдум и решения, принятые вслед за ним, могут обострить ситуацию в Чечне. Усилия, направленные на срыв голосования, будут прилагаться с самых разных сторон. Появятся силы, которые окажутся совершенно не удовлетворены решением персональных вопросов на следующих за референдумом выборах. Сегодня все без исключения стороны движутся к обострению ситуации, со всех сторон есть заинтересованные в гражданской войне.

Неподготовленный референдум спровоцирует выход напряженности за пределы Чечни, и она будет ощущаться в России в целом. Нужно быть готовыми к предупреждению и отражению возможных терактов.

И все же положение дел таково, что, по всей вероятности, референдум будет проведен в намеченные сроки. Уже выделены деньги, никто из участников подготовки референдума от него отказываться не собирается.

Нужно думать о том, что делать дальше. Возвра-

щаться к исходной точке, к мирному процессу, все равно придется. Прекращение «зачисток» и возвращение Чечни в правовое поле — это задачи, которые нужно выполнять в любом случае. Долг российской власти — предотвратить столкновения внутри Чечни, ведь реальная сегодня угроза гражданской войны — это вина и федеральных властей, которые формировали ситуацию в республике в последние три с половиной года.

Будет ли это сделано, будут ли направлены на это усилия, станут ли этому способствовать правоохранительные органы России, наши вооруженные силы? Это вопросы, которые требуют постоянного обсуждения.

Прежде всего важно понять, к чему можно и нужно стремиться. Политический процесс будет успешным только при наличии ясной цели.

Необходимо стимулировать переговоры между всеми воюющими и потенциально воюющими сторонами и не в последнюю очередь внутри чеченского общества, то есть развитие процесса мирного урегулирования при посредничестве федерального центра.

Раньше или позже все это приведет к организации мирной конференции под председательством президента России с участием всех противоборствующих и заинтересованных сторон. За ее пределами должны оказаться только отдельные личности, военные преступники, вина которых доказана.

Международные возможности могут и должны использоваться для сдерживания насилия, выработки специальных правил и процедур, обеспечивающих долгосрочную стабильность. Исключение международного участия из чеченского урегулирования — путь в неверном направлении.

Прийти к конференции очень непросто, но это единственное серьезное направление работы. Российские федеральные власти могут и должны сделать все возможное для подготовки конференции, предотвращения разрастания гражданской войны в Чечне.

Конференция по политическому урегулированию станет началом нового отсчета времени для Чечни.

ЭФФЕКТИВНЕЙ, ЧЕМ ВОЙНА

«Известия», 10 февраля 2003 года

Россия – Европа

Сегодня в России трудно найти политика, который не говорил бы о необходимости «вхождения России в Европу». Однако в элитах оно в большинстве случаев понимается как возможность пить кофе с круассаном на Елисейских полях, иметь счет в швейцарском банке и виллу в Испании. Когда же речь заходит о ценностях, принципах, о защите прав человека (например, на Северном Кавказе), представители России заявляют, что в «наши» дела не надо вмешиваться и что вообще на Западе не понимают «таинственную русскую душу».

В действительности, Россия — европейская страна. Для признания этого факта не нужно чьего-то специального решения. Частью Европы нашу страну сделали Ломоносов, Пушкин, Достоевский, Толстой, Чайковский, Менделеев, другие люди, без которых невозможно представить европейскую культуру и науку. У нас европейская политическая система. Даже коммунизм мы заимствовали из Европы.

Я уверен, что если события будут развиваться по оптимистичному сценарию, то через 10—15 лет Россия станет членом всех европейских политических, экономических, оборонных структур. В большинстве случаев это будут не сегодняшние, а качественно новые организации.

Но главное не в соблюдении формальностей, а в

создании как в нашей стране, так и в Европе условий для глубокого взаимодействия по всем вопросам – как внутриевропейским, так и глобального масштаба.

Мы должны двигаться к взаимному открытию рынков России и Евросоюза, формированию зоны свободной торговли, а затем – зоны свободного перемещения капиталов и рабочей силы, работать над созданием системы общей безопасности, решать ряд проблем отраслевого характера – в энергетике, транспорте, других сферах.

Конкретные шаги в этих направлениях могут и должны быть сделаны уже в этом году. Необходимо составить график событий, которые будут способствовать российско-европейскому сближению. Новые возможности открывает намеченный на май саммит Россия – ЕС в Петербурге.

Там можно сделать первый, для начала на уровне деклараций, шаг к уничтожению разделяющих единое европейское пространство визовых барьеров. Несмотря на все сложности перестройки системы работы российского МИДа, таможни, иммиграционных властей, служб безопасности и, несмотря на непонимание даже таких традиционно дружественно настроенных по отношению к России стран, как Финляндия, мы не можем не ставить этот вопрос уже сегодня. Как это ни парадоксально, но с расширением Евросоюза возрастает опасность изоляции России, вокруг которой возникают новые барьеры.

Должна активизироваться работа по созданию российско-европейской системы противоракетной обороны, уже начатая в рамках двадцатки Россия – НАТО. Это направление вместе с сотрудничеством по созданию транспортных средств стратегической мобильности может стать очень существенным в совместной деятельности в области безопасности. Оно в отличие от таких

программ, как «Партнерство во имя мира», во-первых, решает одну из важнейших проблем европейской безопасности; а во-вторых, помогает улучшению ситуации в нашей стране. Российско-европейская система противоракетной обороны – это и рабочие места для граждан России, и новый ориентир для российских военных, реально помогающий преодолеть стереотипы холодной войны, выстроить новую систему координат.

Конечно, для реализации этих планов предстоит многое сделать. В области трудового законодательства, социальной политики, защиты прав потребителей к кооперации с Европой Россия пока не готова. Но начинать движение нужно уже сейчас и препятствия здесь не только в России, но и в сопротивлении европейской бюрократии, не желающей смотреть на вещи стратегически.

Нельзя не видеть, что границы Европы, отделяющие ее от самых нестабильных и самых опасных регионов мира, проходят по границам России. Их защита – общеевропейская задача. Кроме того, слабая и нестабильная Россия станет постоянным источником террористической опасности для всех.

В глобальной экономической конкуренции участвовать на равных с Северной Америкой и Юго-Восточной Азией может только Большая Европа, в полной мере использующая территориальный, ресурсный, интеллектуальный потенциал России и других бывших республик СССР.

Афганистан, Ирак, Корея... Кто следующий?

По большому счету границы Европы проходят там, где по ту сторону нет выстраданных на протяжении всего XX века либерально-демократических ценнос-

тей, основа которых — права человека. Тот, кто поддерживает эти принципы, кодифицированные после Второй мировой войны Рене Кассеном в Декларации о правах человека и Робером Шуманом в Декларации об объединении свободных наций Европы, тот и является европейцем. Те страны, где эти ценности не поддерживаются, — вне Европы.

Поэтому одна из главных задач Европы и России сегодня — борьба с диктаторскими режимами. Пока международное сообщество бороться с диктатурами не умеет. Оно идет по пути изоляции тех стран, в которых появляются признаки политической диктатуры. Это неправильно, так как ведет к накоплению диктатурами сил и не решает никаких проблем. Благородная цель ликвидации диктаторского режима Саддама Хусейна ограничена. Не будет Хусейна — возникнет кто-то другой в другом месте. Уже есть Ким Чен Ир, Ниязов, Лукашенко и другие. Технологий по борьбе с подобными образованиями и предотвращению их появления нет.

И в этом отношении очень важна роль России и то, остается ли она вместе с Европой.

Согласование действий России и Евросоюза могут стать ключевым элементом решения наиболее актуального вопроса самого ближайшего времени — проблемы Ирака. Обсуждение этой темы в большинстве случаев ограничивается рассуждениями о том, будет или нет война и нужна ли она.

Понятно, что война — это абсолютное зло. Цена войны — это не только деньги, но и неизбежное убийство мирных людей, колоссальные страдания гражданского населения, а по мнению очень многих специалистов, — резкий всплеск терроризма по всему миру, рекрутирование в ряды террористических организаций и привлечение к различным экстремистским

акциям молодых людей, это маргинализация ООН, новые попытки распространения оружия массового поражения.

К тому же, если речь в отношении Ирака идет уже не просто о поисках оружия массового поражения, а о смене режима, то возникает вопрос о том, как быть с другими потенциально опасными диктатурами. Уже есть Балканы, Афганистан, приближается Ирак, а потом Корея... И так далее по всему миру? Кто будет ликвидировать неизбежные гуманитарные последствия, содержать побежденную страну? Есть ли для этого политические и экономические ресурсы?

Не нужно забывать также, что есть целая плеяда стран с «хорошими» диктаторскими режимами, которые в силу той или иной конъюнктуры сегодня либо пока не замечаются, либо даже поддерживаются. Нет сомнений, что двуличие добром не кончится.

Нужно сделать максимум возможного для того, чтобы избежать войны. Но обеспечение безопасности и изменение иракского режима остается целью, которую обязательно надо достичь. Нельзя мириться с режимом, уничтожающим собственных граждан, с непредсказуемой диктатурой, представляющей угрозу всему региону.

Выступать против войны в Ираке, не предлагая альтернативный способ изменения иракского режима, может быть, и красиво, но неумно. А еще — опасно. Иракский кризис уже привел к углублению раскола между США и Европой, а также к расколу самого европейского сообщества, обострению противостояния Франции и Германии, с одной стороны, и Великобритании, Испании и других стран, поддерживающих США, с другой. Это серьезное достижение противников антитеррористической коалиции.

В действительности никто не испытывает симпа-

тий к иракскому режиму. Опасения людей связаны совсем не с сочувствием диктатуре. Пугает непредсказуемость последствий непродуманной силовой акции. Поэтому задача США не в том, чтобы убедить кого-либо в опасности режима Хусейна, а в том, чтобы объяснить, что, как и для чего они собираются делать. Но уж точно задача тех, кто считает себя союзником США, не пытаться заигрывать с Саддамом, используя слабости американцев.

К сожалению, особенности и характерные черты режима Хусейна, которые требуют особого отношения, сейчас остаются за рамками дискуссии. Между тем, это редкий для исламской страны случай господства светской, а не религиозной власти. Более того, это во многих отношениях – советский режим. Опыт Советского Союза показывает, что и без войны в том смысле, в котором о ней говорят сейчас, возможна эрозия такого режима, его реконструкция.

Кстати, следует иметь в виду, что с Хусейном или без смена системы власти в Ираке возможна только до некоторой степени, потому что она во многом основана на культуре, исторических традициях, религии, самом образе жизни. Но определенные изменения возможны, и добиться их следует без войны.

Для этого необходимо разместить в регионе на длительный период большой международный контингент вооруженных сил. При этом Хусейн должен понимать: если будет принято политическое решение, военные акции последуют незамедлительно. Необходимо также лишить иракский режим возможности маневрировать.

По соотношению цена-результат такие действия оказываются намного более эффективными, чем война. Добиваться, в том числе и путем военного давления и постоянной работы большой группы инспекторов, эрозии и реконструкции режима настолько, насколько это вообще возможно, – путь более продуктивный. В случае успеха он может быть использован в отношении других диктаторских режимов.

Всемогущество США?

Помочь США осознать эффективность и продуктивность такой модели действий – достойная цель как для России, так и для Европы в целом. Отстаивание такой позиции гораздо важнее и нужнее бесплодного противостояния с США по поводу необходимости военной операции без предложения альтернативного войне способа смены иракского режима.

Тема единоличного лидерства США в мире после крушения СССР и в особенности после 11 сентября обычно обсуждается с критических позиций как некое новое препятствие, которое необходимо преодолевать. Однако что было бы, если бы Америка оказалась слабой? Неужели это привело бы к повышению уровня безопасности, например, в Европе? Нет. Американская беспомощность – гораздо большая угроза стабильности и безопасности во всем мире.

Те же самые люди, которые критикуют американское высокомерие, жалуются на отсутствие прогресса в развязывании балканского и ближневосточного узлов – проблем, которыми американцы занимаются сейчас не так активно.

Безусловно, вызов всемогущества исключительно сложен. С таким вызовом ни одна страна в мире до сих пор не сталкивалась. США первые в мире по военной силе, экономической мощи, политическому влиянию. Даже больше, чем первые – они заняли не одно, а десять первых мест.

Надежда на то, что Соединенные Штаты вынесут это бремя, есть. Америка – страна, которая очень много дала миру с точки зрения свободы, защиты прав человека, уважения человеческого достоинства. За свою историю американцы сумели преодолеть самые серьезные проблемы и вызовы — рабство, расизм и сегрегацию, бедность.

Испытание медными трубами самое тяжелое, и пока руководство Соединенных Штатов не может справиться с тем, какой стала их страна. Признавая историческую роль США, мы вовсе не обязаны соглашаться со всеми решениями и действиями американских политиков. Но и Россия, и вся Европа обязаны помочь США мудро использовать их возможности для общей пользы.

Эта помощь просто необходима Соединенным Штатам, несмотря на то, что им самим пока, никто кроме Бога, равным и нужным не кажется. Дело в том, что все показатели всемогущества США имеют безусловную ценность только в системе координат прошлого, XX века. В XXI веке мир встретился с новыми реалиями. Они требуют иных средств и методов в политике.

Гигантскую военную мощь США можно сравнить с оружием для охоты на крупных зверей – медведей, тигров, слонов. Она предназначалась для противостояния таким потенциальным противникам, как СССР или Китай. Главной опасностью сегодня стал распыленный по всему миру терроризм — ядовитые комары, против которых большие ружья и мощные капканы бессмысленны.

Американцы еще не осознают перемену до конца. Недавно я привел аналогию с охотой в разговоре с высокопоставленным американским политиком. Он, подумав, ответил: «Мы будем уничтожать гнезда комаров». Но у комаров нет гнезд. Чтобы бороться с ними, нужно осушить болото, на котором они живут,

то есть предпринять нечто принципиально иное, чем привычная пальба из орудий и бомбометание.

Сегодняшние вызовы требуют прежде всего международной кооперации, оперативного обмена информацией, согласованной работы спецслужб и разведок, совместных дипломатических усилий, интеллектуальной взаимопомощи.

Особенно важно международное сотрудничество и единство в тех случаях, когда речь идет о превентивных ударах. Использование в борьбе с представляющими опасность для мира режимами превентивных ударов по определенным причинам и при определенных условиях возможно. Однако согласованные действия и общие усилия в таком случае обязательны.

И все это только для борьбы с непосредственными угрозами.

Корни терроризма очень глубоки. Существующее направление развития мировой экономики ведет к росту разрыва между бедными и богатыми странами, а следовательно увеличивает потенциальные возможности терроризма.

Конечно, террор не имеет оправданий, его причина — не бедность, а подлость. Социальные и религиозные мотивы он использует только как прикрытие, приманку для рекрутирования молодежи. И все же без действий в гуманитарной, социальной сфере, без постановки более масштабных задач, чем выявление и ликвидация отдельных террористических центров, вести борьбу с терроризмом бессмысленно.

Необходимо уже сейчас разрабатывать глобальные гуманитарные программы, направленные на ослабление питательной среды терроризма. Серьезной мерой, предотвращающей вовлечение молодежи в террористическую машину, может стать специальная программа, которая предоставила бы каждому ребенку в мире

возможность равного доступа к бесплатному начальному образованию.

Нельзя забывать о давних «горячих точках», очагах напряжения, являющихся питательной средой для новых угроз. Израильско-палестинский конфликт – ключевой фактор и для решения иракского вопроса и для борьбы с террористической опасностью в целом.

Еще одна важная задача международного сообщества — не допустить использование борьбы с терроризмом как предлога для решения внутренних политических проблем тех или иных правительств. Сейчас администрации слишком многих стран используют лозунг борьбы с терроризмом для решения своих внутренних проблем. Между тем, борьба с терроризмом не может вестись таким образом, чтобы размывать, а то и попирать базовые европейские ценности, нарушать права человека. В таком случае она становится просто бессмысленной.

Справиться с этими проблемами в одиночку не под силу ни одной державе, какой бы военной, финансовой и иной мощью она ни обладала.

Сверхзадача Европы в самом широком смысле и России как ее неотъемлемой части — минимизировать террористическую угрозу и решать проблему диктаторских режимов, не подрывая базовые европейские ценности.

Решить эту задачу можно, только объединив мудрость Старого и мощь Нового Света, которые с точки зрения уважения к правам человека были и должны оставаться единым целым.

ЕВРОПА И АМЕРИКА ВОКРУГ ИРАКА

«Ведомости», 17 февраля 2003 года

Осложняющаяся ситуация вокруг Ирака вызывает все большую тревогу уже не только в связи с развитием событий на Ближнем Востоке. Под вопросом оказываются базовые связи, являющиеся основой стабильности международного сообщества, его способности адекватно отвечать на вызовы новейшего времени. Серьезное достижение противников антитеррористической коалиции – углубление разногласий между США и Европой и обострение противостояния в самом европейском сообществе, между Германией и Францией, с одной стороны, и сторонниками США, с другой.

Россия в этих условиях пока действует в стиле политического постмодернизма, одновременно поддерживая и Ирак, и Германию с Францией, и США. Это полностью соответствует внутриполитическому поведению российской власти, которая соединяет советский гимн с царским двуглавым орлом и демократическим триколором. Стиль эффектный, однако абсолютно неэффективный с точки зрения продвижения вперед. Стоя на месте, можно улыбаться всем и, соответственно, всем нравиться, теряя при этом все шансы на серьезную роль.

А роль эта, кстати говоря, могла бы быть весьма существенной и для страны многообещающей.

Сегодня все сосредоточились на разборе поведения США. Резкость критики действий американцев со стороны Европы если не рационально, то интуи-

тивно вполне понятна и в глазах наблюдателя значительно оправдана: европейцы не хотят втягиваться в не до конца мотивированную войну с неизвестными последствиями. В итоге опыт, в том числе и последних лет, фактор неоправданно пролитой крови стал для европейской общественности столь важен, что эта общественность выступила против не вполне понятной войны с такой энергией, которая оказалась полной неожиданностью и для американцев, и для самих европейских правительств. Правда, в шараханиях европейских бюрократий просматривается и смесь комплекса ограниченности собственных военных возможностей с болезненностью текущей политической конъюнктуры.

Почти никто не задается вопросом, что будет, если иракская задача все же останется без решения и все кончится лишь тем, что в Европе поднимется небывалая волна антиамериканизма, в НАТО произойдет раскол, а Саддам будет праздновать победу, перехитрив всех.

Как раз в этом случае появятся действительно неразрешимые проблемы, угрожающие в равной мере и Европе, и Америке. Ведь если не говорить о личных амбициях европейских и заморских политиков, то все расхождения между ними не стоят ломаного гроша по сравнению с ценностями, их объединяющими.

В Европе и США после Второй мировой войны появилась политика, основанная на уважении к правам человека. Фундамент этого образа жизни — принципы, кодифицированные Рене Кассеном и Робером Шуманом в Декларации о правах человека и Декларации об объединении свободных наций Европы.

Несмотря на все серьезные традиционные разногласия с Европой, Америка и Европа принадлежат к одному и тому же образу жизни, к одной цивилизации, и в среде антицивилизационных фанатиков ан-

тиамериканизм является эвфемизмом антиевропеизма, «антизападничества». Когда подобные люди утверждают, что они против США, они лишь по грязным тактическим соображениям боятся сказать, что хотят ошельмовать весь западный мир и что выступают не столько против США, сколько против всех вообще демократических и гуманистических европейских ценностей, которые исторически утверждались в мире во многом благодаря американцам.

Всерьез оспаривать и тем более подрывать сегодняшнюю ведущую роль Америки — значит лишать мир важнейшего фактора международной стабильности. Это приведет к резкому усилению позиций агрессивного фундаментализма и росту масштабов террора.

Война — это зло и крайняя мера, об этом надо напоминать каждому государству, которое по каким-либо, даже очень серьезным причинам собирается ее вести. Война несет гибель и страдания мирным невинным людям, рекрутирует в террористы, привлекает к различным экстремистским акциям молодежь. Государство, которое начинает войну, рискует потерять уважение и доверие к себе.

Но никто не вправе забывать о причинах, порождающих предвоенную и военную ситуацию. И ничто не снимает с повестки дня вопрос неприемлемости и опасности, которую несут миру режим Хусейна и другие непредсказуемые диктаторские режимы, обладающие или стремящиеся к обладанию оружием массового поражения. Все те, кому дороги такие слова, как «демократия» и «Европа», несут прямую ответственность за то, чтобы такие режимы прекратили свое существование в том виде, в котором они существуют сегодня.

Характерные черты режима Хусейна до сих пор остаются за рамками дискуссии. Между тем, это редкий для исламской страны случай господства светс-

кой, а не религиозной власти. Более того, это во многих отношениях — советский режим. Опыт Советского Союза показывает, что и без войны в том смысле, в котором о ней говорят сейчас, возможна эрозия такого режима, его реконструкция.

Особенности диктатора этого типа таковы, что без жесткого, по крайней мере, косвенного силового давления повлиять на него невозможно. Только тогда, когда Хусейн поймет, что утрата нефти и власти — это вопрос техники, можно ждать каких-то изменений.

Что же делать?

В возможно короткий срок разместить в регионе вокруг Ирака крупный международный военный контингент с целью стабилизации ситуации и контроля за ней на всем протяжении длительного переходного периода. При этом международные силы должны быть готовы к немедленному началу боевых действий при принятии соответствующего политического решения.

Такая стратегия, основанная на беспрецедентном давлении и готовности действовать, а также лишении Хусейна возможности маневрировать, разыгрывая противоречия между союзниками, заставит иракский режим трансформироваться и может предотвратить войну.

Отчасти этот план сейчас уже действует. Именно реальность угрозы начала боевых действий со стороны США заставляет Хусейна идти на все возможные уступки в отношении режима работы и полномочий инспекторов ООН. Попробуйте убрать этот фактор — и, я уверен, Хусейн создаст невозможные для инспекции условия. Ситуация вновь будет отброшена на этап обсуждения того, что делать с нежеланием Ирака сотрудничать и постоянным стремлением обойти санкции ООН.

Поэтому стремиться надо к тому, чтобы это давление стало общим, осуществляемым международным сообществом.

Сегодня США следовало бы изменить политическую линию таким образом, чтобы найти минимально возможный компромисс с европейцами. В сложившихся условиях единство так важно, что ради него можно пожертвовать стремительностью действий в Ираке.

Военная мощь для борьбы с терроризмом и опасными диктатурами необходима, но не она будет решать исход сражения. Чтобы победить, нужно гораздо большее и принципиально иное, чем привычная пальба из орудий и бомбометание.

Первое и, пожалуй, главное — это умение работать вместе с другими в международных делах.

Особенно это важно, когда речь пойдет о превентивных ударах. В принципе использование превентивных ударов для ликвидации угроз возможно. Однако это обязательно должно быть международное согласованное решение. Только так можно предотвратить ошибки.

Предложи сейчас Россия такой план действий, она могла бы стать ключевым положительным игроком на международной арене, как в мае 1999 года в Югославии.

О РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ В ЦЕЛОМ, О ПРЕДУБЕЖДЕНИЯХ ЕВРОПЕЙЦЕВ, ИРАК, КАЛИНИНГРАД, ВЫБОРЫ, НТВ, ОВЕС, ДАЛЕЕ – ВЕЗДЕ

«Московские новости», 4 марта 2003 года

Про иракский кризис

Думаю, Путин давно обо всем с кем надо договорился. Но все же наш президент мог бы сейчас взять инициативу и пожинать потом лавры, о которых любой глава государства мог бы только мечтать. Он мог бы сейчас предложить решение проблемы Ирака без войны, а заодно, что особенно важно, уладить конфликт между Европой и США. После 11 сентября он блестяще разыграл полученную карту. Сможет и сейчас, только нужно поторопиться.

Можно было бы, например, повернуть проблему так: «Ясно, что номер с войной не проходит. Воевать с 20 миллионами человек, убивая совершенно невинных людей, неправильно ни с какой точки зрения». Я знаю, мог бы сказать Путин, что в Ираке — «советский» режим, и если сильно надавить на него, он способен меняться — он так устроен. Поэтому нужно не начинать войну, а разместить вокруг Ирака крупный международный военный контингент, лишить Саддама всякого маневра, показать ему, что все в мире едины, и давить на него со всей силой. Тогда вы сможете этот режим до определенной степени модернизиро-

вать. Вы Югославию так дожали в конечном счете. Пусть Саддам начнет перестройку — он сломает себе шею очень быстро. Но для этого надо прекратить неуместный конфликт между Европой и Соединенными Штатами.

Европейская воинственность весьма занятна: когда они решили отправить солдат в Афганистан, оказалось, что у них нет ни одного подходящего транспортного самолета. Без Украины, которая за огромные деньги сдала европейцам «Антеи», которые и перевезли войска, грош цена была бы этой воинственности. Было бы интересно посмотреть, как европейская армия приезжает в Афганистан, как Бумбараш, на поезде. Так что лучше всем забыть о надменном тоне.

С американцами — другой разговор: «Неужели вы не понимаете, что все эти ваши огромные самолеты и прочее ничего не решают? Диктаторский режим Хусейна не один. Со всеми будете воевать? Косово, Афганистан, Ирак, потом — Северная Корея, Иран, Пакистан, Саудовская Аравия, Туркменистан, а там, глядишь, и Белоруссия. И кто потом будет содержать все «освобожденные» народы? Откуда ресурсы для этого? Надо искать способы прекращать действие таких режимов без войны.

Про предубеждения европейцев и Калининград

Россия, пожалуй, единственная, кто может предложить Европе что-то, кроме неприятностей: ни поляки, ни чехи, ни венгры этого не могут. И это могла бы быть вторая линия игры для Путина.

Европа должна понять, что конкурировать в экономическом смысле с Северной Америкой и Юго-Восточной и Восточной Азией она сможет, только объединившись с Россией. Но проблема в том, что у них нет никакого стратегического видения, потому что брюссельские бюрократы дальше своего носа не видят. И все время только изощряются по поводу виз или еще чего-нибудь.

Пора обсуждать серьезные вещи: Европе нужно объединиться по-настоящему самой и дальше двигаться к нам. Тогда она сможет защитить самые протяженные границы с самыми нестабильными регионами мира. Иначе все неприятности с востока и юга быстро доберутся до них. Они привыкли, что Россия веками была их надежным рубежом, и думают, что и дальше могут вести себя беззаботно.

Не так давно в Копенгагене я спросил у высокопоставленных европейских чиновников: почему колумбийцы или японцы имеют право ездить в Европу без виз, а русские нет? Чем колумбийцы лучше? И мне ответили: тем, что они далеко. И вообще, если бы вы были так далеко, как колумбийцы, или так богаты, как японцы, так же и ездили бы. Скоро будет саммит в Петербурге, там было бы разумно, по аналогии с планом вхождения Польши в Европейский союз, принять и план по введению безвизового въезда россиян в Европу. И не откладывать это.

Петр прорубил окно в Европу, Путин, наконец, через триста лет откроет туда дверь. Комиссия России и Евросоюза по вопросу безвизового режима создана на прошлой неделе.

О решении чеченской проблемы

В Чечне созданы все предпосылки к гражданской войне. Мало было Масхадова, создали Кадырова. Слишком многие заинтересованы, чтобы все оставалось, как

сейчас: Кадыров, боевики, многие федералы... Боюсь, референдум в Чечне может привести к усложнению ситуации и вообще к опасным последствиям и для России в целом, и для Чечни в частности. Беда, если он не будет признан международным сообществом. Но деньги отпущены, процесс теперь не остановить.

Реальный выход – мирная конференция по Чечне под председательством Путина, на основе российских законов и Конституции, где за столом будут сидеть все, кроме военных преступников. Я знаю, как в Чечне до сих пор говорят о Путине. Для чеченцев это человек на заоблачной должности. Поэтому они в конце концов согласятся и будут разговаривать. Ведь для них это будет и решение вопроса, кто кем будет в республике в дальнейшем. Федеральный центр вполне способен решить проблемы Чечни, если соберется провести такую же конференцию, какую провел по Таджикистану или Афганистану. Тогда Москва всех примирила – знаете почему? Вопрос мира был – прагматический, если хотите – технический, а не финансовый или эмоциональный.

О коррупции как институциональной проблеме

В России коррупция – институциональная проблема. У нас даже принят специальный закон о легализации и всемерном укреплении коррупции. Называется он «О третьем сроке губернаторов».

Коррупцию превратили в образ жизни, исчезни она завтра – и все встанет. Это то, что смазывает все шестерни государственного механизма. Все уже «по понятиям», все притерлось, даже убивать стали реже...

Дело даже не в том, чтобы поймать кого-нибудь за руку. Чтобы разобраться с коррупцией, нужно, чтобы людям это по-настоящему надоело и чтобы появился независимый суд. Ни того ни другого нет. Но вовсе не потому, что новые законы о суде – плохие, а потому что нет политической воли. Если будет независимый суд, он на следующий день доберется если не до самого верха, то до ближайшего окружения наверняка. Дело ведь не в том, на какой срок избираются судьи, а в том, что власть до сих пор не поддержала ни одно беспристрастное судебное разбирательство.

У нас даже Конституционный суд переживает смертные муки, когда нужно решить вопрос относительно законности третьего срока губернаторов. Но решение сразу отыскивается, если «дан сигнал». Как после этого верить в реформы вообще? Кстати, у меня большие сомнения, что что-то путное получится и с земельной реформой, если нет суда и нельзя защитить право собственности.

По поводу конфликта с Грузией

Мы считаем, что не может быть речи ни о каком военном конфликте с Грузией. Все разногласия между Россией и Грузией, в частности, связанные с Чечней, – в компетенции правоохранительных органов. Их ни в коем случае нельзя переводить на уровень межгосударственных.

Грузинское руководство, конечно, допускает серьезные ошибки: скрывает на своей территории террористов, использует их для решения своих внутренних проблем, перебрасывая в Абхазию или еще куда-то. Тбилиси совершенно напрасно пытается вести себя симметрично и ошибкам России противопоставляет свои собственные. Невозможно маленькую, несчастную, находящуюся в бедственном положении Грузию

заставлять тягаться в совершении ошибок и глупостей с региональной сверхдержавой. Мало того что Тбилиси так поступает, там еще и надеются, что международное сообщество их в этом поддержит.

Недальновидное и безответственное вмешательство российских структур в Абхазии, Аджарии и Южной Осетии бесперспективно и очень опасно. Это советский атавизм. Но и Грузия ошибается в выборе тактики и стратегии. Остается только объяснять товарищам из грузинского ЦК, что это путь в тупик — что я и пытаюсь делать.

О грядущих выборах

У нас есть свои 7–10% избирателей. Мы храним им верность. Вопрос, какой «прибавки» мы сумеем добиться как с точки зрения улучшения реальных результатов (это зависит в основном от нас), так и с точки зрения уменьшения переделки результатов (зависит не от нас).

Центризбирком сам ничего не «рисует». Все происходит так: на участке, где вы голосуете, например, в школе, составляют протокол. Записывают: этот набрал 1000 голосов, этот — 300, этот — 200. Все честно. Наблюдатель забирает копию протокола, а оригинал идет в район — там делается сводная табличка по всем участкам. Вот здесь уже цифры совсем другие. Потом делается областная сводная табличка — там цифры третьи. Затем субъект федерации отправляет данные в Москву, где ЦИК «честно» все подсчитывает.

Взяв протоколы наблюдателей и сравнив их с табличками района и области, видно, у кого голоса забрали и кому приписали. И вы идете в суд. Показываете: здесь у меня забрали 10 тысяч голосов и вот куда

их приписали. Ну ладно, мне сделали 2 тысячи голосов вместо 12215. А Панфилова? У нее было 3 голоса — и все три у нее забрали! Был еще кандидат «против всех» — у него тоже все отобрали, там же заступиться вообще некому. Что же они делают? Суд отвечает: да, действительно. Но у нас 96 тысяч избирательных участков. Принесите данные с половины — мы поднимем вопрос. А если, скажем, только с десяти тысяч, тогда «допущенные неточности не могли существенным образом повлиять на общие результаты выборов».

Такая «история» с цифрами может продолжаться еще очень долго. Можно только решить — участвовать в этом или нет.

Про различия между «ЯБЛОКОМ» и СПС

У нас качественные различия. Например, яблоко и огурец — фрукт и овощ. Не надо их скрещивать, ничего вкусного из этого не получится. «Союз правых сил» — это во многом партия крупного капитала. В этом нет ничего плохого. Но крупный капитал во всех странах, и особенно в России, органически связан с властью. И куда бы она ни выворачивала, ее капитал всегда идет за ней. И его партия всегда будет двигаться туда же. Тут, конечно, кроется серьезная опасность: в случае разворота к фашизму крупный капитал поддержит и это.

У крупного капитала в России пока проблемы с электоратом — недостаточно сторонников, чтобы провести свою партию в Думу. Поэтому он пригласил к себе на работу молодое дарование, которое ведет себя в стиле молодежного «ЯБЛОКА». Что они и делают — иногда более успешно, иногда менее.

Мы готовы сотрудничать с СПС по многим вопро-

сам, если он перестанет устраивать карнавал, выдавать себя за нас и метаться между нами и Кремлем. Правда, если он уйдет совсем вправо, станет ультраправым, мы станем оппонентами. «ЯБЛОКО» — не правая партия, мы либеральные демократы или, если хотите, правоцентристы.

НТВ, овес и далее – везде

С НТВ такая проблема: была хорошая, здоровая и, самое главное, живая лошадь. Правда, ела ворованный овес. Не нужно кормить ее ворованным овсом, но убивать ее — нельзя, она-то ни при чем!

Там все было живое. Не все было хорошо, но там, например, по-настоящему освещалась политика. Вот знаменитые «селекторные совещания» лидеров фракций: каждого спрашивали, как быть с РАО «ЕЭС», а как — с Ираком? И каждый, за кого люди голосуют на выборах, говорил: мы так считаем, а мы эдак. Это была не драка, не свара, а настоящие политические дебаты. Все высказывались, никому ничего не запрещалось.

Что сделали? Овес оставили тот же, а лошадь убили. Потом ее решили реанимировать в идее ТВ-6, потом эксгумировать в виде ТВС. Теперь делят овес.

А на нынешнем НТВ те, кто раньше кричал про спор хозяйственных субъектов и что «чертовски хочется поработать, какая мне разница, кто хозяин», сейчас хлопают дверьми, получив новое руководство. Круг замкнулся.

О российской политике в целом

Настоящей публичной политики в России сейчас нет, свободы слова в серьезном смысле тоже нет. Нет правосудия, нет честных выборов. Вместо этого — эдакий политический постмодерн: советский гимн, имперский герб, демократический флаг. Советское время — это своего рода классицизм. Потом началась перестройка: с 86-го по 90-й был модерн. С 92-го по 93-й при Ельцине начался ранний постмодерн. А сейчас — это уже поздний постмодернизм. Дальше, наверное, будет ренессанс классицизма. Но это как сложится.

ПРАВИТЕЛЬСТВО НАРОДНОГО НЕДОВЕРИЯ

Стенограмма выступления на заседании Государственной Думы по вопросу о выражении недоверия Правительству РФ, 18 июня 2003 года

Уважаемые депутаты!

Как вам известно, фракция «ЯБЛОКО» инициировала вопрос, который мы сегодня рассматриваем.

Наши замечания к работе правительства, наше несогласие с правительством подробно изложено в заявлении нашей партии от 26 апреля. Они прежде всего касаются таких серьезных вопросов, как ввоз ядерных отходов в Россию со всего мира, теневая реорганизация крупнейших естественных монополий, таких как РАО «ЕЭС», как блокирование по существу военной реформы, прекращение налоговой реформы, нежелание создавать современную экономику образования. Мы особо подчеркиваем наше несогласие с полной бездеятельностью правительства в правоохранительной сфере. Почти ежедневными стали серийные заказные убийства по всей стране.

Нам, конечно, можно возразить, что, скажем, в последнем вопросе правительство не несет прямой ответственности. Однако мы с этим не согласны. Согласно нашей Конституции правительство несет прямую ответственность за все эти сферы.

Мы можем, например, подчеркнуть, что считаем вполне удачными очень многие внешнеполитические действия, предпринятые Михаилом Михайловичем Касьяновым по поручению президента, которые он

выполняет достаточно часто, несмотря на то что традиционно считается, что эта сфера тоже не относится к ведению правительства.

Нас часто спрашивают: почему этот вопрос мы инициировали именно сейчас? Во-первых, потому что именно сейчас и этой осенью закладывается большинство экономических решений, которые дадут отдачу и в 2004, и в 2005, и отчасти в 2006 году. Именно сейчас решаются вопросы о том, какими будут на самом деле экономические темпы. Именно сейчас решается вопрос, насколько эффективно будут идти те или иные экономические процессы. А мы с вами знакомы с проектными предложениями бюджета и видим, что никаких изменений, кроме инерционной политики, в бюджете нет.

Должен сказать вам, уважаемые депутаты, что очень наивно предполагать, что экономика может ждать, что экономика или история живет по думскому расписанию, что поскольку у нас сейчас каникулы, а потом выборы, то можно дожидаться, когда после выборов и тех и других произойдут изменения в экономической политике. История не ждет. Она движется своим путем. И если мы сегодня ставим задачи о необходимом удвоении ВВП в ближайшие 10 лет и об этом говорится в Послании президента, то этот вопрос решается уже сегодня теми законами и теми предложениями, которые вносит правительство уже сейчас. Это первое.

Второе. Неужели всем профессиональным экономистам непонятно, что очень серьезно меняется экономическая ситуация, в которой работает правительство?!

Все три года правительство работало в условиях, когда непрерывно росли цены на энергоносители, а рубль очень медленно преодолевал последствия его

девальвации. Правительство использовало этот момент, если не сказать паразитировало на этой ситуации.

Сегодня ситуация меняется, цены на энергоносители скорее всего будут существенно падать, а курс рубля по отношению к доллару – расти. Это принципиально другая ситуация.

В-третьих, многие говорят, что правительство все равно скоро уходит. Что еще более интересно, само правительство постоянно говорит о том, что да, мы тут, вообще-то, теперь уже ненадолго, мы все равно скоро уходим, скоро будут выборы, мы будем слагать свои полномочия...

Я думаю, что совершенно понятно для всех нас, что правительство временщиков, то есть, правительство, которое уже сидит на чемоданах (а можно представить себе, что правительство кладет в эти чемоданы), – это правительство, которому вряд ли можно доверять сегодняшнюю работу по созданию перспектив в области экономики.

Нам опять внесли предложения, например, по изменению налоговой системы, в соответствии с которой правительство планирует уменьшить доходы Москвы на 6%, Петербурга – на 10%, Камчатки – на 12%, ряда других регионов – на 6 и 10%. Кто может закладывать для себя такие предложения? Только то правительство, которое в этих условиях уже работать не собирается.

Так что у нас есть что сказать и тем, кто высказывает соображения, нашим оппонентам, которые говорят о пиаре, есть что нам сказать и тем, кто почему-то называет правительство не иначе как уборщицей.

Но не хочется сегодня терять на это время. Сегодня у нас появилась с вами возможность, которую мы только что чуть было не отвергли, возможность впервые за 3 года серьезно обсудить вопросы экономичес-

кой стратегии на будущее. Сегодня у нас появилась возможность, даже шире — мы можем обсудить политическую систему. Мы можем обсудить и проанализировать ту систему, которая складывается фактически в нашей стране. Неправильно заниматься в парламенте только мелким лоббизмом, мелким и крупным торгом и перетаскиванием бюджетных средств из одной стороны в другую. Жизненно важно обсуждать принципиальные проблемы страны. Для этого в Конституции, кстати, и предусмотрена та самая процедура, которую мы сегодня с вами использовали.

Речь, кстати говоря, идет вовсе не о том, чтобы обвинить правительство в том, что оно все это сотворило и наделало, это вовсе не так. Речь идет о другом, о том, что правительство ничего не делает, чтобы изменить эту ситуацию.

Скоро пройдут выборы. Мы с вами вправе и даже обязаны обсудить, что же за экономическую систему мы создали за последние 10–12 лет? Ясно, что темпы роста нашей экономики, которые необходимы, жизненно необходимы стране, не достигнуты. Задача удвоения ВВП за 10 лет исключительно сложна, и ясно почему. Потому что в стране сцементировалась и сложилась мощная система торможения экономического развития. Она сложилась за последние 10–12 лет. И существенно укрепилась за последние годы.

В чем же она? Во-первых, это, безусловно, ситуация, при которой мы не имеем на сегодня независимой судебной системы. Мы не имеем сегодня независимого парламента. Мы не имеем сегодня политически значимых независимых средств массовой информации. Мы имеем выборы, которыми в значительной степени манипулируют. Мы имеем слияние бизнеса и власти. И, наконец, как многие очень любят говорить,

мы имеем еще и техническое и в этом смысле абсолютно безответственное правительство.

Согласитесь, уважаемые господа депутаты, это очень далеко от того, что сказано в нашей Конституции. Это очень далеко от разделения властей. Это очень далеко от современной политической системы, которая может стать реальной основой эффективной рыночной экономики.

Такая политическая система больше напоминает корпоративную политическую систему, очень похожую, по своей сути, на ту, которая была в России до 1992 года. Она же и определила нашу экономическую систему, и вот именно это является вопросом экономических и политических дебатов в парламенте. Я очень сожалею, что наше правительство не нашло в себе силы лицом к лицу вести полемику по этому вопросу.

Экономическая система, которая сложилась в нашей стране, может быть определена как система периферийного капитализма. Что это значит? Это значит, что существует колоссальный разрыв между законодательством и экономической практикой. Это значит, что широко используются административные методы давления, вплоть до уголовных, одних хозяйственных субъектов на другие. Это значит, что существует тотальное недоверие всех экономических субъектов, работающих на российском рынке, и по отношению друг к другу, и по отношению к правительству. Это значит, что существует узкий групповой контроль за основными финансовыми потоками.

Если к этому добавить особенности нашей экономики как таковой, ее почти исключительно сырьевую направленность, деформированную структуру, отсутствие реальной экономической свободы и всеобъемлющий бюрократический контроль, фактическую незащищенность прав частной собственности и антисо-

циальную направленность, то тогда картина более или менее становится ясной. В чем проблема этой системы?

Конечно, есть много стран в мире, которые десятки и десятки лет живут в этой системе. Это почти вся Латинская Америка, это почти вся Юго-Восточная Азия. И можно было бы не сокрушаться по этому поводу, тем более что политическая, экономическая элита нашей страны живет весьма благополучно. Проблема заключается в том, что созданная в России экономическая система крайне ограничена по своим возможностям, она не может обеспечить занятость, необходимую России, она не может развивать малое и среднее предпринимательство, она антиинвестиционна по самой своей сути и она не использует человеческий интеллектуальный потенциал, существующий в нашей стране.

Она отталкивает его, как и всякая сырьевая экономика. Экономические возможности нашей системы ограничены настолько, что мы сегодня с вами стоим перед очень серьезным вызовом. И время не ждет ответа на этот вопрос. У нас самые протяженные границы с самыми нестабильными регионами мира, а наша экономическая система не может обеспечить достаточное количество средств для того, чтобы обезопасить эти границы.

Эта экономика не в состоянии обеспечить создание современной системы здравоохранения и образования в стране, современной армии. Эта система может обеспечить приемлемый европейский уровень доходов граждан только для 30% населения.

Кроме того, эта система создает совсем другой облик нашей страны, не тот, который у нас был, и, кстати, не тот, который свойственен многим развитым странам. У нас появляется другой средний класс. Не средний класс, который состоит из инженеров, врачей, учителей, научных работников, офицеров, высококвалифицированных рабочих. Новый средний класс, наиболее хорошо зарабатывающий в России, строится по формуле примерно такой: ресторан, такси, девочки. Это совершенно другой облик нашей страны, это совсем другая ее нравственная основа.

А движущими механизмами все больше является коррупция и выполнение обязательств «по понятиям». Кстати, должен сказать, что никого не должны смущать темпы роста, которые сегодня наблюдаются в нашей экономике. Темпы в 6 и 7%, конечно, хорошие темпы роста для любой страны, но для той, у которой мощная база в экономике.

В наших же условиях следует обратить внимание на другой показатель, например, на индекс потребительских настроений. Так вот, индекс потребительских настроений, несмотря на эти темпы роста, падает. Здесь я должен остановиться и сказать одну очень серьезную вещь.

Система эта сложилась, она фундаментальная и на переделку ее уйдет очень много сил. Ее нельзя переделать в один раз. Это не сможет сделать одно правительство. Это будет долгая и трудная работа. Но особенность нынешнего правительства заключается в том, что оно ничего и не делает, чтобы эта система изменилась.

Вот с учетом всего вышесказанного, я хотел бы в двух словах сказать о нашем видении тех наиболее важных, наиболее принципиальных направлений, по которым мы и хотели провести дебаты с правительством, которые совершенно необходимы нашей стране.

Я начну с налоговой реформы. Конечно, наша налоговая система требует резкого улучшения. Конечно, снижение налогового бремени является...

Председательствующий: Григорий Алексеевич, я добавляю вам тоже полторы минуты, как и Геннадию

Андреевичу Зюганову, потому что вам сегодня дано время 35 минут на двоих. Пожалуйста. Да, пожалуйста.

Явлинский Г.А.: Пожалуй, это правильно. Раз правительства нет, то и обсуждать вопрос по существу крайне затруднительно. Но я все же хотел остановиться на следующем. И налоговая реформа, и реформа естественных монополий, реформа жилищно-коммунального хозяйства, и реформа финансового сектора, и реформа административного — все эти реформы на 100% провалены правительством.

Могу сказать следующее. Мы убеждены — роль правительства в России очень важна. Мы убеждены, что, несмотря на все отговорки, его роль в том, что нужно делать для нашей страны, исключительно значительна. Правительство имеет важнейшее значение для создания эффективной рыночной экономики, открытого гражданского общества, государства, защищающего экономические права своих граждан. Однако ничего наше правительство не сделало в этом направлении и не намерено делать, судя по той политической тактике, которую она использует при обсуждении крупнейших проблем.

Мы призываем вас не становиться технической Думой при техническом правительстве.

Мы призываем всех своим голосованием пригласить правительство в Государственную Думу для серьезного и обстоятельного разговора. Мы проголосуем за недоверие правительству.

ЦЕЛЬ – ЛИКВИДАЦИЯ НИЩЕТЫ

Выступление лидера «ЯБЛОКА»
на расширенном заседании Госсовета по вопросам
развития экономики, преодоления бедности
и модернизации армии.
Москва, Кремль, 11 июля 2003 года

Сама идея встречи и затем совместной работы различных политических сил над критически острыми проблемами страны — идея очень правильная. Она свидетельствует о понимании руководством страны остроты сложившихся в стране проблем. Мы как либеральная партия имеем свой взгляд на решение ключевых проблем страны, но, конечно, можем и будем сотрудничать с другими политическими силами.

Первое. Вопросы экономики, как правило, рассматриваются в достаточно узком плане, с точки зрения состояния экономики и общества в каждый конкретный момент. Может сложиться впечатление, что видение стратегии, представление о долгосрочных целях, идеология — вторичны и не имеют большого общественного значения. Мы так не считаем. Ясное понимание стратегических задач — важнейший вопрос, кстати, и для решения текущих задач. Ведь оно зависит от того, как оцениваются перспективы.

У нас любят говорить, что наша стратегическая цель — построение рыночной экономики. На самом деле — это не ответ, а абстракция. Весь мир, так или иначе, живет в условиях рыночной экономики. Хотя работает она по-разному. Так, например, в Афганис-

тане фактически нет правительства, задачи не ставятся, не решаются, а просто существует свободный рынок. Уровень жизни в большинстве стран очень далек от желаемого. Поэтому нам нужна не просто рыночная, а **эффективная** рыночная экономика. Эффективная рыночная экономика может быть основана только на свободе, социальной защищенности, конкуренции, и — что особенно важно для России — это должна быть экономика сохранения страны: ее единства, защиты территории, места страны в мире в целом.

Из трех поставленных на обсуждение сегодня проблем — экономика является ключевой. От нее зависит решение и проблемы бедности, и модернизации армии. Должен сказать, что, по нашему мнению, чудес в экономике не бывает. Экономический рост напрямую зависит от того, удастся ли мобилизовать сбережения граждан, накопления корпораций, привлечь иностранные — будь то западные или восточные ивестиции.

С нашей точки зрения, климат, привлекающий эти инвестиции, формируется только благодаря экономической свободе, судебной справедливости, политической стабильности, правовой стабильности, демократическим свободам. Присутствие всех этих компонентов является важнейшей предпосылкой динамичного экономического развития общества.

Есть целый ряд важных традиционных направлений экономического развития:

- совершенствование банковской системы с точки зрения укрепления доверия вкладчиков;
- развитие инфраструктуры страны — то, что может делать только государство: дороги, связь;
- сохранение и развитие человеческого капитала;
- защита прав собственности;
- административная реформа;

- дерегулирование;
- снижение уровня коррупции;
- налоговая реформа, в которой в последнее время есть существенный прогресс;
- развитие малого бизнеса;
- активная вразумительная социальная политика и в области ЖКХ, и в области защиты прав бюджетников;
- реформирование силовых структур;
- обеспечение личной безопасности граждан;
- обеспечение безопасности страны, ее границ.

Есть множество задач, но одно направление — ключевое.

В середине 90-х годов в России была создана олигархическая экономическая система, свойственная периферийному капитализму. Сегодня она представляет колоссальный механизм торможения, не нейтральный политически, а постоянно воспроизводящий бедность, коррупцию и другие проблемы. Главной задачей сегодня является демонтаж этой системы.

Отмечу, что проблема при этом — не в конкретных личностях (среди которых много незаурядных), не в той или иной фамилии, а в системе отношений.

Существуют огромные сложности в деле демонтажа этой системы.

Первая — и это принципиальное ограничение, на котором мы настаиваем, — невозможность административной отмены результатов свершившейся приватизации, передела собственности репрессивными методами.

Вторая — в ходе демонтажа этой системы необходимо продолжать привлекать инвестиции. Демонтаж надо вести тонко, не взрывая политический климат. Здесь я обращаюсь к Генеральной прокуратуре: то, что она устроила сейчас в отношении «ЮКОСа», — неадекватно законодательству и неразумно ни с точ-

ки зрения здравого смысла, ни с точки зрения права. Это выглядит как раскулачивание.

Необходим конструктивный нерепрессивный план демонтажа олигархической системы. Он должен быть понятен гражданам и всем политическим силам.

Этот план должен предусматривать принятие законов о легализации капиталов, налоговую амнистию в отношении легализованного капитала, а также уголовную амнистию, конечно, если речь не идет об убийстве или других преступлениях против личности.

Однако когда экономическая целесообразность вступает в противоречие с конституционным строем, то мы на стороне конституционного строя. Экономические достижения или успехи могут быть большими или меньшими. Их потом можно наверстать. А разрушение конституционного строя, развал государственности может оказаться необратимым.

Поэтому в том же пакете должны быть законы, направленные на защиту политической власти, правительства, политических партий от агрессии экономических корпораций. Необходимо создание законов, которые будут регламентировать участие крупного бизнеса в политике. Давайте внесем соответствующие поправки в закон о политических партиях, сделаем все тайное явным и все процессы поставим в легальные, законные рамки.

Так постепенно мы считаем возможным и необходимым выстраивать линию на преодоление олигархической системы. Снятие такого мощного механизма торможения сможет обеспечить нам экономический рост и глубокую модернизацию нашего общества.

Теперь я бы хотел остановиться на вопросах бедности. Российская демократическая партия «ЯБЛОКО» серьезно работает над этой проблемой и подготовило специальный доклад. Правда, мы говорим о

преодолении не бедности, а нищеты. Бедность — понятие относительное, она существует всегда. Есть богатые люди, по отношению к которым другие считают себя бедными. А вот ликвидация нищеты — того, что находится за пределами физиологических норм, — крайне актуальная задача.

Мы провели расчеты и вносим предложение о введении Единого социального пособия, которое заменит многие другие пособия, отменит целый ряд ненужных льгот. Мы можем назвать размер средств, необходимых для выплаты этих пособий. Здесь сидит Михаил Михайлович Касьянов, который, конечно, обратит внимание на цифру, которую я сейчас назову: 269,5 миллиарда рублей в год.

Мы также считаем необходимым, в целях преодоления нищеты, системно рассмотреть ключевые проблемы здравоохранения и занятости.

Я передам президенту наши предложения сейчас, после заседания.

О военной реформе за последнее время сказано очень много. Повторю нашу принципиальную позицию. Хорошо, если будут выполнены все решения, которые были приняты руководством страны относительно сокращения и изменения структуры армии, ее перевооружения, комплектования, социальной защиты военнослужащих. Однако мы считаем, что переход к контрактной армии нужно осуществить как можно быстрее. И в связи с этим два важных обстоятельства. Во-первых, реформа армии не может эффективно осуществляться самой армией. Необходима внешняя, представляющая общество сила, которая будет вместе с военными заниматься реформой. Во-вторых, мы готовы представить экономические предложения относительно финансирования военной реформы.

Подводя итоги, хочу сказать: «ЯБЛОКО» и со-

держательно, и организационно готово к сотрудничеству со всеми, кто желает блага нашей стране в решении поставленных сегодня на обсуждение критически острых проблем.

Спасибо за внимание.

ДЕМОНТАЖ ОЛИГАРХИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ[1]

«Файненшенл таймс», 2 сентября 2003 года

Скандал вокруг нефтяной компании «ЮКОС» получил широкий международный резонанс. Между тем казалось бы внезапное столкновение бизнеса и власти на самом деле имеет глубокие корни. Оно — следствие широкого круга проблем, порожденных криминальными особенностями проведения реформ в середине 90-х годов.

В те годы под прикрытием либеральной фразеологии были реализованы два марксистских тезиса: собственность — всегда кража, первоначальное накопление капитала — всегда криминально. Это и стало печальной особенностью российских реформ. В частности, именно на этом основывалась практика залоговых аукционов. Торжествовала убежденность, что не важно кому и как будет раздана собственность, главное — чтобы она попала в частные руки, а дальше «рынок все поправит». Однако необходимые для развития эффективной рыночной экономики институты сами по себе не развиваются.

В России отсутствует независимая судебная система, независимый парламент, нет политически свободных СМИ общенационального масштаба, существенное влияние на ход и результаты выборов оказывают административные усилия, полностью отсутствует гражданский контроль над спецслужбами и правоох-

[1] В оригинале статья называется «Реформы, которые коррумпировали Россию».

ранительными органами. Судебная система и коррумпирована олигархами, и является инструментом власти для сведения счетов путем избирательного применения законов. Использование властью правоохранительной системы для решения собственных задач — широко распространенная практика. В парламенте на содержании у власти находится искусственно созданное большинство. Доминирующая партия бюрократов, в традиционном смысле — не политическая, просто исполняет ее политические заказы и указания. Картину довершает отсутствие свободных СМИ, и прежде всего — национальных телеканалов, поскольку телевидение сегодня определяет общественное мнение.

Криминальный характер реформ середины 90-х предопределил еще одну важную особенность — слияние бизнеса и власти, которое завершилось к началу текущего десятилетия. В результате создана тотальная практика «кормлений», т.е. постоянной и регулярной оплаты корпорациями отправленных ими на работу чиновников. Неприкрытый цинизм, корыстные и грубые ошибки тех, кто осуществлял эти реформы привели к формированию системы полукриминального олигархического капитализма, которая отравляет существование российской политики и бизнеса и снова и снова воспроизводит коррупцию.

Все эти элементы являются взаимоувязанной корпоративной системой, которая защищает экономические интересы группы лиц, находящихся у власти. Поэтому, как только бизнес старается стать независимым или заявляет свои политические амбиции, власть немедленно применяет к нему послушную ей правоохранительную систему, используя факты криминальной приватизации середины 90-х годов, которая как проклятие висит над всей российской экономикой.

Нынешнее обострение лишь еще раз подчеркивает

фундаментальные особенности сложившейся системы и постоянную готовность бизнеса и власти перейти от перемирия к боевым действиям. Настало время найти долгосрочное решение, которое подведет черту под следствиями корыстной и извращенной реформы середины 90-х.

Демонтаж олигархической системы отношений необходим. Но у этого процесса есть несколько очень существенных ограничений.

Во-первых, абсолютно невозможен административный пересмотр итогов приватизации, несмотря на все ее недостатки. В настоящих условиях такое перераспределение заведомо будет полностью лишено каких бы то ни было критериев. В результате могут быть изменены лишь фамилии собственников, а не система отношений власти и бизнеса. Не секрет, что помимо бизнеса и государства есть и третья сторона. Интересы этой группы представляют те, кто считает себя обделенным в середине 90-х. Эти люди пытаются использовать свое влияние на Президента Путина для того, чтобы административно переделить собственность.

Такой передел приведет к жесточайшему столкновению с нынешними владельцами и надолго подорвет доверие к любым формам владения и праву собственности в России.

Во-вторых, действия по демонтажу этой системы не должны быть репрессивными, не должны подрывать доверия к новым реформам и инвестиционному климату в России.

Для разрешения проблемы я предлагаю принять пакет законов, состоящий из трех основных частей.

Первое. С тем, чтобы исчерпать возможность спекуляций на документах «смутного времени» середины 90-х, необходимо принять законы об амнистии

капитала, налоговой амнистии, вплоть до уголовной, исключая убийства и преступления против личности.

Вторая часть пакета относится к урегулированию отношений бизнеса и власти, и самое главное — отделению их друг от друга. Сегодня финансирование политических партий непрозрачно, бизнес прилагает немало усилий для коррумпирования различных решений в парламенте в самых прямых и грубых формах. При этом те общественные сферы, которые не имеют за своей спиной финансовых возможностей для такого лоббирования, оказываются в Думе в очень слабом положении. Следовательно, необходимо принять законы о прозрачности финансирования политических партий и транспарентном лоббировании в парламенте. К этой же части пакета законов мы относим и те, что создали бы основу публичного независимого общенационального телевидения, которого сегодня в России нет. Это позволило бы освободить СМИ от постоянного неприкрытого и наглого давления со стороны олигархов. Возможно, было бы полезно также законодательно ограничить возможность участия в политике тех, кто играл активную роль в приватизационных процессах, сроком, например, на 10 лет.

Первое и второе является необходимыми условиями для начала длительной работы по демонополизации советской, а теперь и российской экономики. Необходимо принять антимонопольные законы и применить жесткое антимонопольное регулирование. Естественно, для проведения этих мер потребуется сильное и независимое правительство.

Надо полагать, что реализации всех этих мер, которые гарантируют права собственности, с одной стороны, и защитят политическую власть — Думу, Правительство, президентские структуры, с другой стороны — от агрессивного давления олигархов, — будет

противодействовать третья сила, о которой мы говорили выше. Однако демонополизация рынков и публичная защита независимости судебной системы позволят постепенно перевести силовую борьбу с использованием полукриминальных методов и правоохранительных органов в рамки естественной экономической конкуренции, столь необходимой для российской экономики.

Принятие такого или подобного пакета законов представляется сегодня единственной альтернативой бесконечному повторению истории с ЮКОСом или даже более серьезным конфликтам и столкновениям, которые периодически будут приводить к политической и экономической нестабильности в России.

Сохранение системы, в которой отсутствует разделение властей, ограничены гражданские свободы и не гарантирована собственность, является единственным и очень серьезным препятствием тому, чтобы Россия стала полноправной европейской страной.